

Кирилл Бенедиктов

Блокада²

Книга вторая
ТЕНЬ ЗИГФРИДА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиктов К.

Б46 Блокада 2. Книга вторая: Тень Зигфрида – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.

Элитная команда диверсантов Третьего Рейха проникает в блокадный Ленинград, чтобы вывезти оттуда артефакты, найденные Львом Гумилевым в одной из Черных Башен. За успех операции отвечает оберштурмбаннфюрер СС Эрвин Гегель, выполняющий личное задание Гитлера. В поисках предметов диверсантам должен помочь агент немецкой разведки Раухер, работающий в СССР под прикрытием с 1936 года. Задача осложняется тем, что связь с агентом потеряна: известно только имя, под которым он жил в Ленинграде до войны...

В это же время группа специального назначения, сформированная из обладающих сверхспособностями бойцов Красной Армии, готовится к дерзкой вылазке в ставку фюрера под Винницей, где хранится могущественный предмет «Орел». Командиром группы назначен таинственный офицер Жером, служивший когда-то во французском Иностранным Легионе.

Между тем бывший ЭК Лев Гумилев и капитан госбезопасности Александр Шибанов становятся непримиримыми соперниками в борьбе за любовь сержанта медслужбы Кати Серебряковой. И наступает час, когда их соперничество ставит под удар тщательно разработанную операцию советской разведки...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

© Рыков К., 2010
© Бенедиктов К., 2010
ISBN 978-5-904454-20-3 © Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Аненербе

Замок Вевельсбург, к югу от Падеборна, Вестфалия

Луна, похожая на любопытный золотистый глаз, висела точно над правой башней замка.

– А знаете ли вы, что было время, когда у Земли имелся второй спутник? – спросил доктор Хирт.

Оберштурмбаннфюрер Гегель покачал головой.

– Не знакомы с трудами профессора Горбигера? Настоятельно рекомендую. Миллионы лет назад в небе можно было видеть две луны. Приливы и отливы тогда были совсем другими. Потом произошла катастрофа, и вторая луна рухнула на Землю. Это погубило населявших нашу планету гигантов.

– Гигантов? – переспросил, чтобы не показаться невежливым, Гегель. – Говорливый Хирт раздражал его.

– Именно. Помните Книгу Бытия? «В те дни на земле жили исполины». Они пасли стада ящеров на огромных равнинах Пангеи. Вы, конечно, слышали об этом сверхконтиненте, существование которого было блестяще доказано арийским гением Августа Вегенера.

Гегель буркнул что-то невразумительное.

– Когда луна упала, Пангея раскололась. Климат изменился самым драматическим образом, тучи пыли закрыли небо... Короче говоря, гиганты вымерли вместе с динозаврами.

– Вот как, – сказал Гегель.

– Вижу, вы сомневаетесь, – улыбнулся Хирт. – Ничего, вы измените свое отношение после того, что увидите в замке.

– И что же?

– Кое-что особенное. Совершенно особенное. Решительно особенное! Сегодня очень необычная ночь, оберштурмбаннфюрер.

Гегель покосился на Хирта. Сейчас доктор походил на поэта – глаза мечтательно полуприкрыты, лицо словно вызолочено вдохновенным светом. Впрочем, свет был самым обычным – желтым. От фонаря над центральными воротами Вевельсбурга.

– И потому мы оставили машину в километре от замка? – поинтересовался Гегель. – Из-за того, что сегодня очень необычная ночь?

– Разумеется, – Хирт взялся за тяжелый деревянный молоток, висевший при дверях на цепи, и несколько раз с силой ударили в окованную металлом створку ворот. Ворота загудели, будто церковный колокол. – Шум двигателя и особенно бензиновые пары могут помешать концентрации...

– А вот этот грохот, стало быть, не помешает? – ядовито осведомился оберштурмбаннфюрер. С самого начала их знакомства – Хирт встретил его на вокзале в Падеборне два часа назад – Гегеля не оставляло ощущение, что доктор держит его за идиота и даже не очень пытается это скрывать.

– Этот – не помешает! – в голосе Хирта прозвучала обида. – Сейчас мы слышим звук, естественный для того времени, когда... ну, в общем, для героических времен. В отличие от тарахтения дизеля.

Раздался омерзительный металлический скрежет – очевидно, не менее привычный для героических времен, и перед самым носом Гегеля открылась небольшая калитка. В черном проеме стоял высокий худой солдат в парадной форме СС. В руках он держал горящий смоляной факел.

– Хайль Гитлер! – воскликнул солдат, увидев Хирта. Тот вяло махнул рукой.

– Этот господин со мной, – небрежно сказал доктор. – Дайте-ка пройти, Ганс.

Ганс не тронулся с места. Факел дымил и трещал, отбрасывая по сторонам длинные тени. Гегелю показалось, что солдат рассматривает его как-то недобро.

– Он есть в списке, – нетерпеливо добавил Хирт. – Это оберштурмбаннфюрер СС Эрвин Гегель.

– Прошу простить, – в голосе Ганса лязгнул металл. – Имею приказ пропускать только обладателей печати.

Хирт тяжело вздохнул.

– Покажите ему, – сказал он, поворачиваясь к Гегелю. – Ганс у нас образцовый служака.

Гегель, чувствуя себя до крайности глупо, расстегнул верхнюю пуговицу кителя и извлек висевший на крепком черном шнурке каменный цилиндрик размером с мизинец. Цилиндрик дал ему Хирт по дороге к Вевельсбургу. «Формальность, – словно извиняясь, пояснил он. – Но, к сожалению, необходимая». Прежде чем надеть шнурок на шею, Гегель как следует рассмотрел цилиндрик. На темно-красном камне (Гегель решил, что это сардоникс) были грубо вырезаны изображения зверей и птиц. Эрвин видел такие штуки в Берлинском музее, в экспозициях, посвященных культуре Двуречья.

На Ганса печать произвела поистине магическое действие. Он вытянулся во фронт, щелкнул каблуками и вознес факел над стриженою головой. Одновременно он сдвинулся вбок, освобождая проход.

– Давно бы так, – буркнул Хирт. – Прошу следовать за мной, оберштурмбаннфюрер.

Гегель с опаской прошел под чадящим факелом, и чернильная тьма Вевельсбурга поглотила его.

Замок на крутом приречном холме построил на излете Средневековья некий рыцарь по имени Вевель фон Бюрен. Но задолго до этого на месте замка возвышалась твердыня гуннов, наводивших ужас на всю Европу. Ко временам фон Бюrena от

гуннов остались лишь многочисленные подземные коридоры, среди которых, если верить легендам, был один, ведущий к гробнице сына самого Атиллы. Гробница, по слухам, была битком набита золотом и серебром, поэтому на протяжении многих веков всевозможные искатели приключений упорно пробивали в холме штолни и штреки и в итоге превратили его в огромную головку голландского сыра. Когда фон Бюрен начал свое строительство, его ожидал неприятный сюрприз: фундамент все время «плыл», башни и стены замка то и дело норовили просесть в разверзшиеся подземные дыры вместе с камнетесами. Вдобавок главному архитектору оторвало обе руки сорвавшейся цепью лебедки, после чего в округе заговорили о проклятии, висящем над древней крепостью гуннов.

Фон Бюрен оказался малым упорным. Он поговорил со старшинами каменщиков, и выяснил, что согласно старинному поверью в подобных случаях в фундамент нужно замуровать живого человека – тогда, мол, стены простоят тысячу лет. Причем, чем моложе и безгрешнее жертва, тем прочнее станет постройка.

За двадцать пять серебряных талеров в одной из ближайших деревень была куплена восьмилетняя крестьянская девочка. В ночь, называемой Вальпургиевой, когда все ведьмы Германии собираются на горе Брокен и пляшут вокруг костров под красноватым светом полной луны, плачущую девочку запихнули в узкий, как щель, склеп в основании правой башни, и замуровали диким камнем.

Ожидаемого эффекта фон Бюрен не получил. Строительство продолжало идти ни шатко, ни валко, и даже через двадцать лет после начала работ Вевельсбург не мог порадовать глаз гармоничностью и основательностью. Взорам проезжавших мимо путешественников являлись две башни, соединенные неровною стеной. Шептались, что виной тому сердобольный каменщик, который, когда все участники страшного обряда

разошлись, вывел несчастное дитя через потайной лаз, нарочно оставленный в стене склепа. Но времени прошло слишком много, и установить правду не было уже никакой возможности.

Возможно, Вевельсбург так и остался бы живописной развалиной, но в 1933 году он приглянулся проезжавшему по Вестфалии Генриху Гиммлеру. Очарованный мрачной романтической атмосферой, окутывавшей руины, рейхсфюрер решил сделать Вевельсбург мистической штаб-квартирой СС.

За символическую плату в одну серебряную марку в год последний потомок Вевеля фон Бюренса сдал фамильные развалины в аренду сроком на сто лет. Впрочем, дальнейшие капиталовложения в Вевельсбург были куда более серьезными: любимое детище Гиммлера высасывало из государственной казны миллионы. Поговаривали, что рейхсфюрер желает превратить Вевельсбург в Черный Ватикан: сакральный город-крепость, с храмами, казармами, тренировочными залами, аллеями статуй нордических богов и героев, колоннадами и музеями. План реконструкции Вевельсбурга был рассчитан на тридцать лет, но с началом войны работы были приостановлены.

Последний раз Эрвин Гегель был в Вевельсбурге в 1935 году, когда строительство комплекса было в самом разгаре. Тогда, при свете дня, в замке не ощущалось ровным счетом ничего мистического – каменные стены были облеплены деревянными лесами, в котловане деловито рычали бульдозеры, неподалеку натужно гудели бетономешалки. Зато теперь, пробираясь вслед за Хиртом по узким темным коридорам, Гегель чувствовал неприятный озноб, похожий на тот, что охватывает человека, идущего по ночному кладбищу.

– Нам обязательно идти в полной темноте, доктор? – вполголоса спросил он.

– Т-ш-ш! – зашипел Хирт. – Тише! Мы приближаемся к месту, где концентрация наиболее высока! Прошу вас не задавать вопросов,oberштурмбаннфюрер! Только слушайте и наблюдайте! Наблюдайте и слушайте! Осторожнее, здесь ступеньки...

Под ногами Хирта заскрипело дерево. Мысленно проклиная своего спутника, Гегель нашарил полированные перила и начал на ощупь спускаться по лестнице. По ходу считал ступеньки – их оказалось шестьдесят две.

«Высота ступеньки – сантиметров тридцать. Значит, мы на глубине восемнадцати метров под землей... Шесть этажей, неплохо!»

– Стойте, – прошептал Хирт. – Слышите?

Гегель прислушался. Откуда-то из темноты действительно доносился странный тревожный звук – словно бы низкий голос бесконечно тянул «у-у-у». Звук был негромким, похоже, его источник находился за каменной стеной.

– И что это? – изумился Гегель.

– Это Великий Обряд, ведь сегодня ночь Красной Луны. Я же говорил, что сегодня вы увидите то, чего еще никто и никогда не видел! Кое-что решительно особенное!

Хирт протянул руку в темноту и бесшумно откинулся закрывавшую проход тяжелую завесу. Гегель непроизвольно зажмурился – оттуда струился синеватый свет, слабый и холодный, но после совершенной темноты неожиданно слепящий. Эрвину, подрабатывавшему в юности санитаром в анатомическом театре, подобное освещение тут же напомнило покойницкую.

Помещение, в котором оказались Гегель и Хирт, больше всего походило на древнегреческий толос – круглый зал с куполом и колоннадой. Источники света находились где-то в основании толстых колонн, что подпирали собою купол. В центре зала располагалось небольшое ступенчатое возвышение. Там, спиной к вошедшим, стоял высокий человек с длинными седыми волосами. Сначала Гегелю показалось, что это священник в рясе,

но, присмотревшись, он понял, что одеяние человека больше похоже на длинный, до щиколоток, хитон – серая ткань свободно струилась вдоль мощного тела, короткие рукава открывали мускулистые предплечья.

– Кто это? – одними губами спросил Гегель у Хирта. Тот покачал головой и упреждающе приложил палец к губам – «слушайте и наблюдайте!»

Человек на возвышении медленно воздел руки вверх, ладонями в сторону каменного свода. Движения его были такими осторожными, словно на ладонях у него покоился прозрачный стеклянный шар.

Внезапно заунывное «у-у-у-у-у» стало громче и еще тоскливее. Гегель напрасно пытался определить источник звука – гудение неслось одновременно со всех сторон, резонируя под куполом. У оберштурмбаннфюрера по спине пробежали мурашки.

– Внемлите, отважные воины Арминия! – воскликнул человек в сером хитоне. – Во славу бессмертных деяний я извлек ваши кости из безымянных могил. Ныне силою Донара-громовержца я призываю души героев вернуться в Мидгард. Повинуйтесь мне, воины!

Он говорил на старонемецком, который Гегель понимал с пятого на десятое. Но голос у человека был зычный и раскатистый, и Эрвин поймал себя на мысли, что уже слышал его прежде.

Синий свет, сочившийся из-под колонн, потускнел, и Гегелю вдруг почудилось, что у ног человека в хитоне зашевелились серые змеи. Приглядевшись, он понял, что это струйки дыма, сочившиеся сквозь щели между массивными каменными плитами пола. Подобно змеям, струйки сплетались в клубки, причудливо извивались, вытягивались, пытаясь добраться до верхней ступени платформы. Над головой заклинателя, под самым куполом зала, медленно сгущалось расплывчатое, как клякса, темное облачко.

– Храбрые германцы! Титаны, бросившие вызов мощи Рима! Герои Тевтобургского леса! Я взываю к вам, я повелеваю пасть препрадам, отделяющим мир мертвых от мира живых! Вернитесь, чтобы вновь обрести плоть, о великие воины!

«Откуда же мне знаком этот голос? – подумал Гегель. – Не с университетских ли времен? Может быть, кто-то из профессоров вот так же гремел с кафедры?»

Он повернулся к Хирту, но тот, как зачарованный, смотрел на клубящийся на ступенях платформы сизоватый дым. Гегель пожал плечами и, неслышно ступая, двинулся к ближайшей колонне.

Заклинатель тем временем забормотал что-то совсем уже непонятное. Гегелю показалось, что он перешел на какой-то скандинавский язык. Оберштурмбаннфюрер дотронулся рукой до колонны – та была холодной и влажной. Откуда-то из-за толстого, как бочонок, основания шел слабый синий свет.

Гегель сделал еще один осторожный шаг – за колонну. Как он и предполагал, источником света была стеклянная колба, прикрытая металлическим колпаком – подобие химической лампы, что сконструировал для подводного флота Рейха Макс Пирани. Колба находилась в небольшой полукруглой нише в стене, заваленной каким-то хламом.

Что это за хлам, Гегель понял лишь через десять ударов сердца – столько понадобилось его мозгу, чтобы справиться с шоком от увиденного.

Это были кости.

Черепа, проломленные, полусгнившие, с черными провалами глазниц, с беззубыми дырами ртов. Длинные берцовые кости, изогнутые дуги ребер, россыпи позвонков – жутковатое ассорти брошенных в беспорядке останков. Иные были выбелены временем дочиста, на других висели сгнившие лоскутья не то одежды, не то плоти. На третьих, музейной сохранности, блестели современного вида металлические бирки. Кое-где

среди фрагментов скелетов чернели обглоданные ржавчиной полоски мечей, обломки доспехов. Синеватый химический свет придавал открывшейся оберштурмбаннфюреру картине совершено инфернальный оттенок.

Запястье Гегеля сжали чьи-то холодные пальцы, и он, вздрогнув, крутанулся на каблуках.

– Что вы делаете? – зашипел на него Хирт. – Я же просил вас смотреть и слушать, не сходя с места!

Возразить контрразведчик не успел – монументальная фигура, возвышавшаяся в центре зала, развернулась к ним как тяжелое артиллерийское орудие.

– Хирт! – во всю мощь рявкнул человек в сером хитоне. – Хирт, мерзавец, сукин сын, вы сбили мне концентрацию!

У заклинателя было тяжелое породистое лицо с широким носом и массивными надбровными дугами. Длинные серебряные волосы падали на мощные плечи, мешая Гегелю сосредоточиться – лицо человека в хитоне было ему определенно знакомо, но, кажется, у него была тогда другая прическа. А что, если сейчас это парик?

Гегель мысленно сорвал серебряный парик с головы заклинателя, и все тут же встало на свои места. Перед ним был никто иной, как Карл Мария Вилигут – некогда любимец Гиммлера, сделавший стремительную карьеру в рядах СС и неожиданно низвергнутый с высших ступеней иерархии за несколько месяцев до начала войны¹. Ходили слухи, будто неизвестные доброжелатели положили на стол рейхсфюреру досье, в котором го-

¹ Вилигут Карл Мария (1866–1946(?)) – неоязычник, провидец и мистик; одно время пользовался большим авторитетом среди оккультистов Германии. Благодаря незаурядной родовой памяти и богатому воображению попал в фавор к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, при котором играл роль немецкого Распутина.

В СС вступил в сентябре 1933 г. (под псевдонимом Karl Maria Weisthor), выслужился до бригадефюрера СС. Придумал многие ритуалы и эмблемы СС (в частности, разработал дизайн кольца «Мертвая голова»), многое сделал для того, чтобы превратить Вевельсбург в орденский замок и мистический церемониальный центр СС.

В 1939 г. неожиданно попал в опалу к Гиммлеру и был уволен из рядов СС. О последних годах его жизни известно мало: по официальной версии, он жил в провинции под присмотром женщины из вспомогательного подразделения СС, и умер в 1946 г. Однако существует множество легенд о том, что Вилигута видели в окрестностях Вевельсбурга спустя много лет после его официальной смерти.

ворилось, что Вилигут был завсегдатаем у психиатров и даже провел несколько лет в психиатрической лечебнице. Гегель слышал, что старик – Вилигуту было хорошо за семьдесят – живет где-то в глухи под присмотром сиделок из СС. А он, оказывается, вот где – в своем любимом Вевельсбурге, распевает гимны на древнегерманском и призывает каких-то древних мертвцев.

– Хайль Гитлер, бригаденфюрер! – Гегель сделал шаг вперед и вскинул руку в римском приветствии.

Бригаденфюрером Вилигут, скорее всего, уже не был – три года назад Гиммлер лично принял у него назад кольцо «Мертвая голова», кинжал и шпагу, которые когда-то сам и вручил – но никогда не мешает подсластить пиллюлю. Впрочем, на старика нехитрая лесть Гегеля не произвела никакого впечатления.

– Кого вы сюда привели, Хирт? – грозно прорычал он. Гегель заметил, что сизые змеи, свивавшиеся кольцами у ног Вилигута, распадаются и тают, как туман в лучах рассветного солнца.

– Вы тупоголовый болван, Хирт! Я запрещал приводить в Храм посторонних!

«Ага, – подумал Гегель. – Мы, оказывается, в Храме!»

На Хирта было больно смотреть.

– Господин Вайстор, – пробормотал он, – это тот самый человек, о котором я вам докладывал. Оберштурмбаннфюрер Гегель из Имперского управления безопасности. Он выполняет личное задание фюрера...

– И что? – загремел Вилигут еще оглушительнее. – С каких пор это оправдывает грубейшее нарушение орденской дисциплины? У этого вашего Гегеля хотя бы печать есть?

– Разумеется, господин Вайстор, – Хирт повернулся к контрразведчику и сделал страшные глаза – «доставайте немедленно! – Одну секунду...

Гегель вновь извлек сардониксовый цилиндр и продемонстрировал его Вилигуту. Но тот, похоже, уже потерял к нему всякий интерес.

– Вы, двое злонравных тупиц, сорвали Обряд! Две недели я сидел на хлебе и воде, ночи напролет проводил в медитациях и молитвах, и все это пошло псу под хвост! Следующая Красная Луна появится на небосклоне лишь через полгода! Как мне оправдаться перед рейхсфюрером? Бессмертные воины Арминия были готовы воплотиться вновь, и они воплотились бы, если бы не вы, безмозглые кретины, не имеющие никакого представления о Великом Обряде!

Гегель усмехнулся про себя. Любому другому такое оскорбление не сошло бы с рук – но обижаться или гневаться на выжившего из ума старика было нелепо.

– Прошу простить меня, господин Вайстор, – покаянно склонил голову Хирт. – Это моя вина. Оберштурмбаннфюрер ничего не знал об Обряде...

– Зачем же вы тогда его сюда притащили? – подозрительно осведомился Вилигут.

– Я хотел продемонстрировать ему, с какими силами имеет дело наше Общество, – продолжал каяться Хирт. – Видите ли, господин Вайстор, задание, полученное оберштурмбаннфюрером, имеет непосредственное отношение к нашим изысканиям...

– И что с того? – громыхнул седовласый.

– Я полагал, что если господин Гегель своими глазами увидит происхождение теней, это изменит его отношение к Аненербе...

Хирт замолчал, глядя в пол. Карл Мария Вилигут тяжело дышал, крылья его массивного носа широко раздувались.

– Проваливайте оба! – заорал он, наконец. – Жалкие профаны! В следующий раз я прикажу Гансу стрелять в каждого, кто посмеет приблизиться к Черной Лестнице! Прочь с глаз моих, недоумки!

Он запрокинул голову и уставился на медленно таявшее под куполом темное облачко.

– Пойдемте, – потянул Гегеля за рукав Хирт. – Нам лучше покинуть подземелье.

Гегель не стал спорить.

Обратный путь проходил в молчании, хотя теперь необходимости соблюдать тишину уже не было.

– Я полагал, старик давно ушел на покой, – заговорил Гегель, когда они добрались до середины лестницы. Хирт кашлянул.

– Его вернули. Речь не об официальном восстановлении в звании, как вы понимаете. Но Вайстору позволили работать по... некробиотической тематике.

– Вызывать духов? – хмыкнул Гегель.

– Это не спиритизм, – возразил Хирт. – Он занимается настоящим воскрешением. Тем, про которое сказано в Писании.

Голос его звучал сдавленно – видимо, нетренированному доктору было сложно одновременно говорить и подниматься по крутой лестнице.

– Вы хотите сказать, что все эти кости...

– Конечно! Это останки воинов-херусков, победителей римлян, раскопанные Вайстором в Тевтобургском лесу и в Шварцвальде. Великий Обряд должен был воссоединить тела и души погибших героев.

– И мы все испортили? – с иронией спросил Эрвин. – Теперь я понимаю, почему старик так разбушевался...

Хирт, поднимавшийся по ступеням впереди него, остановился так внезапно, что Гегель едва не врезался ему в спину.

– По правде говоря, – пробормотал он, отышавшись, – у Вайстора могло бы не получиться и без нашего вмешательства. Великий Обряд – страшно сложная процедура. Вайстор работает над ней уже второй год...

– И как успехи?

Хирт засопел.

– Понимаю, оберштурмбаннфюрер, вы скептически отноитесь к возможности воскрешения давно умерших героев... Но если я докажу вам, что это не выдумка?

Гегель пожал плечами.

– Попробуйте. Правда, я все равно не понимаю, какое отношение это имеет к русскому ученому из Ленинграда.

– Все в мире взаимосвязано, – глубокомысленно изрек Хирт.

– За несколько дней до войны русские вскрыли могилу Тамерлана в Самарканде. Слышали об этом?

– Нет, – покачал головой Гегель. – Я не слишком интересуюсь археологией.

– Напрасно. Существует легенда о том, что могилу Тамерлана трогать нельзя – иначе, мол, начнется большая война. Но русские со своим коммунистическим материализмом, конечно же, не поверили в эту легенду. В результате у них появилась прекрасная возможность убедиться, что не все в мире можно объяснить марксистской теорией...

– Только не говорите мне, что фюрер отдал приказ о наступлении из-за того, что был потревожен прах Тамерлана.

Хирт усмехнулся.

– Конечно же, нет! Война началась бы в любом случае, хотя совпадение, согласитесь, любопытное. Но зачем русским понадобилось вскрывать могилу Железного Хромца?

– И зачем?

– Они кое-что искали там. Еще в 1925 году один наш соотечественник, инженер, работавший по контракту с большевиками в Самарканде, проводил в мавзолее Гур-Эмир исследования магнитных полей. Он обнаружил над могилой Тамерлана возмущения магнитных линий, и предположил, что в гробнице находятся сотни килограммов металла. Однако сама гробница была не такой уж и большой. Инженер предположил, что Тамерлан похоронен в железном гробу. Но когда русские вскрыли могилу, никакого металлического саркофага там не оказалось...

Они, наконец, преодолели последние ступеньки лестницы и очутились в низком сводчатом коридоре. Хирт щелкнул зажигалкой и вынул из пристенного кольца обернутый паклей факел.

– У вас здесь нет электричества? – спросил Гегель.

– Отчего же? Просто электромагнитное излучение негативно влияет на концентрацию Од.

– Концентрацию чего?

– Од. Это невидимая жизненная энергия, разлитая в пространстве. Индуисты называют ее праной, но Вайстор полагает, что «Од» – более правильный термин. Нордический!

Хирт сделал приглашающий жест.

– Пойдемте, я покажу вам... Великий Обряд, в сущности, это концентрация силы Од и вливание ее в органические останки. Чем чище Од, тем больше вероятность того, что органика начнет восстанавливаться.

– Кости оденутся плотью?

– Мыслите верно. На этом этапе больших сложностей не возникает. Нам удалось восстановить тела трех древних германцев и одного римлянина из легиона Вара. Самая большая проблема – вернуть в ожившее тело душу. Именно над этим и бьется сейчас Вайстор.

«А он, похоже, не притворяется, – с удивлением подумал Гегель. – Искренне верит во всю эту чушь... Интересно, сколько средств выделяет на некромантские забавы рейхсфюрер?»

– Восстановленное тело может функционировать неограниченное количество времени, – продолжал, между тем, Хирт. – Оно ест, пьет, отправляет естественные надобности, реагирует на болевые раздражители, но никакого сознания в нем нет и в помине. Для того, чтобы произошло полноценное воскрешение, необходимо соединить тело с покинувшей его душой и – самое главное! – удержать ее там.

Он остановился перед массивной дверью из черного дуба и принял греметь ключами.

– Сейчас вы все увидите своими глазами, оберштурмбаннфюрер...

За дверью оказалась обычная университетская лаборатория – со стеклянными шкафчиками, металлическими столиками

на колесах, вытяжными коробами и буграми зачехленных приборов. Никаких факелов на стенах здесь уже не было, и Хирту пришлось все-таки зажечь электрический свет.

– Это моя епархия, – сказал он важно. – Здесь я стараюсь методами науки улучшить результаты, полученные Вайстором.

Морщась от яркого света, Гегель вытащил из кармана темные очки и надел их.

– Глаза болят, – пояснил он Хирту. – Повредил зрение на Восточном фронте.

На Восточном фронте Гегель никогда не был – не считать же фронтом благополучную, утопающую в вишневых садах, Винницу. Надеть темные очки посоветовал ему хитрец Шелленберг.

– Доктор Хирт курирует в «Аненербе» исследования, связанные с человеческой психикой, – сказал он. – Гипноз, транс, медитации, наркотики... За самого доктора не поручусь, но знаю, что у него в штате есть пара сильных гипнотизеров. На всякий случай старайтесь не встречаться с ним взглядом, а при разговоре с глазу на глаз лучше всего нацепите темные очки.

Теперь лаборатория казалась Гегелю довольно зловещей. Хирт прошел вглубь помещения и, обернувшись, поманилoberштурмбаннфюрера за собой.

– Вот, взгляните, – он указал на накрытый зеленым армейским брезентом ящик, стоявший на металлических подпорках.

– Это наш самый удачный на данный момент образец. Римский легионер эпохи Октавиана Августа. Убит при разгроме легионов Вара воинами Арминия. Останки, в довольно неплохом состоянии, были найдены в Тевтобургском лесу.

Театральным жестом Хирт скинул с ящика брезент. Гегель, ожидавший увидеть очередную кучу гниющих костей, брезгливо отстранился.

Ящик был сделан из хромированной стали. Толстый кабель в черной оплётке соединял его с негромко гудевшим трансфор-

матором. Крышка у ящика была прозрачная, из дюймового армированного стекла.

Хирт щелкнул каким-то тумблером, и под крышкой зажегся слабый зеленоватый огонек.

– Взгляните, не бойтесь, у него довольно приличный вид.

Гегель, пересиливая себя, заглянул в ящик. Там, судя по всему, было очень холодно – на стенках блестели кристаллики льда. За стеклом лежал человек. Не скелет, как можно было предположить, а скорее – замороженный труп: в короткой бороде серебрился иней, лицо застыло под тонкой корочкой льда. Одет человек был в какие-то серые лохмотья, но у левого его бока лежал небольшой круглый римский щит-парма, а по правую руку – покривевший от времени меч.

– Это наш римлянин, – с гордостью проговорил Хирт. – Не правда ли, чудесный экземпляр?

– Где это он так подмерз? – подозрительно спросил Гегель. – Тевтобургский лес все-таки не Сибирь...

Хирт довольно усмехнулся.

– Еще две недели назад он не сильно отличался от тех скелетов, что вы видели в подземелье. Разве что череп был поцелеен.

– Хотите сказать, что мясо ему на кости нарастили вы? Как доктор Франкенштейн своему монстру?

Хирт кивнул.

– Именно. Сила Од соединилась с органическими останками, в результате чего произошло телесное воскрешение.

– Но почему вы запихнули его в этот ящик? Сами же говорили, что воскрешенные ведут себя, как люди – едят, пьют...

– Не как люди, – перебил Гегеля доктор. – Скорее, как растения. Едят, если им положить в рот пережеванную пищу. Пьют, если поить их из трубки. Но этот... этому нам удалось вернуть душу.

– Неужели? – вежливо удивился Гегель.

– Да, Вайстор сумел!. К сожалению, вернуть душу оказалось легче, чем удержать ее в теле. Как только две субстанции со-

единились, началось стремительное разложение оживленной силой Од плоти. Чтобы сохранить тело, я был вынужден заморозить этого прекрасного легионера.

Некоторое время Гегель с интересом всматривался в ящик.

– А как вы поняли, что душа вернулась в тело?

– Ну, это было очевидно. Взгляд стал осмысленным, затем он заговорил...

– По-немецки?

Хирт посмотрел на него укоризненно.

– На латыни, естественно. Однако очень скоро ему стало плохо, поэтому эксперимент пришлось прервать.

Гегель постучал по стеклу согнутым пальцем и отошел от ящика.

– Какая жалость, что этот эксперимент нельзя повторить, – сказал он. – Впрочем, я все равно не вижу, чем этот достойный сын Рима мог бы помочь моим поискам.

Хирт пожал плечами.

– Вы правы, оберштурмбаннфюрер. Ничем. Но зато вы могли бы изменить свое отношение к «Аненербе».

– И что бы это мне дало?

– Без «Аненербе» у вас не получится ни-че-го, оберштурмбаннфюрер. Мы занимаемся поисками уже много лет, а потому знаем об этих удивительных предметах гораздо больше, чем любая другая организация на земле.

– Ну так поделитесь со мной своими знаниями, черт возьми!

Для того я сюда и приехал.

Хирт покачал головой.

– Вы не понимаете. «Общество изучения наследия предков» не контрразведка и не партийная канцелярия. Мы не представляем информацию по первому требованию или по запросу. Даже если бы нас попросил сам фюрер.

– Даже так? – прищурился Гегель.

Хирт ничуть не смущился.

– Наши знания – это мощное оружие, – тихо сказал он. – Оружие обоюдоострое, которое может принести пользу, а может – великий вред. Я бы не хотел бы причинить вред, оберштурмбаннфюрер.

Гегель помолчал. Прошелся вдоль стеллажей со стеклянными колбами, остановился у одной из них и долго стоял, рассматривая человеческий эмбрион, помещенный в формалиновый раствор.

– Вас надо понимать так, доктор, – произнес он, наконец, – что никаких сведений о ленинградском ученом и его артефакте вы мне не дадите?

Хирт с виноватой улыбкой развел руками.

– Увы...

Оберштурмбаннфюрер Гегель кивнул. Чуть помедлил, а потом взял со стеллажа колбу с эмбрионом.

– Вот что, доктор. У меня чертовски мало времени. Я еще на вокзале сообщил вам, что именно мне от вас нужно. Вместо этого вы водите меня по каким-то подземельям, показываете выжившего из ума Вилигута, рассказываете сказки о воскрешенных мертвецах, а в качестве решающего довода демонстрируете замороженного покойника. Я не ученый и не мистик, доктор. Я офицер Главного управления имперской безопасности. То, что мне нужно узнать, я узнаю в любом случае. У вас есть выбор – рассказать мне все, что вы знаете о русском археологе и его предмете добровольно или сделать это по принуждению. Поверьте, я умею быть убедителен.

– Вы мне угрожаете, оберштурмбаннфюрер? – голос Хирта едва заметно дрогнул. – Вряд ли вы добьетесь своей цели, действуя грубой силой...

– Неужто? – спросил Гегель. – Мое дело предупредить.

С этими словами он уронил колбу на пол и тщательно растоптал эмбрион начищенным до блеска сапогом.

– Понятия не имею о ценности данного экземпляра, и потому буду, любезный доктор, без разбора уничтожать все, что увижу

в лаборатории – до тех пор, пока вы от всей души не пожелаете ответить на мои вопросы.

Хирт побледнел, на лбу его проступили крупные капли пота. Гегель, напротив, чувствовал себя превосходно – наконец-то он дал волю давно копившемуся гневу, который он испытывал по отношению к этому напыщенному болвану.

– Ну так как, доктор? – оберштурмбаннфюрер рассеянно взял с полки еще одну колбу. – Вы по-прежнему считаете, что я недостоин быть посвященным в ваши тайны?

– Вы ошибаетесь! – выкрикнул Хирт. – Если бы вы были недостойным, я не отвел бы вас в Храм и не показал Великого Обряда! Дело совсем в другом! Вы не понимаете того, что видите, а не понимаете потому, что не верите!

Звон бьющегося стекла заставил его умолкнуть на полуслове. Хирт попытался было поймать взгляд контрразведчика, но темные очки защищали Гегеля не хуже рыцарского шлема.

– Разумеется, верю, – мягко сказал Эрвин. – Верю в то, что вижу. А вижу я следующее: вы со своим сумасшедшим Вайстором отлично тратите на совершенно безумные проекты реальные, живые деньги. Деньги германской нации. И не в мирное время, заметьте, а в тяжелую для Рейха годину, когда на счету каждый пфенниг. А это пахнет саботажем, мой дорогой доктор. В лучшем случае.

– Рейхсфюрер не позволит... – начал Хирт, но Гегель поднял палец, и доктор замолчал.

– Что вы скажете, если РСХА начнет проверку деятельности Аненербе? Обычную, бухгалтерскую, у нас ведь тоже есть бухгалтеры. Как насчет небольшого аудита, а, доктор? Я вполне могу вам это устроить. И устрою, клянусь Богом!

– Делайте, что хотите, – сказал Хирт безучастно. – Вы меня не слышите. Я не отказываюсь выполнить вашу просьбу, я просто не могу это сделать, потому что вы не готовы поверить...

– Экий же вы зануда, доктор, – вздохнул Гегель, подошел к стальному ящику и приготовился вырвать из трансформатора кабель.

– Не смейте!

Крик Хирта был похож на визг раненого зайца.

– Это уникальный экземпляр! Вы не можете погубить его!

– Это почему же? Вы же самисказали – «делайте, что хотите».

Оберштурмбаннфюрер рванул кабель на себя. Заискрило, пахнуло паленой резиной. Трансформатор взвыл на низкой ноте и вдруг заглох.

– Крышка как открывается? – буднично спросил Гегель.

Хирт был похож на соляной столб. Ждать от него разумительного ответа явно не приходилось.

Оберштурмбаннфюрер обошел ящик, приглядываясь. Крышка откидывалась двумя мощными пружинами, для чего следовало отжать вверх два стальных рычажка. Гегель примерился и положил руки на рычаги.

– Ну, доктор? – спросил он, оглянувшись через плечо. – Не передумали?

– Пожалуйста, – умоляюще прошептал Хирт. – Не делайте этого!

Гегель щелкнул рычажками.

Стеклянная крышка откинулась.

Контрразведчику физически ощущил ползущий изнутри холод. Раздалось неприятное шипение – изморозь, что покрывала внутренние стенки ящика, таяла на глазах. Седая борода легионера почернела за несколько мгновений.

«Сколько же там было градусов?» – подумал Гегель, но доктора спрашивать не стал.

– Что вы наделали, – тихо пробормотал Хирт. – Столько трудов, столько трудов...

– Сами виноваты, доктор. Надо быть посговорчивей.

Эрвин не мог оторвать взгляда от римлянина. Тот оттаивал так стремительно, будто жарился на горячей сковороде. Преодолевая отвращение, Гегель сунул в ящик руку и вздрогнул – его металлические стенки действительно излучали тепло.

– Вы включили аварийную систему разморозки, – безучастно сообщил Хирт. – Теперь процесс пойдет очень быстро.

– Надеюсь, этот древний итальянец действительно для вас что-то значил, – сказал Гегель. – Ненавижу тратить силы впустую.

– Хорошо, – Хирт опустил голову, ссутулил плечи и, спотыкаясь, словно незрячий, пошел к стоявшему у стены креслу. – Считайте, вы своего добились. Я расскажу вам все, что вы хотели узнать.

– Вот это другой разговор, доктор. Я внимательно вас слушаю...

Странный звук, раздавшийся за спиной Гегеля, заставил его обернуться.

Легионер смотрел на него широко открытыми глазами.

– Черт, – пробормотал Гегель. – Как это возможно?

Римлянин, в котором минуту назад жизни было не больше, чем в куске замороженной трески, пытался сесть в своем ящике. Руки с черными потрескавшимися ногтями хватались за стальные стенки.

Глаза, в которых не было радужки – одни огромные расширенные зрачки – с безумной тоской смотрели на оберштурмбаннфюрера.

– In Silva Nigra, – проговорил хриплый, надтреснутый голос.

– In sacra Silva Nigra²...

– Он живой? – крикнул Гегель.

Хирт часто закивал головой.

– Я же говорил вам – это самый удачный наш экземпляр. Ожившее и одушевленное тело... Конечно же, он живой...

² В Черном Лесу... в проклятом Черном Лесу... (лат.)

– Заперты, – бормотал между тем человек в ящике, – заперты лесами и болотами, попавшие в западню... они были перебиты теми, кого прежде убивали, как скот, так что жизнь их и смерть зависели от гнева или от сострадания варваров...

– Он рассказывает о гибели своего легиона, – пояснил Хирт. – Римляне попали в засаду...

– Я учился в университете и знаю латынь, – перебил его Гегель.

– Посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные грудами, смотря по тому, бежали ли воины, или оказывали сопротивление... были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам... Стояли жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий...

– Что случилось с тобой? – крикнул Хирт по-латыни. – Что случилось с тобой, легионер?

Римлянин продолжал вылезать из ящика, но это получалось у него плохо – мышцы не слушались, руки беспомощно скользили по гладкому металлу. Но он по-прежнему не отрывал взгляда от Гегеля и продолжал монотонно бубнить:

– Вар и его полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов... Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни последовали примеру своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве...

Рука его подогнулась и он тяжело упал в ящик, стукнувшись затылком о металл.

– Имя! – заорал Хирт, подскакивая к ящику. – Твое имя, легионер!

– Мое имя Виктор, – глухо донеслось из ящика. – Виктор... Меня принесли убили на жертвеннике. Принесли в жертву. Я не хотел умирать...

– Проклятье! – Хирт в ярости ударил кулаком по стенке ящика. – Вы все испортили, Гегель!

Оберштурмбаннфюрер подошел и заглянул в ящик. С лицом римлянина происходили странные вещи. Оно растекалось на глазах, как будто бы плавился лед. Дернулась и отвисла челюсть, демонстрируя почерневшие зубы. Из легких легионера вырвалось странное шипение. Пальцы, только что мертвой хваткой вцепившиеся в край ящика, безвольно разжались – белые kostи проткнули расплывавшуюся, как гнилое тряпье, кожу.

– Он уходит! – прыгающим голосом проговорил Хирт. – Уходит! Это вы во всем виноваты!

Гегель не ответил. Он стоял и смотрел, как тело легионера Виктора превращается в бесформенную кучу стремительно разлагающейся плоти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Птица-синица

Подмосковье, июль 1942 года

– Лев Николаевич, вы должны остановить войну.

Кто-то огромный и невидимый шептал эти слова на ухо Гумилеву. Темное облако, из которого исходил шепот, пронизывали багровые прожилки, похожие на вены с огненной кровью.

Гумилев шагнул в это облако, ожидая, что сейчас его лицо обожгут пылающие нити, но за клубящейся завесой была только пустота. Он почувствовал, что проваливается в бездонную пропасть, дернулся... и проснулся.

Фосфоресцирующие стрелки часов показывали половину четвертого утра. На улице было еще темно, но небесная ладья солнечного бога Ра уже взмывала в небо над Уралом. В Норильсклаге начинался очередной рабочий день. «Как там Томаш?» – некстати подумал Лев, и понял, что больше уже не заснет.

Последние две недели он пытался возвести стену между своей нынешней жизнью и недавними, столь свежими лагерными воспоминаниями, и порой ему казалось, что ему это удается. Однако три года, проведенные в лагере, были слишком тяжелым грузом, чтобы сбросить его с плеч в одно мгновение. Даже если это и получилось бы, шрамы на плечах от впивавшихся в тело лямок зажили бы еще не скоро.

Лагерь в его голове был как подкожный нарыв: незаметный для окружающих, он постоянно ныл, болел, а еще невыносимо чесался, так что хотелось уже разодрать его, а лучше – вырезать остро отточенным скальпелем.

Жаркий, прогретый солнцем июль не мог растопить темный кусок льда, вмороженный в сердце жестокими метелями Таймыра. Когда зиму за зимой ты живешь там, где минус шестьдесят, в ласковое лето и васильковые поля над сонной рекой верится с трудом.

Если бы Гумилев попал в любимую им среднеазиатскую пустыню с резкими перепадами между дневным зноем и ночным холодком, шок был бы не так велик. Но тут, в разомлевшем от июльской жары Подмосковье, можно было выйти ночью на террасу в одних трусах – и долго стоять, ощущая голой кожей теплый ветерок. И чувствовать себя сбежавшим из замерзшего ада грешником. Кого там Данте помещал в последний круг своей преисподней, в ледяное озеро Коцит? Предателей?

Он, Лев Гумилев, вроде бы никого не предал. Ему предложили свободу, не требуя ничего взамен – и он согласился. А кто бы отказался на его месте?

И все же покоя в душе не было. «Не требуя ничего взамен» – лукавство, самообман. «Вы должны остановить войну, Лев Николаевич» – вот что от него потребовали, и вот на что он ответил согласием, хотя и знал, что это невозможно. «Вы должны поднять гору Эверест!» «Вы должны превратиться в голубя и взлететь на колокольню Ивана Великого!» Есть, товарищ капитан! Разрешите выполнять, товарищ капитан?

Впрочем, товарищ капитан и сам не знал, каким образом бывший ЗК Норильсклага будет выполнять поставленную перед ним задачу. Всю дорогу до Москвы Лев пытался разговорить его, но капитан Шибанов лишь отшучивался и переводил беседу на другую тему. На аэродроме они расстались: Шибанов сдал Льва низенькому полному кавказцу, потевшему в мешковатом траурного цвета костюме, сел на мотоцикл и укатил, обдав на прощанье синим бензиновым выхлопом. Кавказец Льву представляться не стал, молча махнул пухлой ладонью в сторону автомобиля – садись, мол.

В недрах черного ЗИС-101 со шторками на окнах пахло табаком и офицерским одеколоном. С обоих боков Льва стиснули молчаливые мужики в штатском, но с лицами прапорщиков. Обстановка явно не располагала к разговорам, и Гумилев счел за лучшее воздержаться от вопросов.

Ехали долго. У Льва затекли зажатые штатскими руки. Наконец, машина остановилась, и траурный кавказец, сидевший впереди, обернулся к Гумилеву.

– Сейчас с тобой говорить будут, – сказал он с сильным акцентом. – Отвечай четко, только по делу и только правду. Если будешь юлить...

Он скрчил презгливую гримасу и замолчал. Прапорщики синхронно открыли дверцы и вылезли из машины. В салоне ЗИСа сразу стало просторно.

Гумилева привезли на какую-то дачу. Высокие сосны качались в неправдоподобно голубом небе – он уже и забыл, что у неба бывает такой цвет. В траве стрекотали кузнечики, в кустах тенькали жизнерадостные пичужки. Сама дача была двухэтажной, в псевдоклассическом стиле, с тяжелым фронтоном и узкими, похожими на бойницы окнами. К дому вела посыпанная крупным гравием дорожка. Кавказец, на ходу снимая презгливо-высокомерную маску и быстро натягивая почтительно-угодливую, мелкими шажками засеменил по ней к дверям. Льву он напоминал похоронного агента из прошлых времен.

– Пошел, – равнодушно сказал Гумилеву один из прапорщиков.

На крыльце показался человек – плотный, с крупной головой с большими залысинами, в круглых очках на хищном мясистом носу. Лев узнал его сразу же – это был Лаврентий Павлович Берия, нарком внутренних дел. «Похоронный агент» подскочил, начал что-то объяснять – Берия отстранил его ленивым жестом руки.

Гумилев шел к нему навстречу, с интересом разглядывая сильное, похожее на римские скульптурные портреты времен

Империи, лицо. Не дойдя пяти шагов, он остановился и по лагерной привычке убрал руки за спину.

– Гумилев? – спросил Берия.

– Так точно, товарищ... – тут Лев запнулся, потому что ЗК не имел права произносить это слово. С другой стороны, обращаясь к Берия «гражданин начальник» тоже было довольно глупо. В конце концов, решив, что с сегодняшнего утра он уже свободный человек, Лев продолжил:

– Товарищ народный комиссар внутренних дел.

Берия усмехнулся, оценив происходившую в собеседнике внутреннюю борьбу.

– Это хорошо.

Непонятно только, что хорошо. Что Гумилев? Что не побоялся и назвал его «товарищем»?

– Знаешь, зачем тебя из лагеря вытащили?

Опять ловушка. Что тут ответишь? «Никак нет?» Ну и отправляйся обратно. «Так точно!» Ну, доложи, в таком случае.

– В общих чертах, товарищ народный комиссар внутренних дел.

Берия сморщился, а похоронный агент сделал страшные глаза. Видимо, именно это он и имел в виду, когда предупреждал, чтобы Гумилев не смел юлить.

Лев решил исправить ошибку.

– Товарищ капитан сказал, что я должен остановить войну. Но не уточнил, каким образом.

Берия расхохотался.

– А ты ждал, что он тебе тут же все расскажет? Артист!

Гумилев терпеливо ждал, когда иссякнет приступ начальственного веселья. Берия отсмеялся, снял очки, протер их мягкой тряпочкой и водрузил назад.

– Ты знаешь что-нибудь о предметах, изображающих различных зверей? Предметах, изготовленных из металла, похожего на серебро?

К такому вопросу Лев был готов.

– Я нашел один такой предмет в Туркестане. Это была фигура попугая.

Глаза-маслины за круглыми стеклышками цепко прищурились.

– У него были какие-нибудь особые свойства, у этого Попугая?

– Да, товарищ народный комиссар. Когда я носил его с собой, я мог понимать любые языки и свободно говорил на них.

– Где он сейчас?

– Не знаю. Его отобрали у меня при аресте. Это было семь лет назад.

Берия опять досадливо поморщился.

– Что ты знаешь о других похожих предметах?

– Ничего, товарищ народный комиссар.

– Ничего?

В вопросе явно слышалась угроза. Лев понял, что вновь допустил ошибку.

– Почти ничего. Я, конечно, заинтересовался свойствами предмета и стал искать в источниках сведения о подобных артефактах. Кое-что я нашел, но это легенды... сказки.

– Что за легенды? – Берия смотрел на него, не отрываясь.

– У меркитов... это такой народ монгольского корня... есть легенда, что Чингисхану помогал Железный Волк, зацитый в подкладку его шапки. Якобы этот Волк делал своего хозяина непобедимым в бою. Но меркиты ненавидят Чингисхана, ведь он истребил их племя почти до последнего человека. Может быть, это просто попытка оправдать собственное поражение...

– Если бы он действительно истребил их до последнего человека, – в голосе Берии появилась непонятная задумчивость, – то сказки рассказывать было бы некому.

– Кое-кто все же уцелел. Потомки меркитов смешались с калмыками...

– С калмыками? – взгляд наркома стал жестким. – Ты ничего не путаешь?

– Тотемное животное калмыков – волк, – ответил Гумилев.
– Но два клана, ведущие свое происхождение от меркитов, никогда не поклонялись волку.

– И где сейчас этот Железный Волк?

– Видимо, похоронен вместе с Чингисханом. Гробницу ищут много веков, но она слишком хорошо спрятана. Говорят, Чингисхан приказал убить всех, кто строил усыпальницу, а саму ее повелел засыпать землей. Потом специальный отряд воинов порубил и заколол тех, кто расправился со строителями. Третий отряд расстрелял мечников из луков. Лучников отравили на обратном пути. Что случилось с отравителями, не знает никто; тайна могилы Чингисхана скрыта надежно.

Берия одобрительно покивал.

– Предусмотрительный был человек. Это все, что тебе удалось узнать?

– Нет, – поколебавшись, ответил Лев. – Я нашел упоминания о существовании древнего манускрипта, озаглавленного «О владельцах артефакций и Царстве Божием», авторство которого приписывают чуть ли не Блаженному Августину. В этом трактате почти наверняка имеются истории о волшебных предметах. К сожалению, он недоступен, так как хранится в библиотеке Ватикана.

– Точно больше ничего не можешь мне рассказать? – прищурился Берия. – А про карту?

– Карту, которую я нашел вместе с Попугаем? Она была зашифрована, и я не смог подобрать ключа к тайнописи.

Нарком презрительно фыркнул.

– Но хоть какое место было изображено на этой карте, ты понял?

Гумилев внезапно обнаружил, что вспотел – не от жары, в тени сосен было прохладно – а от физического ощущения жестокой силы, исходившей от собеседника.

– Мне кажется, это было Закавказье. Южный берег Каспия, Аракат, возможно, северный Иран.

Где-то в глубине дома зазвонил телефон.

– Ладно, – сказал нарком, поворачиваясь к похоронному агенту. – Рафаэль, отвезешь товарища Гумилева на базу. Выдать ему одежду и накормить.

И, не дожидаясь ответа, исчез в дверях.

– Пойдемте, Лев Николаевич, – перемена в поведении похоронного агента была поразительной. Он стал улыбчив, любезен и доброжелателен. – Сейчас я отвезу вас в одно чудесное местечко.

Дальше ехали уже без прaporщиков, которых агент отпустил слабым манием руки. Доверие к Гумилеву возросло настолько, что были подняты шторки на окнах машины, и Лев смог полюбоваться пролетающими за стеклом пейзажами. Лес, речка, распаханное поле, снова лес, пологие, поросшие люпином холмы, блестящая гладь озера, полуразрушенная церквушка, покосившиеся заборы, старые, вросшие в землю домики... ЗИС проехал по раздолбанному бомбежкой, но починенному на скорую руку мосту – под колесами грохотали плохо закрепленные доски. Кроме этого моста, ни одного знака, свидетельствующего о том, что страна ведет тяжелейшую, смертельную войну, Гумилев не увидел.

С бетонки свернули на уходящую в поля грунтовку. Грунтовка нырнула в лес, попетляла между поросшими ельником холмами, и, наконец, уперлась в крашенные зеленою краской ворота с большими красными звездами.

Шофер дал гудок. Появился красноармеец с винтовкой, подошел к машине, отдал честь. Внимательно изучил протянутые документы, заглянул в салон и долго рассматривал Гумилева. Потом широко улыбнулся и снова козырнул.

– Проезжайте, товарищ полковник!

Кто ж тут из нас полковник? – подумал Лев. Сам он был, что называется, « рядовой необученный ». Шофер вряд ли тянул

выше сержанта. Оставался только похоронный агент, которого Берия называл Рафаэлем.

Ворота раскрылись, и ЗИС медленно вкатился на территорию базы.

Официально база именовалась «С-212». Буква «С» означала «специальная», однако весь личный состав называл базу не иначе, как «Синица» или «Синичка». Здесь действительно было много этих птиц, они весело сновали по кустам и то и дело задорно перекликались друг с другом: «ци-фи», «ци-ци-фи». Пара синиц обитала неподалеку от домика, в котором поселили Гумилева. По утрам они слетали к открытой форточке, и деловито стучали клювиками по фанерной дощечке кормушки. Это была придумка Василия: по вечерам он крошил туда столовский хлеб, не доеденный за ужином. В комнату птицы не залетали – боялись, но по карнизу расхаживали, как по тротуару. Василий предполагал, что это муж и жена, и называл их Иван и Марья.

Когда Гумилев, разомлевший от сытного ужина (щи с косточкой, гречневая каша с луком, компот – последний раз он ел так три года назад), получил у лысого капитана Армуса комплект новенькой военной формы и яловые сапоги и перешагнул порог своего нового жилища, ему показалось, что он попал в сказку. Домик был одноэтажный, на четыре комнаты, с большой открытой террасой, откуда открывался вид на тихую реку, над которой нависали купы плакучих ив. Комнаты были одинаковые, в каждой стояли четыре панцирные кровати, четыре же прикроватные тумбочки и один платяной шкаф. Умывальники находились во дворе, под раскидистой липой. Восемь «майдодыров» над жестяными раковинами, при каждом – брускок хозяйственного мыла и кусок пемзы.

Меньше всего это было похоже на казарму да и вообще на военный объект – скорее, на бывший пионерлагерь, приспособленный для нужд армии.

На базе были и настоящие казармы, но они располагались с другой стороны от дороги, ближе к лесу. Там же находилось и стрельбище, откуда постоянно доносились выстрелы. А здесь, у реки, атмосфера была какой-то вызывающе штатской – как будто ЗК Гумилева вывезли за город для поправки здоровья. Кормили на убой, спать давали сколько хочешь (ужин в восемь, завтрак в семь – одиннадцать часов можно дрыхнуть), литературу, список которой он, осмелев, передал коменданту, привезли к вечеру следующего дня – все книги были со штемпелем «Библиотека им. В.И. Ленина». В домике, рассчитанном на шестнадцать человек, они жили вдвоем – Лев да Василий, которого привезли за два дня до него. Василий был мужик хитрющий, из тех, что не пропадут ни где – ни на фронте, ни на зоне. Среднего роста, жилистый, ухватистый, со смеющимися зелеными глазами на обманчиво простоватом лице.

Ко Льву он сразу же проникся симпатией, а когда увидел стопку библиотечных книг – то еще и уважением. То, что Гумилева привезли сюда прямо из лагеря, Василия явно не смущало – мало ли что может случиться с человеком по жизни.

– Слыши, Николаич, – сказал он Льву в первый же день знакомства, – у меня подход простой – главное, чтоб человек не был гнида. Я вижу, ты там с блатными пообтесался, ухваточки кой-какие от них перенял, но это все пустое. У нас на фронте тоже таких хватало с присыпкой. Другое важно: что у тебя внутри. А внутри ты путевый мужик, я чую.

Разговор, разумеется, происходил не за чашкой чая – по слуху прибытия нового жильца Василий выставил литровую бутыль мутноватого картофельного самогона. Закусывали салом и огурцами. На вопрос – откуда такая роскошь? – Василий неопределенно махнул рукой.

– Там, за рекой, бабка одна гонит.

– И кабанчика держит? – подмигнул Лев.

– Нет, сало я у повара в карты выиграл...

Посидели душевно. Василий рассказывал про фронт, про то, как гибли один за другим батальоны на Ржевском выступе, как, захлебываясь в собственной крови, стояла до последнего наша пехота, по которой прямой наводкой лупила немецкая артиллерия... Льву про лагерь говорить не хотелось, и он отвечал рассказами из древней и средневековой истории – про подвиг трехсот спартанцев у Фермопил, про то, как двести всадников Кортеса разметали стысячную толпу ацтекских воинов при Отумбе, про истребление цвета французского рыцарства в битве у Креси. Василий слушал, не перебивая, цокал языком, глядел уважительно.

– Да, умели воевать деды, – сказал он, когда Лев дошел до подвига батареи Раевского в Бородинском сражении. – И сейчас есть не хуже – взять хотя бы нашего взводного, Витю Хвастова. Ранили его, а патроны у него кончились. Так он десяток фрицев положил – штыком и голыми руками. Они его издаля расстреляли, из шмайсеров...

– Как монголы Евпатия Коловрата, – пробормотал Лев. – Это у нас такой богатырь был на Руси, в одиночку против целого войска бился. Тогда монголы камнеметные машины выкатили, и огромными глыбами его забросали...

– Вот! – Василий разлил остатки самогона по стаканам, смел со стола щетинистые шкурки от сала и со вздохом вытащил откуда-то припрятанный огурец. – Я и говорю, Николаич – есть что-то в нашем народе, чего ни в каких других народах нету. Ну, может, у спартанцев твоих еще было, и все. У фрицев, конечно, техника и умение – этого не отнять. Но вот хрен тебе они нас одолеют! Кишка тонка!

– Спорить не буду, – сказал Гумилев, чувствуя, что язык уже не слушается его. – Русский народ... он сейчас не в той фазе... чтобы его победить... Пассионарное напряжение...

– О, Николаич! – Василий разломил огурец и протянул ему половину. – Ты закусывай лучше. А то сейчас у нас разговор начинается уже не про историю, а про электрику.

Лев попытался собраться с мыслями – получалось плохо. После трех лет вынужденной трезвости (не считать же чифирь

алкоголем) пол-литра самогонки подействовали на него, как прямой хук в челюсть. Перед глазами все плыло.

– Я тебе потом объясню, – выдавил он, наконец. – Фаза... это не электрика... потом, ладно?

И, как сидел, навзничь опрокинулся на кровать, не выпустив из руки половинку огурца.

Беззаботная жизнь, впрочем, продолжалась недолго. Как-то утром, вернувшись из столовой, Лев с Василием обнаружили у себя в домике новых жильцов.

На террасе ожесточенно терла шваброй пол совсем молоденькая девочка в гимнастерке. Увидев подходивших к дому мужчин, она выпрямилась и оперлась на швабру, как Афина Паллада – на копье.

– Безобразие какое! – набросилась она почему-то на Льва. – Живете здесь вдвоем, а грязь развели такую, словно целый полк квартировал! Неужели так сложно раз в день подмести пол?

Гумилев растерянно посмотрел на Василия. Того напор девушки явно привел в восторг.

– Ты кто такая будешь, пигалица? – спросил он, молодецки подкручивая ус. – И откуда ты такая строгая взялась?

– Я Катя Серебрякова, – не сбавляя оборотов, представилась пигалица. – Сержант медслужбы. А вам, товарищ Теркин, должно быть стыдно! Вы же опытный солдат, могли бы организовать быт получше. И себе, и товарищу Гумилеву!

– Опа, – сказал Василий, – опа, Америка-Европа! Смотри-ка, Николаич, она про нас все знает!

Он склонил голову, будто признавая превосходство сержанта медслужбы, и медленно пошел на нее, как бык на тореадора. На свежевымытых ступеньках террасы он поскользнулся и едва удержал равновесие. Серебрякова захихикала.

– А ведь и впрямь чисто! – удивился Василий. – Хотел я, между делом, швабру у тебя отобрать да по...

Катя перестала смеяться и уперла руки в бока.

– Продолжайте, товарищ старшина. «Да по...» – что же дальше?

– Да показать, как полы моют! – простеецки улыбнулся Теркин. – Но вижу, ты и сама хорошо справляешься. Пойдем, Николаич, пока нас тут к какой-нибудь работе не припахали...

– Идите-идите, – напутствовала их пигалица, – смотрите, ноги вытирайте как следует!

– Ну, все, – вздохнул Василий, открывая дверь, – правильно на флоте говорят: баба на корабле – жди беды...

Он шагнул за порог и остановился, как вкопанный. Лев, заглянувший Василию через плечо, почувствовал, что у него отвисает челюсть.

На кровати у стены лежал, закинув ноги на тумбочку, капитан госбезопасности Александр Шибанов собственной персоной. В руках капитан держал синенький томик Пушкина.

– Здорово, орлы, – сказал он, откладывая книгу и садясь на кровати – панцирная сетка застонала под тяжестью его могучего тела. – С Серебряковой уже познакомились?

– Так точно, – отрапортовал Теркин. – Провели, так сказать, беседу...

– Значит, так, – взглядом, которым наградил Василия капитан, можно было заколачивать бетонные сваи, – балагурить разрешаю, обижать чтобы – ни-ни. За обиду спрошу сам, лично и по всей строгости.

– Да какие из нас обидчики, – хмыкнул Теркин, – нас самих любой шкет обидит.

Капитан предпочел пропустить его иронию мимо ушей. На лице его появилась знакомая Гумилеву золотозубая улыбка.

– Ну что, бойцы, – сказал он, подходя и протягивая Василию широкую ладонь. – Будем работать вместе, вот так причудливо тасуется колода³...

³ Внимательный читатель, конечно, заметил, что Шибанов цитирует роман «Мастер и Маргарита», опубликованный лишь двадцать четыре года спустя. Видимо, в НКВД рукопись булгаковского романа прочли гораздо раньше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Кугель»

Новая Ладога – Осиновец, июль 1942 года

Лейтенант Савенко, капитан тральщика «Стремительный», занимался скучнейшим на свете делом – сверял количество поставленных на борт бочек с мазутом и мешков с мукою с цифрами, указанными в бумагах интенданта. Интендант был маленький, круглый, похожий на сказочного Колобка – достаточно было мельком взглянуть на него, чтобы вспомнить Александра Васильевича Суворова, говоривавшего, что любого интенданта после года службы можно смело вешать. Савенко был уверен, что этот штабной Колобок непременно попытается его обжечь, поэтому к рутинному делу приема груза на борт относился чрезвычайно придирчиво. На пристани стояли огромные весы, матросы Журов и Мелихов, кряхтя, взваливали на них шестипудовые мешки с мукою, а боцман Тимофеев, щелкая гирьками, проверял, нет ли недостачи. Каждый раз, заслышиав металлический стук гирек, интендант морщился, словно от зубной боли.

– Слушай, лейтенант, тебе что, времени девать некуда? – спросил он, когда боцман взвесил двадцать четвертый мешок. Пока что недовеса, к большому удивлению Савенко, не обнаруживалось. – Вот я же знаю, о чем ты думаешь – раз интендант, значит, штабная крыса, значит, недоверие ему. А у меня в Ленинграде, между прочим, сестра родная – ей из этой муки хлеб печь будут.

«Сестра у тебя там, а ты здесь, и такую харю себе отъел на казенных харчах!», – хотел сказать ему Савенко, но вместо этого отрезал:

– Порядок есть порядок. Ленина читал? Социализм – это учен.

И отвернулся, чтобы не глядеть на масляную физиономию интенданта.

По причалу шли трое. Здоровенные парни, ростом не ниже метр девяноста, в расстегнутых по случаю хорошей погоды гимнастерках, с вещмешками. Лейтенант каким-то шестым чувством угадал, что идут они не абы куда, а именно к нему, на «Стремительный».

– Палыч, – негромко окликнул он боцмана.

Тимофеев оторвал взгляд от весов и обернулся к причалу.

– Пассажиры, – определил он. – Ты же обещал с замкомфлота поговорить, Эдик.

– Я поговорил, – буркнул Савенко. Боцман был в два раза старше, и время от времени позволял себе фамильярничать. Но лейтенант на самом деле просил заместителя командующего флотилией, приходившегося ему дядей, чтобы на «Стремительный» пассажиров не направляли – всю весенне-летнюю навигацию тральщик использовался в основном для перевозки грузов. Основную часть, конечно, перевозили на баржах, но пристани Новой Ладоги не были приспособлены под погрузку тяжелых озерных барж, и их приходилось загружать на расстоянии от берега. Задыхавшемуся же в кольце блокады городу требовалось хлеб и топливо – много хлеба и топлива, поэтому каждый корабль, на котором было место для полезного груза, использовался под завязку. Савенко вполне резонно опасался, что однажды это «под завязку» выйдет ему боком: он сам видел, как тральщик «Комсомолец» в похожих условиях словил волну и затонул в бухте Морье. Брать на борт эвакуированных из Ленинграда – пожалуйста, тут Савенко не возражал никогда. Сколько бы их не набивалось, перегруза все равно не выходило – люди были легкие, почти невесомые, похожие на тени. Лейтенант, успевший до войны отучиться два курса на филологиче-

ском, чувствовал себя Хароном наоборот – тот перевозил тени в страну мертвых, а он, Савенко, помогал людям вернуться в мир живых.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! – вскинул руку к фуражке самый рослый из троих «пассажиров». – Лейтенант Гусев, радиоразведка.

– Сердечно рад, – кисло сказал Савенко. – И что от меня нужно радиоразведке?

Лейтенант Гусев широко улыбнулся, демонстрируя великолепные белые зубы. Был он белобрыс, краснощек и чрезвычайно напоминал капитану «Стремительного» былинного Алешу Поповича.

– Я и моя группа имеем предписание контр-адмирала Смирнова немедленно переправиться в Ленинград для выполнения особо важного задания, – Гусев протянул Савенко сложенную вчетверо бумагу. – В штабе мне сказали, что первый корабль, который сегодня пойдет в Осиновец – ваш «Стремительный».

Савенко развернул бумагу и загрустил. Береговые радиотряды подчинялись непосредственно Военному совету флота, минуя разведывательный отдел штаба флотилии. Контр-адмирал Смирнов, чья подпись красовалась внизу документа, был правой рукой вице-адмирала Трибуца – командующего Балтфлотом. Жаловаться дяде на действия контр-адмирала было, как минимум, бессмысленно, а как максимум – небезопасно.

– Вас трое? – зачем-то спросил Савенко, хотя это и так было очевидно.

– Так точно, – еще шире улыбнулся Гусев. – Младший лейтенант Бобров, сержант Круминьш. Вот наши документы, пожалуйста.

«Какой вежливый», – с неприязнью подумал Савенко. Он и сам не знал, чем вызвана эта неприязнь – то ли невозможностью сплавить радиоразведчиков на другой катер, то ли бе-

лозубостью и розовощекостью здоровьяка Гусева. Документы лейтенант просмотрел очень внимательно – они, впрочем, оказались безупречны.

– Мы отшвартовываемся через час, – сказал он Гусеву. – Свободных мест на катере нет, все занято грузом, поэтому никакого комфорта не обещаю. Разместиться можете у лебедки траля. А еще не худо бы помочь в погрузке мешков, если, конечно, это не помешает выполнению особо важного задания.

Если Гусев и заметил его колкость, то виду не подал.

– Поможем, товарищи? – улыбнулся он своим спутникам. Коротко стриженый, похожий на боксера Бобров едва заметно пожал широченными плечами. Флегматичный сухопарый Круминыш согласно кивнул.

– Ага! – воскликнул боцман, щелкая гирькой. – Да тут у тебя недовесу два кило! Что ж ты мне, складская твоя душа, будешь рассказывать про то, что у тебя все точно как в аптеке и сестра в Ленинграде голодает? Эдик, два ж кило недовесу!

Интендант покрылся холодным потом.

– Не знаю! – забормотал он, подскакивая к мешку и пытаясь его приподнять. – Честное слово, не знаю, почему так вышло! Должно быть, мыши съели.

– Мыши? – спросил Савенко, холода от внезапно подкатившей к горлу ненависти. – Мыши, которые муки поели, а потом из мешка вылезли и аккуратно его за собой завязали? А может, у этих мышей еще и погоны на плечах, а, ворюга?

Он подступил к интенданту, нашаривая на поясе пистолет. Интендант, став матово-белым, как статуи в Эрмитаже, присел на корточки и закрыл лицо руками.

– Сейчас я его грохну, – сказал Савенко, – и пусть меня потом трибунал судит. Потому что из-за таких, как он, на той стороне люди от голода умирают.

– Погоди, Эдик, – боцман обхватил его сзади за плечи, не давая вытащить пистолет. – Сейчас Журов в комендатуру сгоня-

ет, и разберемся как следует, по закону. Пусть лучше трибунал эту гниду судит, чем тебя.

Матрос Журов, которому явно надоело ворочать тяжеленные мешки, выпрямился во фрунт, всем своим видом выражая готовность бежать за патрулем.

– Стойте, – неожиданно вмешался улыбчивый лейтенант Гусев. – Без комендатуры обойдемся.

Он обошел массивного боцмана, который по-прежнему удерживал Савенко, и склонился над трясущимся от страха интендантом. Схватил его двумя руками за отвороты кителя и рывком поднял на ноги. А потом Савенко не поверил своим глазам – ноги интенданта оторвались от причала и повисли в воздухе в полуเมตรе от земли. Гусев держал его на вытянутых руках так, что студенистое лицо интенданта оказалось как раз напротив его лица.

– Ты, гнида, – сказал Гусев, – сейчас поедешь к себе на склад и все, что ты украл у голодающих защитников Ленинграда, вернешь незамедлительно! А еще ты напишешь бумагу, где признаешься в воровстве и вредительстве, и отдашь ее товарищу Савенко. А если ты этого не сделаешь, сволочь, то я лично переломаю тебе все ребра, понял?

– По-по-понял, – пролепетал Колобок, мелко дергая ногами.

– Тогда охладись немножко, а то ты слишком потный.

С этими словами Гусев без особого усилия швырнул интенданта с причала в воду. Раздался громкий плеск, Колобок изо всех сил заработал руками и ногами, и, поднимая тучи брызг, устремился к берегу.

– Зря ты его отпустил, лейтенант, – зло сказал Савенко. – Надо было его в комендатуру сдать.

– Тогда он не вернул бы украденного, – сверкнул улыбкой Гусев. – А так в Ленинграде смогут испечь еще несколько булок хлеба.

«Москвич, что ли?» – подумал Эдуард. В Ленинграде хлеб покупали буханками. Однако расспрашивать Гусева не стал –

нужно было держать дистанцию. И так уже разведчик подверг сомнению авторитет командира Савенко, когда самолично расправился с ворюгой-интендантом.

— Ладно, — махнул рукой лейтенант, — продолжайте взвешивание. А вы, товарищи разведчики, начинайте погрузку в трюм.

В оставшихся мешках недовеса не обнаружилось — Колобок, судя по всему, рассчитывал именно на то, что весь груз сплошняком проверять не станут. Через полчаса взмыленный, но успевший переодеться в сухое интендант вновь появился на причале. В руках у него была корзинка, закрытая тканью.

— Что это? — брезгливо спросил Савенко.

— Гостинцы, — пробормотал Колобок. — Детишкам Ленинграда. Яблоки, шоколад. Ну и муки два килограмма, как договаривались...

— Никто с тобой, сука, не договаривался, — с ненавистью процидил сквозь зубы Эдуард. — Этую муку ты у детей хотел украсть. А шоколад у кого украл?

На интенданта было жалко смотреть.

— Ни у кого! — он прижал пухлые руки к груди. — На складе оставалось, неучтенка. Выписывают плиток на сто человек личного состава, а пока их сюда довезут, двадцать человек уже, считай, убили. А яблоки так вообще из собственного садика!

— Проваливай, — велел ему Савенко, забирая корзинку. — Нет, стой. Ты бумагу-то написал?

— Бумагу? — переспросил Колобок, становясь еще более несчастным. — А это обязательно?

— Обязательно, — отрезал лейтенант. — Когда вернусь, разберемся с тобой, кто ты есть — просто вор или шпион-вредитель.

Перегруженный катер тяжело тащился по Ладоге, оставляя за собой широкий белопенный след. По левому борту виднелся унылый и длинный мыс Песоцкий нос. До Осиновца оставалось еще несколько часов ходу.

– Что-то тихо сегодня, Эдик, – задумчиво проговорил боцман Тимофеев, скребя короткопалой ладонью могучий, заросший седым волосом загривок. – Выходной себе фрицы, что ли, устроили?

Савенко недовольно покосился на боцмана. Обычно пройти от Новой Ладоги до Осиновца и ни разу хотя бы не услышать приближающийся гул немецких бомбардировщиков было почти невозможно. Как правило, немцев отгоняли наши истребители, но нередки были случаи, когда «штуки»⁴ прорывались сквозь их заслон и бомбили идущие через Ладогу корабли. Противный визг их сирен порой снился лейтенанту по ночам.

– Смотри, не слазь, Палыч, – сказал он.

За «Стремительным» шли три баржи, груженные продуктами и боеприпасами. Вообще-то защита этих барж от авианалета считалась главной задачей тральщика – в случае опасности труба на баке катера начинала извергать дым, скрывавший грузовые суда от глаз летчиков. По опыту Савенко, дым помогал мало – «лаптежники» бомбили довольно кучно, так что одна или две бомбы все равно находили цель. Куда больше отпугивал фрицев крупнокалиберный пулемет, установленный на носовом мостике. Дважды Савенко приходилось вступать с немцами в настоящий морской бой – на Ладоге действовала сводная немецко-финская флотилия, в которую входили самоходные десантные паромы «Зибелль», вооруженные 88-миллиметровыми пушками и скорострельными зенитными автоматами, и даже итальянские сторожевые катера. Вооруженному одним-единственным пулеметом «Стремительному» сложно было противопоставить что-то этим современным кораблям – но капитан тральщика был отчаянно храбр, а экипаж опытен и зол. Поэтому оба раза столкновение заканчивалось в его пользу.

⁴ Юнкерс Ю-87 (Sturzkampfflugzeug, или, сокращенно, «штука», пикирующий боевой самолет, одномоторный двухместный (пилот и задний стрелок) бомбардировщик и штурмовик Второй мировой войны. Был оснащен сиреной «иерихонская труба», издававшей жуткий вой при пикировании. За это получил русское прозвище «певун». Также красноармейцы называли этот самолет «лаптежник» - за неубираемые шасси.

Сейчас, когда они почти дошли до маяка Кареджи, у лейтенанта появилась надежда довести караван до Осиновца без приключений. «Если получится, – загадал он, – завтра вечером позову Танечку Кузнецова на танцы». Как и многие люди, не испытывавшие страха в бою, Савенко был чрезвычайно стеснителен и застенчив в отношениях с противоположным полом.

Офицеры берегового радиоотряда Гусев, Бобров и Круминьш сидели на отведенных им местах у лебедки трала и обедали – клали на ржаные сухари большие ломти розового, с толстыми мясными прожилками сала, и закусывали зеленым луком. В отличие от капитана и боцмана они совсем не были удивлены неожиданной пассивностью Люфтваффе. Более того, они бы искренне изумились, если бы в прозрачном небе над Ладогой появился хотя бы один немецкий самолет.

– Попасть в Ленинград трудно, – сказал им их шеф, Отто Скорцени. – Есть только два пути – по воде и по воздуху. Путь по воздуху мы отметаем сразу. Никаких регулярных рейсов, разумеется, нет, самолеты летают от случая к случаю. Кроме того, их часто сбивают. Поэтому остается вода.

Вместо указки оберштурмбаннфюрер СС Скорцени использовал английский стек. Гибкий конец стека, называемый сабочниками «шлепок», прошелся по карте от восточного до западного берега Ладожского озера.

– Это обычный маршрут русских конвоев. Ваша задача – сесть на одно из малых судов, идущих в Осиновец. Впрочем, бумаги, которые подготовят для вас люди Шелленберга, помогут вам попасть на любой корабль, который вам понравится. Важно только сделать это быстро. Как правило, мы бомбим конвой постоянно, но учитывая важность вашего задания, в этот день мы сделаем русским подарок, чтобы ничто не помешало вам добраться до Ленинграда.

– А что насчет вариантов отхода? – спросил практичный Рольф.

– О том, чтобы вернуться тем же путем, можете забыть, – ответил Скорцени. – Ваша задача – найти Гумилева, если он жив, а если умер – то разыскать принадлежащие ему предметы. В этом вам поможет агент Раухер, он живет в Ленинграде с тридцать шестого года и многих там знает. Затем вы вывезете русского из города. Не буду лукавить: сделать это труднее, чем открыть изнутри банку тушенки. Единственный возможный вариант эксфильтрации – пробиться в расположение наших частей в районе Московской Дубровки. Летом прошлого года русские разведчики несколько раз в этом месте форсировали реку на лодках. И чтобы не попасть под огонь с нашей стороны, вы должны трижды передать в эфир кодовый позывной. Всего два слова – «Зигфрид возвращается».

В районе Московской Дубровки дислоцировался 20-й дивизион артиллерийско-инструментальной разведки 20-й моторизованной дивизии, занимавшийся кропотливым изучением вооруженных сил русских на правом берегу Невы. Весной именно данные, собранные разведчиками дивизиона, позволили вермахту выбить бешено сопротивлявшихся русских с крохотного плацдарма на левом берегу, получившего название «Невский пятак». На следующий день после того, как Отто Скорцени проинструктировал своих командос, в штаб 20-й моторизованной дивизии прибыл оберштурмбаннфюрер СС доктор Эрвин Гегель. Он только что провел долгую и довольно нервную беседу с главнокомандующим группой армий «Север» Георгом фон Кюхлером и хотя изрядно устал, выглядел довольноным. Разговор с командиром дивизии Эрихом Яшке оказался много приятнее; гость привез из Берлина настоящего ямайского рома, а генерал выложил на стол настоящий крестьянский окорок. Вечером того же дня радист штаба дивизии Гельмут Хазе получил

строжайший приказ – услышав в эфире позывной «Зигфрид возвращается» немедленно доложить об этомunter-офицеру Вальтеру Буффу. В обязанности Буффа входила корректировка артиллерийского огня батарей, стоящих в районе Синявино, но специальный приказ фельдмаршала фон Кюхлера давал ему право отдавать распоряжения всем трем артиллерийским группам, взявшим Ленинград в смертельное кольцо. Группы эти назывались «север», «юг» и «центр». Буфф был чрезвычайно польщен таким высоким доверием, не догадываясь, что фон Кюхлер категорически отказывался подписывать подобный приказ и сделал это только после угрозы доктора Гегеля немедленно связаться с фюрером и доложить ему про саботаж главнокомандующего. Той же ночью Гегель покинул Московскую Дубровку, направившись на машине в расположение штаба финской флотилии на Ладожском озере в порту Лахденпохья. С финнами, контролировавшими северный берег Ладоги, следовало договориться о том, чтобы один из их десантных катеров взял на борт трех боевых пловцов из команды Отто Скорцени.

– Ну, вот и Осиновец, – с облегчением проговорил Тимофеев.
– Первый раз так идем – без сучка, без задоринки. Счастливые, видать, пассажиры сегодня у нас!

– Да, – рассеянно откликнулся Савенко. – Зря я их брать не хотел.

Стройный минарет маяка Осиновец, на семьдесят с лишним метров возвышавшийся над свинцовыми водами Ладоги, был уже совсем близко. Лейтенант хорошо видел пирс и сгрудившуюся у ограждения на берегу толпу людей – это была очередная партия эвакуируемых, тех, кому повезло вырваться из железных клещей блокады.

Тяжелые грузовые баржи шли теперь в полумиле к северу – там, в бухте Морье, землечерпалки специально углубили дно, чтобы можно было подойти к берегу.

Пока швартовались у обитого спасательными кругами причала, Савенко думал о том, что, будь его воля – он вывез бы из Ленинграда всех женщин и детей. Вообще всех. И что он, Савенко, в сущности, очень счастливый человек, потому что на войне, где принято отнимать жизни, он их, напротив, спасает.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – сказал, подходя, улыбчивый разведчик Гусев. Бобров и Круминьш стояли чуть поодаль и внимательно рассматривали берег. – Очень нас выручили. Я непременно отмечу вашу готовность помочь в рапорте на имя контр-адмирала.

– Да ладно, – Савенко стало неудобно, и он махнул рукой. – Все же одно дело делаем.

– К сожалению, – сверкнул зубами Гусев, – мы не сможем помочь вам с разгрузкой – имеем срочное задание.

– Ничего, тут грузчики есть, – буркнул Савенко. – До свидания, товарищ лейтенант, удачи вам.

Гусев пожал ему руку (ладонь его оказалась словно вырезанной из камня), потом сделал знак своим товарищам и легко перепрыгнул на причал. Бобров и Круминьш, синхронно перемахнув через леера, последовали за ним, и тут только Савенко с запозданием понял, что за все время плавания так и не услышал от них ни одного слова. Он проследил взглядом движение пассажиров – троицы, проталкиваясь через толпу бледных, вцепившихся в свои мешки, эвакуированных направлялась к дороге, ведущей к железнодорожной станции Борисова Грива. Савенко удивился – ему отчего-то казалось, что разведчики должны были свернуть к Осиновецкой военно-морской базе Балтфлота. Ну да, в подписанном контр-адмиралом Смирновым документе говорилось что-то о Ленинграде. Хотя и странно – что там делать офицерам береговой радиоразведки?

Но тут на палубу ступил серьезный, как инквизитор, старший интендант Осиновецкой базы майор Клюев с пачкой накладных в руке, и лейтенант Савенко забыл о своих странных пассажирах.

– Ты сильно рисковал, Рольф, – сказал Хаген, когда трое коммандос отошли на порядочное расстояние от маяка. – Зачем ты полез в эту историю с проворовавшимся русским интендантом?

Белобрысый Рольф жестко усмехнулся.

– Если бы там появились люди из комендатуры, у нас могли бы возникнуть проблемы. Военная полиция одинакова повсюду. Это для нашего юного капитана бумажка с подписью контр-адмирала означает, что нужно заткнуться и взять под козырек. А для какого-нибудь дуболома из комендатуры это только повод задержать подозрительных лиц до полного выяснения обстоятельств.

– Русскому интенданту повезло, – проговорил флегматичный Бруно, которого лейтенант Савенко знал под именем сержанта Круминыша. – Бумага с его признанием осталась у капитана. Теперь никто никогда ее не прочтет.

– Да, – согласился Рольф, – мы спасли его от трибунала. И он будет продолжать воровать муку у голодных жителей Ленинграда.

– Приятно делать маленькие добрые дела, – хмыкнул Хаген.

Основной специальностью Бруно были подрывные работы. Бомба с часовым механизмом, которую он установил в трюме «Стремительного», взорвалась, когда катер был на середине пути до Новой Ладоги. Тральщик, на борту которого находились шестьдесят пять эвакуированных из Ленинграда детей и подростков, раскололся надвое и быстро затонул. Может быть, кому-то и удалось бы спастись – вода была довольно теплой, а на поверхности плавало несколько спасательных кругов – но тут с севера налетели «Юнкерсы» и, истошно визжа сиренами, прицельно отбомбились по месту крушения катера. Лейтенанта Савенко прошило пулеметной очередью, когда он пытался затащить на оторванную взрывом крышку якорного ящика маленькую светловолосую девочку. Бортстрелок «Юнкера» убедился, что пули нашли цель, обернулся к пилоту и поднял вверх большой палец.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Санаторий

Подмосковье, июль 1942 года

Гумилев, стараясь не шуметь, поднялся с кровати (пружины все-таки предательски скрипнули), натянул брюки и рубашку и на цыпочках вышел из комнаты. От реки поднимался туман, нависшие над водой ивы, полускрытые белесой дымкой, напоминали фантастических марсиан из романа Уэллса. Лев попрыгал немного на террасе, разводя руки в стороны и приседая, потом, решив, что достаточно согрелся, побежал по размокшей после вчерашнего дождя тропинке вниз к реке.

Сбросил одежду на влажный от росы куст, пробарабанил пятками по мосткам и, вытянув вперед руки, прыгнул в воду. Вода была холодной, но не слишком. Гумилев нырнул, коснулся пальцами илистого дна, перевернулся, оттолкнулся ногами и всплыл на поверхность. Кролем доплыл до противоположного берега, вернулся обратно, вылез на мостки и затряс головой, вытряхивая воду из ушей.

Какое все-таки восхитительное чувство – свобода!

Шесть лет из своих тридцати Гумилев провел в лагерях и тюрьмах. Он научился ценить личную свободу, какими бы узкими ни были ее рамки. Можно и в остроге чувствовать себя, как на воле, даже если вся твоя воля – это жесткая шконка и шесть часов, отведенных на сон. Главное, чтобы ум оставался свободным, и чтобы никто не мог заставить тебя думать на чужой лад.

Сейчас Лев чувствовал себя сказочно свободным. Он мог купаться, мог гулять, мог в любое время прилечь на кровать с

книгой, не боясь окрика вертухая. Правда, теперь десять часов в день отнимала учеба, но и оставшихся четырнадцати было более чем достаточно. Спал Лев немного, будто организм, как следует отдохнув за первую «курортную» неделю, не желал разбазаривать время на сон. Тело требовало физических нагрузок, и он много плавал, крутил «солнце» на турнике, до седьмого пота отжимался на брусьях, боксировал в спортзале с Теркиным. По пятницам ходили в баню, где Василий, оказавшийся большим любителем парилки, устраивал праздник души и тела – с травяными настоями, замоченными в брусничной воде вениками, и ледяным, ломящим зубы квасом, добываемым у повара.

А еще были занятия. Каждый день, не исключая воскресенья, когда тренировались шесть часов против обычных десяти. Радиодело, шифрование, стрельбы из пистолетов и автоматов, рукопашный бой. Инструктором по рукопашному бою был похожий на медведя прaporщик – на вид ему было хорошо за сорок, но дело свое он знал крепко. Во всяком случае, Шибанов, не без оснований считавший себя опытным бойцом, проигрывал ему девять схваток из десяти.

Почему Шибанов оказался на базе, Гумилев так и не узнал. Похоже, это оставалось загадкой даже для самого капитана. К пребыванию в «Синице» он относился как к командировке – непозволительно долгой и весьма комфортной, но все-таки командировке.

– Делать мне больше нечего, прохладиться тут с вами, – ворчал он порой. На занятиях, однако, был самым прилежным, не пропускал ни одного слова инструктора, старательно записывая все в толстую тетрадь в картонном переплете.

– В школе учился плохо, – объяснил он как-то Гумилеву, – вот теперь наверстываю.

Лев подозревал, что в той школе, где учился капитан, просто не преподавали ни работу с рацией, ни криптографию – зачем они особистам? А учиться Шибанову явно нравилось. Самому Льву,

впрочем, тоже – особенно его заинтересовало шифровальное дело. Обучал шифрованию старенький профессор-математик совершенно дореволюционного вида. Он имел забавную привычку называть курсантов «милостивый государь», чем очень веселил Шибанова и крайне смущал Теркина. К Кате он обращался не иначе, как «сударыня», что ей, похоже, льстило.

– Об одном жалею, друзья мои, – сказал как-то профессор, близоруко глядываясь в своих слушателей. – Криптография – интереснейшая наука, на изучение которой можно потратить годы! А вы вынуждены познавать только основы ее, самые, так сказать, азы. Впрочем, базовых элементов вполне достаточно, чтобы осуществлять, так сказать, полевую работу, ведь даже самые простые шифры бывает порой весьма нелегко разгадать. Моя задача – обучить вас как раз таким несложным с виду, но при этом обладающим высокой степенью защиты методам. Итак, поговорим сейчас о сообщениях, которые кодируются и декодируются двумя различными ключами, то есть об асимметричных алгоритмах шифрования...

Стрельбище было вотчиной майора Гредасова – худого желчного мужика с утиным носом и белесыми, лишенными какого бы то ни было выражения глазами. Больше всего Гредасов напоминал Льву не вполне опохмелившегося слесаря. Несмотря на свою непрезентабельную внешность, в оружии майор разбирался как настоящий бог войны. Он мог по звуку выстрела отличить винтовку Симонова от винтовки Токарева, ППД от ППШ, с завязанными глазами собрать и разобрать пулемет, да и сам стрелял на уровне мастера спорта. На стрельбище Гумилев отставал от других курсантов – его пули упорно не желали ложиться в «яблочко», хаотично разбрасываясь по всей мишени, а порой и вовсе уходили в «молоко». Гредасов относился к нему, как к убогому – повторял все по несколько раз, терпеливо и тщательно объясняя, как следует держать оружие, куда пристраивать приклад и как нужно выравнивать дыхание при

прицеливании. Когда у Льва все равно ничего не получалось, майор лишь слегка выдвигал вперед нижнюю челюсть, но никогда не ругался – по-видимому, полагая это бесполезной тратой сил и времени.

– Ладно, – говорил он, вздыхая, – ты, это, тренируйся еще. Рано или поздно научишься.

Два часа в день посвящалось немецкому языку. Немецкий знал только Лев, да и то не блестяще – на уровне второго курса университета. Познания Шибанова ограничивались заученными в школе предложениями «Anna und Marta gehen in die Schule» и «Anna und Marta gehen nach Hause»⁵, а Теркин вообще знал только общеизвестные «Haende hoch!» и «Sheisse!». Поэтому преподавательнице немецкого, сухопарой старухе Изольде Францевне, приходилось с курсантами непросто.

Был еще спецкурс, который вела Катя – основы медицинской помощи. Вообще-то Катя училась наравне со всеми – стреляла (кстати, у нее были лучшие результаты в группе), бегала кроссы, изучала радиодело. Но три раза в неделю она из курсанта превращалась в преподавателя.

Лев любил эти занятия. Они проходили в медпункте, на стенах которого висели плакаты с анатомическим строением человека и красочными изображениями различных ранений. В медпункте имелся гуттаперчевый манекен, получивший у курсантов прозвище «Жора». Когда его сажали на стул, голова манекена безвольно падала на грудь, придавая ему сходство с пьяным. Используя Жору как наглядное пособие, Катя показывала, как правильно делать перевязку, как накладывать лубки, вправлять вывихнутые суставы и извлекать пули. Потом начинались практические занятия: курсанты учились использовать полученные навыки друг на друге. Гумилев накладывал шину на якобы сломанную руку Василия, Шибанов проделывал ту же процедуру с Катей. Однажды Лев заметил, как заговорщически

⁵ «Анна и Марта идут в школу», «Анна и Марта идут домой» (нем.)

усмехается, глядя на свою «пациентку», Шибанов. Как будто бы их соединяла общая тайна.

Ну и что, подумал Гумилев, мне-то какое до них дело. Пусть переглядываются. Но это была неправда. Думать о Кате и Шибанове не хотелось. О Кате отдельно – наоборот. Она вся была легкая, светлая, как солнечный лучик. Огромные, синие, как лед на вершинах, глаза. И такие же холодные, кстати.

Нет, непохоже, чтобы между ними что-то было, думал Лев, украдкой рассматривая сержанта медицинской службы. Иначе с чего бы она опустила глаза так, будто все, что ее интересует – это правильно наложенная капитаном шина... А вот Шибанов, похоже, очень хочет, чтобы она смотрела именно на него.

– Николаич, – прервал его размышления Теркин, – ты мне сейчас руку к стелу примотаешь!

Катя тут же повернулась к Гумилеву и строго сдвинула брови.

– Лев! Сколько раз я говорила: надо быть внимательней!

– Извините, товарищ сержант, – вздохнул Гумилев, – увлекся...

Шибанов хмыкнул – до того двусмысленно это прозвучало. И тут Лев внезапно со всей ясностью понял, что действительно увлекся. Ему нравилось смотреть на Катю. Нравилось слышать ее голос. Хотелось, чтобы она говорила с ним. Дотрагивалась до его руки, объясняя, как делать перевязку.

«Я просто изголодался», – сказал себе Гумилев. После трех лет в лагере даже на снежную бабу будешь смотреть с вожделением. Но в глубине души он понимал, что это не так. Видел же он и других женщин в первые несколько дней, проведенных на базе. Повариху Зину из столовой, например. Ядреная бабенка, с куда более пышными формами, чем у Кати. И что? Не просыпался же он по ночам от мыслей о Зине...

А от мыслей о сержанте медицинской службы Серебряковой просыпается. И стоит в предрассветных сумерках на скользких мостках, вытряхивая из ушей воду и думая о том, как рельефно

перекатываются под кожей кубики пресса после двух недель занятий в спортзале. И что было бы здорово, если бы Катя это увидела...

Вместо Кати, однако, по тропинке спустился жизнерадостный капитан Шибанов – тоже, надо признать, в отличной спортивной форме, да еще на голову выше Гумилева и гораздо шире в плечах.

– Привет царю зверей! – весело крикнул Шибанов. Скинул короткие черные штаны и с оглушительным плеском рухнул в реку. Завозился и заплескался там, как резвящийся бегемот.

– Чего не спится? – спросил капитан, выбравшись на берег.
– Время – пять минут пятого, до побудки еще полтора часа. Будешь потом на занятиях зевать...

– Это вряд ли, – сказал Гумилев. – Мне пяти часов сна вполне достаточно. Наполеон – тот вообще по три часа спал.

– Наполеон, – протянул Шибанов, – это, конечно, сильный пример. «Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно».

– Любите классику, товарищ капитан?

Шибанов серьезно посмотрел на него.

– Если честно – обожаю. «Евгения Онегина», веришь-нет, наизусть знаю. Еще в детстве выучил. А ты?

Лев улыбнулся.

– Я тоже.

– Ну, еще бы, с такими-то родителями, – подмигнул Шибанов. – Сам-то как, стишками не балуешься?

– Нет, – сухо сказал Лев. Улыбка сошла с его лица, уголки губ напряглись. – Не балуюсь.

– Оно и правильно, – Шибанов улыбнулся еще шире. – У нас дела поважнее есть, правда?

...Какие это были дела, оставалось тайной для всех. Курсантов обучали предметам, входившим в программу подготовки

разведчиков, действующих в тылу противника – это и ежу было понятно. Но какое именно задание им собирались поручить, никто не знал и даже не догадывался.

«Надо понять, по какому принципу нас здесь собрали, – думал Гумилев. – Ответ на этот вопрос станет ключом к разгадке. Что между нами общего? Да ничего. Я историк, еще недавно не имевший представления о военном деле. Катя – медсестра откуда-то из уральского госпиталя. Теркин – солдат с передовой. Шибанов – особист...»

Стоп, сказал он себе. О чем меня спрашивал Шибанов в Норильскомлаге? О Попугае и о карте. И Берия интересовался тем же. Может быть, другие тоже как-то связаны с предметами?

Он попытался аккуратно прощупать почву – сначала в разговоре с Василием. Но тот то ли действительно ничего не знал о серебряных артефактах, то ли искусно притворялся – зная его хитрющий нрав, можно было предположить и то, и другое. Потерпев поражение, Лев долго думал, как бы по возможности аккуратнее расспросить об этом Катю – пока судьба не решила все за него.

В воскресенье занятия заканчивались рано, в три часа дня. С утра моросил теплый грибной дождик, и из земли повылезило огромное количество дождевых червей.

– Не пропадать же добру! – решил Теркин, набрал полный газетный кулек извивающихся червяков, взял удочку и отправился на речку рыбачить.

Клев в тот день был отменный – к шести вечера в ведре трепыхалось штук пятнадцать окуньков и пара крупных судаков. Пришедшие проводить товарища Гумилев и Шибанов задумчиво разглядывали улов. Потом Шибанов сказал мечтательно:

– Эх, сейчас бы перчику, петрушку да помидорчиков – я б вам такую ростовскую уху сварганил!

– Это можно, – отозвался Теркин, не отрывая взгляда от поплавка. – Мне повар как раз за последний проигрыш кое-что должен.

– Так что ж ты молчишь, чудило! – обрадовался капитан. – Слушай мою команду – начинаем подготовку к операции «уха». Старшина, отставить рыбалку. Тут уже и так рыбы на целую роту. Давай, дуй к повару, и все, что я выше перечислил, тащи сюда. Теперь ты, товарищ ученый. Тебе задание будет простое, но ответственное – собрать дрова. С таким расчетом, чтобы хватило и на уху, и на просто у костерка посидеть. То есть – много.

Все ясно?

Уху Шибанов варить действительно умел. От котелка шел такой невообразимо вкусный запах, что можно было захлебнуться слюной. Дымок костра плыл над рекой, вплетаясь в вечерний туман.

– Как будто и нет войны, – пробормотал про себя Гумилев.

– Что вы сказали, Лев? – спросила Катя, резавшая хлеб – Теркин, помимо помидоров и перчика, притащил из столовой целую буханку черного.

– Спокойно здесь, – Гумилев кивнул на костерок. – Рыбалка, пикник у реки... Трудно поверить, что меньше года назад тут вполне могли стоять немцы...

– Ну, нет, – возразил Шибанов, снимая крышку с котелка и водя носом, – тут немцев отродясь не было. Они с западашли...

– Прав Николаич, – подал голос Теркин. – Вот даже взять, как нас кормят. Смотри, хлеб какой – не липкий, зернистый! У нас подо Ржевом такого год не видали. Оладушки из ржаной муки за счастье считались. Да и времени их печь не было. Одна атака за другой... Сухари нам, помню, сбрасывали с самолетов – а это, ребята, подвиг был, у фрицев зенитки работали без выходных – так мешки с сухарями ветром к немцам сносило. Они там ржут, большие пальцы показывают – данке шен, кричат, Иван, брат ист гуд! Хорошие, мол, сухари... А мы в окопах сидим, смотрим на них, и в животе одно бурчание... Потом болезнь началась –

слепота куриная. Как вечереет, все, на три метра от себя ничего не видишь. И ладно бы у одного-двух – целыми взводами люди слепли. Как тут воевать? Доктор говорит – недостаток витаминов. Ну, в мае отвели нашу часть в деревню Карповку, двадцать километров от линии фронта. А жрать все равно нечего. Сварили нам суп – на триста человек килограмм сои. И что думаешь? С голодухи показалось царским угощением! А потом кто-то прознал, что на полях неподалеку картофель не успели убрать на зиму... Как все туда побежали! Кто штыками, кто лопатами, картошку выкапывают, а она перемороженая, зима-то какая была лютая... Вечером вот у костерка пропекли картошку эту, налопались от пузза. Наутро вся часть – в лежкку. У всех животы раздуты, кишки режет так, будто стекла толченого наелись... Два дня мучились, хорошо, не помер никто. А на третий день нам бабы супчик перловый сварили, да хлеб испекли – из той же картошки да отрубей. Мы его «Ржевским» прозвали...

– Лови момент, старшина! – Шибанов взял пучок петрушки и принялся кромсать его остро отточенным ножом, – Как отправят тебя обратно в твои болота, будешь вспоминать ушицу по-ростовски... От зараза!

Он бросил нож и выставил перед собой окровавленный палец.

– Перевязать надо, – сказал Лев. – За бинтом сходить?

– Не надо, – мотнул головой капитан. – Обойдемся без бинтов. Катенька, поможешь?

– Что же вы неловкий такой, товарищ Шибанов, – Катя отряхнула руки от хлебных крошек и подошла к капитану. – Давайте сюда ваш палец...

Дальше произошло что-то непонятное. Катины тонкие ладошки накрыли руку Шибанова, как будто пытались укрыть от ветра невидимую свечу. Глаза сержанта медицинской службы закрылись, на лбу пролегла глубокая складка, сразу сделавшая ее милое лицо очень взрослым. Губы Кати побелели, сжалась

в две тонкие ниточки. Продолжалось все это недолго, может быть, минуту, потом Серебрякова снова открыла глаза и убрала ладони.

– Все, – произнесла она, как показалось Гумилеву, с облегчением. – И впредь, пожалуйста, будьте внимательнее...

– Как новенький, – удовлетворенно сказал Шибанов, разглядывая палец. – Опять ты меня выручила, Катерина батьковна. Даже не знаю, как тебя благодарить...

– Ух ты, – Теркин присел на корточки возле костра, чтобы получше рассмотреть руку капитана. – Даже следа не осталось!

Он обернулся к Кате.

– И давно ты так умеешь, сестренка?

– Недавно, – почему-то сердито ответила Серебрякова. Видно было, что говорить на эту тему ей совсем не хочется.

– А если рана посерезней будет – тоже излечишь?

– Старшина, – посуроговел Шибанов, – не приставай к человеку, а? Я ж у тебя не допытываюсь, как ты свое умение приобрел – может, с чертом договор кровью подписал?

– Какое умение? – с чисто женским любопытством немедленно спросила Катя.

– Рыбу ловить! – хмыкнул Василий.

«Вот так фокус, – подумал Гумилев. – Катя, значит, умеет останавливать кровь наложением рук. И Шибанова лечит не первый раз... Да и у Василия, выходит, есть какой-то секрет, о котором знает только капитан...»

– Я видел такое в Азии, – сказал он Кате. – Суфийские дервиши иногда останавливают кровь усилием воли. Говорят, был один дервиш, который мог отрезать себе палец, а потом приставить обратно – и тот прирастал на место.

– А кто такие дервиши? – спросила Катя.

– Странствующие аскеты-мистики, что-то вроде бродячих монахов. Они много путешествуют, с детства учатся всяким фокусам и трюкам. Есть у них такой особенный танец – кружение.

Кружиться они могут часами, не оступаясь, не падая – считается, что в это время их души выходят за пределы физического тела и могут достичь Аллаха...

– И вы это своими глазами видели?

– Да, конечно. Они забавные – в таких разноцветных круглых юбках, когда крутятся, юбки взмывают вверх и становятся похожи на чашечки цветка...

Лев все время ожидал, что Шибанов вставит какую-нибудь ехидную реплику – это было бы вполне в духе капитана – но никто не перебивал его, все молчали и слушали.

– Вообще в Азии много интересного, – Гумилев подбросил в костер несколько сухих веток, – и даже, с нашей точки зрения, непонятного. Если хотите, я как-нибудь расскажу вам об огнепоклонниках – они до сих пор живут кое-где в труднодоступных горах. Или о потерянном Бактрийском царстве – когда-то это была густонаселенная страна с сотнями больших городов, прекрасными дорогами и каналами. А потом исчезла, как будто ее и не было. Я работал в экспедиции, которая искала бактрийские города, но так ничего и не нашла. Как будто целую цивилизацию бесследно стерли с лица земли...⁶

Лев замолчал и некоторое время смотрел на пляшущие языки пламени.

– Аналогичный случай был в Тамбове, – сказал Шибанов. – В тридцать девятом году. В одну ночь испарилось целое строительное управление вместе с техникой, сейфом и финдиректором. Финдиректора, правда, через месяц нашли в Краснодаре. А сейф – увы...

– Товарищ капитан! – Внезапно Лев выпрямился и внимательно посмотрел на энкаведешника. – Может быть, пришла пора раскрыть карты? Мне кажется, если кто-то и знает, почему нас всех здесь собрали, так это вы.

⁶ На след Бактрийской цивилизации напал вскоре после войны молодой советский ученый Виктор Сарианиди, получивший мировую известность как первооткрыватель Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

Капитан аккуратно смахнул в уху покрошенную зелень и помешал варево деревянной ложкой.

– С чего ты взял?

– Вы знали, что Катя умеет лечить наложением рук? Знали. Знаете, что какое-то умение есть у Василия, так? Вы всех нас нашли и привезли в Москву. Отсюда можно сделать вывод...

– Да никакого вывода отсюда сделать нельзя, – лениво отмахнулся Шибанов. – Вот у тебя, к примеру, есть какое-нибудь секретное умение?

– У меня – нет, – пожал плечами Гумилев. – Для меня вообще загадка, зачем меня сюда вытащили...

– Тебе что, не нравится? Мог бы, между прочим, сейчас в шахте кайлом махать...

– Ладно вам лаяться, – примирительно сказал Теркин. – Скоро там твоя уха-то поспеет, капитан?

– Погоди, – оборвал его Шибанов. Подошел к Гумилеву и навис над ним, мощный, как гладиатор. – Ты, Лев, не обижайся. Я это все к тому, что не больше тебя знаю. Системы здесь нет никакой, а если есть, то такая хитрая, что нам вовек не догадаться. Но есть она или нет – нам главное выполнять свои обязанности. Помнишь, как у Фадеева?

– Я не люблю Фадеева, – буркнул Лев.

– Ну и напрасно. Хороший писатель. Ладно, замяли дело. И вот оно что – чего ты мне все время «выкаешь»? Даже неудобно как-то. Давай на ты?

– Давай, – Лев пожал протянутую руку. «Хочет увести разговор в сторону, – подумал он. – Все-таки что-то он наверняка знает...»

А потом всем и вовсе стало не до загадок. Уха оказалась изумительно вкусной – Лев, во всяком случае, не едал такой никогда в жизни. Теркин извлек из реки оставленную в холодке бутылку со знакомым уже Гумилеву мутноватым пойлом.

– Э, нет, – сказал Шибанов, – сам не употребляю и вам не рекомендую.

– Обижаешь, капитан! Под ушицу-то – самое милое дело!..

– Про вкусовые пупырышки слышал, старшина? Ты ж после этого никакого вкуса не почувствуешь! Эх, деревня... У нас старики, бывало, в уху стакан водки выливали – но так это другое. Это чтобы запах тины отбить. А тут его и нет – рыба вся чистая...

– Правда, Василий, зачем обязательно выпивать? – поддержала капитана Катя. – Я понимаю еще на фронте – там надо напряжение снять. Но у нас-то какое напряжение? И так все хорошо!

Теркин в растерянности посмотрел на Гумилева.

– А ты чего скажешь, Николаич?

– Я? – Лев вспомнил свой предыдущий опыт и запнулся. – Ну, я тоже думаю, что можно и без выпивки обойтись. Тем более, занятия завтра...

– Тыфу на вас, – обиделся Теркин. – Такой вечер испортили!
Но бутылку убрал.

Посидели, впрочем, замечательно и без самогона.

Когда Шибанов с Теркиным затеяли петь песни, Гумилев, считавший себя неспособным к вокалу, ушел от костра и сел на мостках, опустив босые ноги в прохладную воду. Сидел, смотрел на крупные июльские звезды, слушал, как плещутся волны о деревянные столбики мостков, и думал о том, как хорошо было бы дать знать маме, что он уже не в лагере. К сожалению, сделать это было решительно невозможно: во-первых, похоронный агент, оказавшийся на поверху полковником, строго-настрого предупредил его, что местонахождение Льва Гумилева, на базе С-212, является военной тайной, за раскрытие которой полагается самая суровая кара, а во-вторых, он даже не знал, где сейчас мама. Если в Ленинграде, то как туда сообщишь? А может быть, ее успели эвакуировать? Проще всего, конечно, было спросить у того же полковника, он-то наверняка был в курсе, но Льву не хотелось,

чтобы ведомство, отправившее его в лагерь, а затем неожиданно вытащившее оттуда, лишний раз обращало внимание на маму.

А кроме мамы, и сообщать-то было некому. Любे Пашкевич, увлечению студенческой молодости? Теду Шумовскому и Коле Ереховичу, сокурсникам по университету? Оба осуждены по тому же делу, что и он сам, оба отправлены в лагеря. Коля, кажется, куда-то на Колыму, с Тедом они вместе шли по этапу до Воркуты, а дальше их пути разошлись⁷.

Никого, никого не осталось вокруг. Звенящая пустота.

Сзади послышались легкие шаги.

– Не помешаю?

Он резко обернулся, так, что едва не свалился в воду.

– Катя? Не помешаете, конечно! Только имейте в виду – здесь мокро...

Она засмеялась.

– Ничего, не сахарная, не растаю. Что это вы ушли от костра?

– Решил немного охладиться. А заодно поблагодарить духов реки за дарованную нам рыбу.

«Что я несу? – подумал Гумилев в ужасе. – Какие духи реки? Нет, чтобы честно признаться, что не люблю застольного пения...»

Но Катя уже заинтересовалась.

– Вы ученый – и верите в духов?

Чтобы не показаться девушке круглым идиотом, Лев был вынужден развить тему дальше.

– Нет, конечно, – усмехнулся он. – А вот древние люди верили. Для древнего грека, например, эта река была бы обиталищем наяд. Но кроме наяд, там жили бы еще и другие духи реки, мужского пола...

⁷ Теодор Шумовский, выдающийся русский арабист, друг Л.Н. Гумилева, продолжает научную работу и в настоящее время. Является автором оригинальной теории этногенеза, во многом схожей с теорией Л.Н. Гумилева (притом, что методы анализа Шумовского были противоположны методам Гумилева).

– Русалки и водяной! – засмеялась Катя.

– Точно! Видите, у нас тоже были свои речные духи. А вообще-то у каждого народа есть собственная мифология, уходящая корнями в глубокую-глубокую древность. Это называется полидоксия – поклонение духам, которые слабее богов, но куда могущественнее людей.

– А может, правда когда-то все так и было? Могли же рядом с людьми жить какие-то другие существа! А потом просто повымерли, как мамонты...

– В Туркестане много рассказывают про албасты, злого демона в женском обличье, живущего при источниках вод. Есть вроде бы и мужские особи, называемые «гуль». Во время Гражданской войны были случаи, когда их ловили и расстреливали, принимая за басмачей. Так вот, судя по описаниям эти демоны очень похожи на неандертальцев...

Лев украдкой взглянул на девушку – не утомил ли он ее своими историческими экскурсами. Да вроде бы нет – сидит, слушает с интересом.

– Неандертальцы, как принято считать, вымерли пятьдесят тысяч лет назад. Но что, если они не совсем исчезли? Может быть, наши предки, кроманьонцы, просто вытеснили их из привычных ареалов обитания? И они ушли туда, где их никто не тревожил – в глухие леса, в ущелья снежных гор... Не случайно же во многих легендах этих существ называют «снежными людьми»!

– Ужасно хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на такого снежного человека, – протянула Катя. – Вот окончится война, надо будет обязательно организовать экспедицию! Вы же не отказались бы, правда?

– Что за вопрос! Знаете, Катя, это, по-моему, самое лучшее, что может быть в жизни...

Лев запнулся.

– Что же? – лукаво спросила она.

– Свобода... и поиск... разгадка неведомого... а еще – дорога. Я очень люблю путешествовать, Катя.

– А из меня никудышная путешественница, – в голосе девушки прозвучала печаль. – Эвакуация из Ленинграда на Урал, да с Урала в Москву на самолете... Ой, Лев, а вы ведь тоже из Ленинграда?

И они заговорили о любимом городе. Где жили до войны («до ареста», – мысленно поправлял девушку Лев, но вслух ничего не говорил), где любили гулять... Выяснилось, что у них были даже какие-то общие знакомые, хотя Гумилев и был старше на одиннадцать лет. Кто-то водил дружбу со старшей сестрой одной Катиной подруги, и этот кто-то вроде бы учился на параллельном потоке в университете в то же время, что и Гумилев... И не имело значения, что это было пять лет назад, что Кате тогда едва исполнилось четырнадцать, и студент университета наверняка казался ей старым и совершенно неинтересным. Тогда это было неважно, а сейчас стало ниточкой, протянувшейся между двумя людьми, потерявшими всех своих близких.

Потом к реке спустились раскрасневшиеся от костра Шибанов с Теркиным, и разговор прервался. Но ни Лев, ни Катя о протянувшейся ниточке уже не забыли.

– Ты это, – сказал на следующий день Шибанов, когда они с Гумилевым возвращались со стрельбища. Лев, как всегда, безбожно мазал, и майор Гредасов оставил его на полчаса для дополнительных стрельб, а капитан остался по собственному желанию. – Ты к Катьке клинья не подбивай, понял?

Гумилев остановился, как будто врезавшись в дерево.

– Нет, – сказал он медленно, – не понял.

– Повторяю еще раз. К Катьке клинья не подбивай. Она занята уже.

Лев почувствовал, что у него деревенеет подбородок.

– Тобой, что ли? – спросил он, поворачиваясь к Шибанову.

Капитан был выше и сильнее, но сейчас это не имело никакого значения. Гумилев не боялся его, как не боялся урок на зоне, даже если их было больше и у них были заточки.

– А если мной? – усмехнулся Шибанов. – Что, морду будешь мне бить?

Он стоял, широко расставив ноги и чуть согнув руки в локтях, и нагло смотрел на Гумилева.

«Провоцирует, – понял Лев. – Он уже подготовился и просчитал все варианты. Если я сейчас дернусь, он сразу возьмет меня на контрприем и отлупит, как Бог черепаху...»

– А сама-то она об этом знает? – вдруг спросил Гумилев. – О том, что ты ее «занял»?

Такого оборота разговора капитан явно не ожидал. Он сделал движение навстречу Льву – точнее сказать, намек на движение – и вдруг замер. Губы его скривились, как если бы он раскусил кислую ягоду.

– Узнает, – бросил он Гумилеву.

Резко развернулся и зашагал по тропинке к дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ленинград

Ленинград, июль 1942 года

Чтобы добраться от Осиновца до Ленинграда, группе «Кугель» пришлось преодолеть два заградпоста и два КПП – один на станции «Борисова Грива», другой – на Финляндском вокзале.

– Кого они тут ловят? – раздраженно спросил Бруно после очередной проверки документов. – Какой идиот в здравом уме будет пытаться попасть в обреченный город?

– Такой, как ты, – ответил Рольф. – Или такой, как я. Или такой, как Хаген.

Его тоже тревожили меры безопасности, предпринятые русскими. Скорцени объяснял им, что Ленинград до сих пор не капитулировал лишь потому, что НКВД держит его жителей в железном кулаке, однако количество патрулировавших город полицейских превосходило ожидания командира группы. Пока что бумаги, выправленные спецами Шелленберга, у русских подозрений не вызывали, но каждая новая проверка увеличивала шанс нарваться на особо ретивого служаку, который захочет копнуть поглубже.

– По Невскому не пойдем, – решил Рольф. – Слишком рискованно.

Карты города у них с собой не было, но она и не требовалась. Каждый из командос потратил несколько часов на изучение топографии Ленинграда – с учетом новейших данных авиаразведки.

Через Литейный мост перешли на другой берег Невы, вышли на набережную к Летнему Саду, и пошли вдоль Фонтанки. Пе-

ресекли пустынnyй Невский, и все тою же Фонтанкой дошли до улицы Дзержинского (бывшая Гороховая).

— Здесь совсем нет животных, — сказал Бруно, когда они прошли уже полгорода. — Ни кошek, ни собак.

— Они их съели, — улыбнулся Рольф. Он вообще часто улыбался, у него были превосходные зубы.

— Тогда должны были расплодиться крысы.

— А они и крыс съели. Крысы питательны.

— И птиц совсем нет. Одни воробья.

— А ты попробуй, поймай воробья. В нем мяса меньше, чем в половине мизинца.

— Фюрер был прав, когда не стал штурмовать Ленинград, — сказал Бруно, подумав. — Этот город выжрет себя сам изнутри.

Ленинград был похож на огромный склеп. Выбитые окна старинных домов казались мертвыми глазницами. Народу на улицах было довольно много, но эти люди больше напоминали призраков — худые, с тонкими, как ветки, руками и ногами, они двигались по мостовым, словно серые тени. Только тени скользят над землей, а эти люди шли, тяжело передвигая ноги и наклоняя туловище вперед, как будто в лицо им дул сильный ветер. Иногда они останавливались и поднимали лицо к небу, греясь в лучах нежаркого солнца.

— Жуткий город, — заметил Бруно. — Они все здесь, как мертвецы. Видели их глаза? Совершенно неподвижные. И лица, как маски, с обтянутыми кожей носами. Никакой мимики.

— Мы попали на тот свет, — засмеялся Рольф.

Навстречу им шла женщина, державшая за руку малышку трех-четырех лет. Малышка смешно ковыляла на уродливо искривленных тоненьких ножках. Когда они поравнялись с коммандос, малышка вдруг закричала:

— Дядя солдат! Дядя солдат!

— Что тебе, девочка? — спросил Хаген, наклоняясь к ней.

– Поля! – сказала вдруг женщина молодым звонким голосом, и Рольф с изумлением понял, что это совсем юная девушка, вряд ли старше шестнадцати лет – вот только лицо и осанка у нее были старушечьи. – Поля, не приставай к дяде! Сколько раз я тебе говорила!

– Дядя солдат, – затараторила малышка, – ты, пожалуйста, убей там побольше немцев, чтобы война поскорее закончилась! А то у нас тут совсем уже нечего кушать, дядя солдат...

На малоподвижном лице Хагена не отразилось никаких эмоций.

– Хорошо, девочка, – сказал он, – я так и сделаю.

Он потрепал ребенка по русой головке и выпрямился. Женщина – теперь Рольф был уверен, что это не мать девочки, а ее старшая сестра – уже тащила Полю прочь.

– Вы извините ее, товарищ офицер, – сказала она, стараясь не смотреть Хагену в глаза. – У нас отец весной на фронте погиб, вот она и пристает ко всем, кто в форме...

– Ничего, – сказал Хаген.

Когда они отошли метров на двадцать, он проговорил задумчиво:

– Шеф ошибался, когда говорил, что все дело в НКВД.

– Почему? – спросил Бруно. – Разве мало особистов на улицах?

– Эта девочка никогда не слыхала про НКВД, – сказал Хаген.

– Но она тоже не хочет капитулировать.

До нужного им дома на углу Фонтанки и Дзержинского коммандос добрались уже под вечер. Вопреки ожиданиям Рольфа, на патрули они больше не натыкались – по-видимому, основная их часть была сконцентрирована на подступах к городу и у стратегически важных объектов. Набережная была почти пуста, только высокий и прямой, как жердь, старик, стоял у моста, опершись вытянутыми руками на парапет и глядя на воду.

Подойдя ближе, Рольф заметил, что бледные и тонкие губы старика беззвучно шевелятся. «Молится», – подумал он. И тут же понял, что он ошибся – старик не молился, он читал стихи.

*– Наше прошлое, наше дерзанье
Все, что свято нам навсегда,-
На разгром и на поруганье
Мы не смеем врагу отдать.*

*Если это придется взять им,
Опозорить свистом плетей,
Пусть ложится на нас проклятье
Наших внуков и их детей!*

*Даже клятвы сегодня мало.
Мы во всем земле поклялись.
Время смертных боев настало –
Будь неистов. Будь молчалив.*

*Всем, что есть у тебя живого,
Чем страшна и прекрасна жизнь
Кровью, пламенем, сталью,
Словом –
Задержи врага! Задержи!⁸*

«Он сошел с ума, – подумал Рольф. – Человек не может читать стихи в городе, где нечего есть».

Вслух он сказал:

– Добрый вечер, товарищ. Мы ищем Федора Николаевича Свешникова. Вы, случайно, не знаете такого?

Старик вздрогнул и повернул голову. У него было худое, строгое лицо византийского святого.

⁸ Стихи Ольги Берггольц. Удивительным образом эти строчки (как и многие другие стихи Берггольц) напоминают и по размеру, и по духу стихи Николая Гумилева, написанные им во время Первой мировой войны.

— Я знаю Федора Николаевича, — сказал он медленно. — А по какому делу вы его разыскиваете?

— Его сестра, Варвара Николаевна, просила ему передать письмо и посыпочку, — широко улыбнулся Рольф. — А нас тут как раз в Ленинград перебросили, грех не исполнить просьбу. Я лейтенант Гусев из береговой радиоразведки.

Старик ничего не выражавшим взглядом смотрел куда-то сквозь Рольфа.

— Я покажу вам, где он живет, — сказал он, наконец. — Но Федор Николаевич едва ли откроет дверь незнакомым людям.

Он оторвал руки от парапета, и, механически переставляя ноги, двинулся к парадному. Трое коммандос последовали за ним.

Они поднялись на третий этаж — по каменной лестнице с выщерблеными ступенями. Старику явно было тяжело идти, он то и дело останавливался передохнуть, и у Рольфа всякий раз возникало желание вскинуть его на плечо и потащить наверх, как мешок с мукой. Наконец они остановились у двери квартиры под номером восемь. Одной рукой старик оперся о дверной косяк, а другой — зашарил в кармане пиджака. Вытащил оттуда ключ и вставил его в замочную скважину.

— У вас есть ключ от квартиры Федора Николаевича? — удивился Рольф.

Некоторое время старик молчал. Потом с усилием повернул ключ в замке и потянул дверь на себя.

— Квартира большая, — сказал он ровным голосом. — Федор Николаевич живет в последней комнате по коридору направо.

«Это же общая квартира! — запоздало догадался Рольф. — Как русские их называют — коммуналка? Додуматься же надо — поселить несколько семей вместе!»

— Большое вам спасибо, — поблагодарил он старика. — Извините, что побеспокоили.

Дверь в комнату Свешникова была, как и следовало ожидать, заперта. Бруно несколько раз постучал по ней костяшками пальцев.

За дверью молчали. Бруно постучал еще несколько раз.

– Может, он спит? – предположил Рольф. – Мы же не знаем, сколько ему лет.

– Тише, – сказал Хаген. – Там кто-то движется.

За дверью действительно слышались какие-то звуки – словно некто, маленький и легкий осторожно крался по паркету. Потом раздалось слабое покашливание, и тихий старческий голос спросил:

– Кто там?

– Федор Николаевич, я лейтенант Гусев. У меня есть для вас письмо и посылка от вашей сестры из Казани.

Может быть, Свешников действительно редко открывал дверь незнакомым людям, но услышав о сестре из Казани, медлить он не стал. Замок щелкнул и дверь открылась.

– Входите, пожалуйста, товарищи, – проговорил стоявший на пороге старик дрожащим голосом. – Располагайтесь, прошу вас.

Рольф потянул носом – в комнате Свешникова пахло грязным тряпьем, давно немытым телом и почему-то порошком от клопов. Обстановка была чрезвычайно бедной – стул, узкий топчан, лежавший прямо на полу, крохотная закопченная буржуйка и сваленные в углу ватники. «Располагаться» здесь было решительно негде, да и не очень-то хотелось.

– Ваша посылка, – сказал Рольф, протягивая Свешникову перевязанный веревкой пакет. Старик развернул его дрожащими пальцами. Пакет был плотно набит серыми кубиками бульонного концентрата.

– О, господи, – пробормотал Свешников. Руки его тряслись. Он несколько раз шмыгнул носом и посмотрел на Рольфа блестящими от слез глазами, как старая и верная собака.

– Вы не представляете... товарищи, вы даже не представляете, что это такое... это же спасение... спасение!

– У вас хорошая сестра, – сверкнул белозубой улыбкой Рольф.

– Да, Варечка прекрасная женщина... прекрасная... Это же суп! Много, много замечательного, вкусного супа! Каждый кубик можно разделить на четыре части... а если добавить в кастрюлю лебеды или щавеля, то получится великолепный овощной суп на мясном бульоне! Товарищи...

Он подошел к Рольфу и обнял его. Старик едва доставал дверсанту до плеча, и потому уткнулся лицом в обтянутую новеньkim зеленым сукном грудь Рольфа. И заплакал.

Рольф терпеливо ожидал, пока Свешников успокоится.

– Есть еще письмо, Федор Николаевич, – сказал он.

Письмо было в узком солдатском конверте. Старик бережно положил пакет с кубиками на топчан и трясущимися пальцами разорвал конверт.

Содержание письма, изготовленного все теми же специалистами Шелленберга, Рольф знал наизусть. Сестра Варвара сообщала, что у них в Казани все хорошо, продуктов хватает и даже с избытком, поэтому она совершенно не стесняет себя, посылая брату несколько кубиков бульонного концентрата. Все свято верят в скорую победу над фашистской гадиной и своим ударным трудом стремятся приблизить день, когда Красная Армия освободит Ленинград и пойдет дальше, на Берлин.

«Дорогой Федор, – писала она в конце. – У меня есть к тебе одна частная, но очень важная просьба. Здесь у нас в эвакуации есть одна пожилая женщина из Ленинграда. У нее в городе остался сын, Лёва. Она не может с ним связаться – письма с их старого адреса возвращаются с пометкой «адресат выбыл». А она, как мать, конечно же, очень переживает. Не мог бы ты помочь ей в поисках сына? Его полное имя Лев Николаевич Гумилев, он родился 1 октября 1912 года, жили они на Литейном.

Если бы ты мог оказать советской матери помощь, это было бы благородное и достойное советского человека дело».

Рольф подождал, пока Свешников дочитает письмо до конца.

– Товарищи, – сказал старик, оборачиваясь на пакет с бульонными кубиками. – А вы... э-э... надолго в Ленинград?

– Как командование решит, – пожал плечами Рольф. – Но неделю наверняка здесь пробудем.

– Это... э-э-э... было бы очень удачно. Моя сестра просит отыскать одного человека... для своей, э-э-э, знакомой. Впрочем, она, возможно, вам говорила?..

– Что-то такое упоминала, – улыбнулся Рольф. – Кажется, какой-то Лев Гумилев, да?

– Именно. Так вот, я думаю, что если бы я нашел его, то передать через вас весточку было бы вернее... письма на Большую Землю часто не доходят, вы же знаете, какая обстановка вокруг города...

– А вы уверены, что сможете его найти? – прищурился Хаген.
– И сколько времени вам на это потребуется?

Свешников еще раз посмотрел на пакет.

– Времени это может занять... э-э, много. Но если кто и способен найти потерявшегося человека в блокадном Ленинграде, то это я, товарищи. Не знаю, говорила вам Варвара или нет, но я служу... то есть служил... старшим статистиком справочной службы по городу Ленинграду.

И о Федоре Николаевиче Свешникове, и о его сестре Варваре оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени узнал от своего приятеля Фрица Штайнера, директора разведшколы «Нахтигаль». Штайнер подчинялся руководителю штаба «Валли» Гейнцу Шмальцшлегеру, и не имел права предоставлять секретную информацию представителю другого ведомства, но со Скорцени их связывала давняя дружба. К тому же в разговоре с прияте-

лем Скорцени ни разу не упомянул имя Вальтера Шелленберга, бывшего на ножах с руководством Абвера. Он просто рассказал Штайнеру, что его людям необходимо найти в блокадном Ленинграде одного человека, и спросил, не знает ли Штайнер, как это можно сделать наиболее простым и элегантным способом.

– Ты обратился как раз по адресу, старина, – ответил ему Штайнер, роясь в папках на своем рабочем столе. – В моей школе учится человек, который может тебе очень в этом помочь. Вот, Свешников Василий Иванович, бывший сержант Красной Армии, сдался в плен в январе 1942 года под Лозовой, содержался в концентрационном лагере, где почти сразу же высказал желание сотрудничать с Абвером. Вот его личное дело. Учится он хорошо, будем делать из него диверсанта.

– У меня своих хватает, – отмахнулся Скорцени.

– Я не собираюсь отдавать его тебе, – рассмеялся Штайнер.
– Просто у этого парня в Ленинграде есть один очень интересный родственник...

– Когда мне к вам зайти, Федор Николаевич? – спросил Рольф.

– Зайдите... э-э, завтра вечером. Ну, или послезавтра – это уже наверняка. Я сообщу вам все, что смогу узнать.

– Тогда мы, пожалуй, пойдем, – Рольф приложил ладонь к фуражке. – Честь имею, товарищ Свешников.

– Погодите, погодите, – заволновался старик, – ужели вы так просто возьмете и уйдете? Может быть, посидите еще немногоГ? Расскажете, как дела на фронте...

– Нет, Федор Николаевич, – покачал головой Рольф. – Мы уже и так опаздываем в штаб полка. Но я постараюсь зайти к вам завтра вечером.

На прощание Свешников обменялся с ними рукопожатием. Рольфу показалось, что ладонь старика была не толще папиресной бумаги.

Когда гости ушли, Федор Николаевич Свешников, не подозревавший о том, что его племянник, сын любимой сестры Варвары числится ныне курсантом разведшколы Абвера «Нахтигаль», поставил на буржуйку почерневшую кастрюлю и налил туда два ковшика воды из стоявшего в углу ведра. Дождался, когда закипит вода и осторожно, кончиком ножа отрезал от бульонного кубика тонкую коричневую полоску – не четвертую часть, а скорее, осьмушку.

Некоторое время он сидел, вдыхая запах из кастрюли, потом прикрыл ее крышкой и вышел в коридор, предварительно приперев дверь чурбачком, чтобы не захлопнулась от сквозняка. Доковыляв до середины коридора, он постучал к соседу.

– Я лежу, – недовольно сказали из-за двери.

– Савушка, – проговорил Свешников, – Савушка, ты уж, пожалуйста, поднимайся. Поднимайся, Савушка, дело у меня к тебе важное.

– Что ты, Федор, беспокойный какой, – заворчали за дверью.

– Не даешь человеку полежать после вечернего моциона...

Щелкнул замок. На пороге комнаты стоял высокий старик с иконописным лицом, полчаса назад читавший стихи над Фонтанкой. Он снял пиджак и брюки и был в поношенной, но чистой пижаме.

– Савушка, – зашептал Свешников, – у тебя щавель есть? Или лебеда? Хотя бы немножечко? Понимаешь, Варя, сестра моя, прислала из Казани гостинец – бульонный концентрат... И теперь я варю суп, Савушка! Я приглашаю тебя на суп! Неважно, есть у тебя щавель или нет, хотя лучше, конечно, чтобы был. Собирайся и приходи, скоро все будет готово!

Старик, которого он назвал Савушкой, строго посмотрел на него.

– Вот как? Это хорошо. У меня есть несколько листочек щавеля и даже немного капустных листьев. Можешь их взять. Однако мне нужно переодеться, я не могу идти в гости в пижаме.

Федор Николаевич, лучась от счастья, схватил подаренную зелень и поспешил к супу. Минут через десять он потушил огонь и, причмокнув губами, попробовал сложки получившееся варево. Вкус был божественный.

– Что же Савушка-то не идет, – пробормотал он. – Остынет же!

Еще через пять минут он решил поторопить соседа. Дверь в его комнату была открыта, а сам он сидел на стуле, спиной к Свешникову.

– Савушка, – позвал Федор Николаевич, – ну что же ты так долго!..

Потом он увидел, что подле стула неряшливым комом лежит пижама. Савушка переоделся, но не успел убрать ее в шкаф.

– Савушка! – испуганно прошептал Свешников. Подошел на цыпочках, взгляделся.

Старик с лицом византийского святого смотрел куда-то сквозь него остановившимися, мертвыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

След «Золотой Зари»

Подмосковье, июль 1942 года

Спустя две недели после начала занятий курсанты познакомились с новым преподавателем.

Это произошло на уроке немецкого. Войдя в класс, они обнаружили, что вместо старенькой Изольды Францевны за столом сидит худощавый черноволосый мужчина с крупным носом и цепкими, похожими на маслины, глазами. Одет он был в штатское – свободные черные брюки и белую рубашку с коротким рукавом.

– Здравия желаю, – на всякий случай гаркнул Шибанов. Мужчина слегка поднял брови – мол, зачем же так кричать?

– Разрешите вопрос!

– Спрашивайте, капитан.

– А что с Изольдой Францевной?

– Она больше не будет вести у вас немецкий, – ответил черноволосый. – Немецкий у вас буду вести я. А также многое другое.

«У него акцент, – подумал Лев. – Несильный, едва заметный, но все же акцент. Француз?»

– Меня зовут Жером, – словно прочитав его мысли, продолжал мужчина. – Я назначен командиром вашей группы. Группе, кстати, присвоено кодовое название «Синица». Вопросы?

«Он похож на д'Артаньяна, – подумал Гумилев. – Не такого молодого, как в «Трех мушкетерах», но и не такого старого как в «Двадцать лет спустя». Где-то посередине. Интересно, он из Интербригад? В Испании сражалось много французов...»

– Товарищ Жером, вы военный? – не унимался Шибанов.
Черноволосый сдержанно улыбнулся.

– Да, капитан. Я майор государственной безопасности. Но будет лучше, если вы станете обращаться ко мне, как сейчас – «товарищ Жером».

– Разрешите узнать, каковы задачи нашей группы, – неожиданно выступила вперед Катя. – А то мы уже две недели гадаем, зачем нас здесь собрали...

Жером легко поднялся со стула и зачем-то подошел к окну. Подумал и задернул штору.

– Разумеется, я отвечу на все ваши вопросы, – сказал он, наконец. – Но прежде вам предстоит пройти что-то вроде экзамена.

– По немецкому? – разочарованно спросил Теркин. – Так я не сдам...

– Немецкий здесь не при чем, – успокоил его черноволосый.
– Экзамен вы будете сдавать в индивидуальном порядке, много времени он не займет. Начнем, пожалуй, именно с вас. Остальных попрошу подождать за дверью.

– Ни пуха, ни пера, – сказал Шибанов, хлопая Василия по плечу. – Смотри, не подведи, пехота...

Выйдя на улицу, устроились в тени большого дуба. Гумилев достал папиросы, закурил. Курева им выдавали по пачке в день, причем папиросы были хорошие, явно из довоенных еще запасов – «Борцы» или «Дели». Кроме Льва, в группе курил только Теркин, но тот в основном смолил припасенную махорочку, а папиросы копил и обменивал на что-нибудь ценное.

– Отсядь, Николаич, – попросил Шибанов, – сам здоровье гробишь, так хоть других не обкуривай.

– Сдается мне, капитан, ты хочешь житьечно, – процитировал Гумилев безымянного английского капрала эпохи первой мировой войны, но отодвинулся.

– А что, – задумчиво проговорил Шибанов, – это мысль интересная. Вот если бы открыли такой способ, чтобы можно было жить лет двести-триста и не стареть... Это ж сколько за всю жизнь можно увидеть! Пушкин сто с хвостиком лет назад еще жив был, стихи писал! А еще за сто лет до этого Пугачев родился... Да мало ли великих людей в России было...

– Их и сейчас не меньше, – усмехнулся Лев. – Только как справедливо заметил еще один поэт, «большое видится на расстоянье». Ты уверен, капитан, что смог бы определить, кто из твоих современников действительно велик?

Шибанов сорвал травинку, сунул в рот и принялся жевать.

– В чем-то ты, конечно, прав, Николаич. Но все равно прожить триста лет было бы здорово...

– А мне бы хотелось, чтобы изобрели такое средство, чтобы люди вообще не болели, – сказала Катя. – Пусть живут не триста лет, а семьдесят – но только здоровыми.

– Да чего тут изобретать, – удивился Шибанов. – Не пей, не кури, спортом занимайся – вот и не будешь болеть.

По лицу Кати пробежала тень.

– У меня мама не пила и не курила. А потом заразилась тифом и умерла.

Капитан крякнул.

– Извини, Катюш. Я ж не про заразу...

Повисло неловкое молчание. Гумилев, чтобы разрядить обстановку, спросил:

– Как думаете, этот Жером – он француз или испанец?

– Маловато данных, – тут же откликнулся Шибанов. – Вообще у нас в Таганроге и в Ростове таких тоже хватало. На армянина он не слишком похож, а вот на осетина – вполне.

– А акцент?

– Ну, пожил за границей, вот и акцент...

Открылась дверь, и во двор вышел Теркин. Вид у него был бескураженный.

– Катюша, тебя просят.

– А чего там было-то? – Катя вскочила, поправила падавшую на глаза светлую челочку. – О чём спрашивал?

– Не велено рассказывать, – покачал головой Василий. – Но ты иди, не боись. Он не кусается.

– Я и не боюсь, – обиженно дернула плечиком Катя. – Подумаешь...

И гордой походкой двинулась к казарме, в которой размещался класс немецкого.

– Ладно, пехота, колись, чем там этот Жером интересуется, – сказал капитан, когда Катя скрылась за дверью. – Тут все свои.

– Думаешь, я шутки шучу? – нахмурился Василий. – Он мужик серьезный, не то, что некоторые. До тебя очередь дойдет, сам все узнаешь. Николаич, дай папироску.

– Ну и ладно, – Шибанов сплюнул травинку. – Ты у меня тоже чего-нибудь попроси...

Катя отсутствовала минут пятнадцать. Вернулась бледная и как будто бы чем-то испуганная, но говорить, что происходило в классе, тоже наотрез отказалась.

– Саша, теперь ты иди, – сказала она, садясь на траву. – А Лев после тебя...

– Можете меня даже не спрашивать, о чём мы с этим Жеромом разговаривали, – буркнул Шибанов. – Все равно не скажу.

Капитан пробыл в классе дольше всех – около получаса. Для Гумилева время тянулось мучительно медленно. Он пытался представить себе, в чём может заключаться экзамен, и почему Жером запрещает курсантам о нем рассказывать, но так ничего и не придумал. Проще всего было предположить, что экзамен как-то связан с загадочными способностями Кати и Теркина. Но имелись ли такие способности у Шибанова, Лев не знал, а в отсутствии их у себя был совершенно уверен. О чём же тогда будет его спрашивать Жером? Опять о туркестанской находке? И что там так долго делает капитан?

Наконец, Шибанов вышел из класса и расслабленной походкой направился к дубу. Подойдя, бросил неприязненный взгляд в сторону Теркина.

– Ну, старшина, ты и жук...

Что ответил ему Василий, Гумилев уже не услышал. Он шел к казарме, пытаясь унять непонятно откуда взявшуюся дрожь в коленках. Странно – Берии не боялся, а теперь вот трясется, как осиновый лист...

Жером стоял спиной к двери у зашторенного окна. На столе были разбросаны бумаги с символами – треугольник, ступенчатая пирамида, две пересекающихся сферы, восьмиконечная звезда. Несколько листов были придавлены граненым хрустальным шаром, вроде тех, какие используют маги и предсказатели будущего.

– Проходите, Лев Николаевич, – приветливо сказал Жером, поворачиваясь к Гумилеву. – Не обращайте внимания на этот реквизит, к вам он никакого отношения не имеет. Что, не терпится узнать, в чем будет состоять экзамен?

Льву показалось, что майор госбезопасности ему подмигнул.

– Не терпится, – сказал он хриплым голосом.

– В сущности, никакого экзамена не будет. Так, поговорим кое о чем. Ваши товарищи, наверное, уже предупредили вас, что все, о чем мы будем с вами беседовать, не должно выйти за пределы этой комнаты?

– Так точно.

– Ну и замечательно. Смотрите, Лев Николаевич, здесь у меня есть фотоснимки из разных уголков Европы и Азии. Приглядитесь, может быть, какой-нибудь пейзаж покажется вам знакомым?

Жером щелкнул замками большого портфеля из желто-коричневой кожи. Извлек оттуда пачку фотографий и разложил поверх бумаг с символами.

На нескольких фотографиях были запечатлены виды гор – со снежными вершинами или покрытыми лесом. Гумилев повертел в руках карточку с живописным ущельем, по которому струился быстрый поток – что-то она ему напоминала – но так ничего и не вспомнив, отложил ее в сторону.

Другие фотографии были явно сделаны в Тибете – сливавшиеся со скалами крепостные стены и квадратные башни невозможно было перепутать ни с чем. В Тибете Лев не бывал никогда, хотя много раз видел изображения тибетских монастырей, поэтому без колебаний убрал эти карточки из стопки.

Осталось всего несколько фотографий – на трех изображена пустыня, на четвертой и пятой – горное озеро немыслимой красоты. Озеро сразу показалось Льву знакомым.

– Это ведь Рица? – спросил он у Жерома.

– Да. Известное изображение, даже на обертке конфет есть. Вы там бывали?

– Нет, к сожалению. На Кавказ так и не довелось съездить. А вот эти пейзажи напоминают Туркестан, но что-то определенное сказать трудно – пустыня везде пустыня...

Жером сложил отвергнутые Гумилевым фотографии в стопку.

– Тем не менее, вы правы, это Восточный Туркестан. А то ущелье, с горной рекой – оно тоже показалось вам знакомым?

Лев пожал плечами.

– Сначала вроде бы да. Но это непохоже ни на Саяны, ни на Памир. Может быть, Крым?

– Нет, не Крым. Ладно, будем считать, с фотографиями мы разобрались. Теперь взгляните сюда.

Жером развернул перед Гумилевым старую, потертую на сгибах карту. Явно еще дореволюционную – названия населенных пунктов писались с «ятями», в нижнем левом углу был фиолетовый оттиск «Имперский Генеральный Штабъ».

– Та карта, которую вы нашли в Черной Башне в Туркестане, имела какие-либо общие детали с этой?

Гумилев вздрогнул и выпрямился на стуле.

– Почему вы назвали ее Черной Башней?

– А как же еще мне ее называть? Лев Николаевич, вам повезло – вы побывали в одной из Семи Башен Сатаны, и вернулись оттуда живым.

Гумилев никак не предполагал услышать такое из уст майора госбезопасности. Некоторое время он тупо разглядывал карту, потом сказал:

– Я ничего не знаю ни о каких башнях Сатаны. Это был памятник зороастрской культуры, в тех краях они встречаются...

– Рядом с башней имелся выход на поверхность подземного газа? – спросил Жером. – Что-то вроде неугасимого пламени?

– Да. Я уже рассказывал об этом следователю...

– Кстати, о следователе. Вы помните его фамилию?

– Помню, разумеется. Это было не так давно. Фамилия следователя была Бархударян, по имени-отчеству он мне не представлялся.

– С вами работал только один следователь?

Жером говорил мягко, но Лев чувствовал, что этот человек умеет допрашивать не хуже следователей в «Крестах». Просто он умнее и тоньше, да и задачи перед ним поставлены другие – Бархударяну и компании важно было выбить показания и поскорее засадить человека за решетку.

– Нет, был еще один... но как его звали, я не знаю. Он присутствовал на двух или трех допросах.

– Можете его описать?

– Среднего роста, рыжеволосый, в очках. Все время грыз кончик карандаша. Мне он показался похожим на еврея.

– А чем этот второй интересовался больше всего, не помните?

Гумилев невесело усмехнулся и постучал согнутым пальцем по карте.

– Вот как раз тем, чем вы сейчас. Очень его интересовал мертвый англичанин. Ну, и еще шифр на его карте.

Жером одобрительно посмотрел на него.

– Замечательно, что вы помните все эти детали, Лев Николаевич. Про карандаш особенно интересно.

– Шутите, товарищ майор?

– Товарищ Жером, – мягко поправил его черноволосый. – Нисколько. Такие детальки... они как крючки, зацепившись за которые, можно размотать целый клубок воспоминаний. Давайте вернемся к карте. Она была зашифрована, так?

– Да. Все пояснения давались цифрами. Например, так – 48 15 16 23 42. Или 1888. Или, редко – 66/14. Буквы встречались очень редко, причем всякий раз это были последние буквы латинского алфавита – х, у, з.

– Похоже на обозначения осей в какой-то системе координат, не так ли?

Лев решил пойти ва-банк.

– Вы что-то знаете об этой карте, товарищ Жером?

Черноволосый покачал головой.

– Ровным счетом ничего. И очень рассчитываю узнать с вашей помощью. А вот о мертвом англичанине кое-какие догадки у меня имеются.

Он извлек из портфеля толстый альбом в переплете из черного бархата. Положил на стол перед Гумилевым, но открывать не спешил.

– Это, Лев Николаевич, журнал тайного общества «Золотая Заря», основанного в Лондоне в 1888 году. Сейчас это общество уже не существует, но когда-то считалось одним из самых могущественных в Европе, куда там масонам... В 1902 году член «Золотой Зари», некий полковник Диксон, был направлен в Афганистан с топографической миссией – он должен был разграничить зоны русского и английского влияния, а также нанести на карты нейтральную территорию в центре

страны. Эта миссия была им выполнена, и в 1907 г. Англия и Российская империя заключили соглашение, положившее конец так называемой Большой Игре за Центральную Азию. Но Диксон в Великобританию не вернулся, хотя там его ждало повышение по службе – он испросил отпуск по болезни и остался на Востоке. В 1912 году, как можно судить по записям в этом журнале, он отправил последнее сообщение своим «братьям» по обществу «Золотой Зари», и после этого следы его затерялись.

– Вы думаете, я нашел труп этого Диксона?

– Во всяком случае, он кажется самым подходящим кандидатом. Посмотрите, вот фотография полковника, сделанная за несколько лет до его исчезновения.

Жером раскрыл заранее заложенную шелковой ленточкой страницу альбома. Оттиск с пожелтевшего йодистого снимка изображал худого, облаченного в пыльную колониальную форму мужчину с бородкой и пышными усами. Понять, похож ли он был на найденный Гумилевым на вершине башни истлевший труп, было решительно невозможно.

Так Лев и сказал Жерому.

– А не сохранилось ли у него усов? – спросил тот. – Жаркий и сухой климат тех мест должен был законсервировать волоссяной покров.

Гумилев кивнул.

– Да, я знаю. Иногда мы находили в Туркестане старые черепа с остатками бород. Но про англичанина ничего точно сказать не могу. К тому же это была ночь, хотя горящий газ давал достаточно света.

– И все-таки мне кажется, что вы нашли именно полковника Диксона. Хотя бы потому, что общество «Золотая Заря» чрезвычайно интересовалось Черными Башнями, или Семью Башнями Сатаны, как их еще называют. Ну и еще потому, что способ шифрования, который вы описали – цифрами, меняющими свое

значение в зависимости от осей координат – это, можно сказать, фирменный трюк членов общества. Вот, полюбопытствуйте.

Он перевернул еще несколько страниц, не выпуская альбом из рук. Целый разворот альбома занимали какие-то непонятные чертежи, свивающиеся в кольца спирали и странные, составленные из входящих один в другой цилиндров, сооружения. Подписи под чертежами были выполнены уже знакомым Гумилеву шифром.

– Да, очень похоже, – сказал Лев. – А что это общество искало в Черных Башнях?

– Вероятно, фигурки, подобные вашему Попугаю, – Жером закрыл журнал и отодвинул его на край стола. – Они очень давно интересуют оккультистов и мистиков. А последнее время и куда более серьезных людей.

Он поднялся и снова подошел к окну. Гумилеву показалось, что Жерому хочется отодвинуть край шторы и быстро взглянуть на улицу, но он этого не сделал. «Это у него такая привычка, – подумал Лев. – Постоянно проверять, не следят ли за ним».

– Вы уже наверняка заметили, Лев Николаевич, – сказал Жером, не оборачиваясь, – что в команде «Синица» вы занимаете особое положение. У ваших товарищей есть некоторые необычные способности, у вас – нет. Зато вы единственный, кто видел и держал в руках предмет, который эти способности дает.

– Одну способность, – поправил Гумилев. – Всего лишь знание языков.

– Это неважно. Предметов много, и способности они дают разные. Кстати, вы никаких изменений в своей внешности не замечали, когда пользовались Попугаем?

– Вы и об этом знаете? – удивился Лев. – Следователю я об этом не рассказывал...

Жером повернулся к нему.

– Про то, что глаза обладателя предмета меняют цвет, я узнал не от Бархударяна. Как и о том, что у тех, кто владеет предме-

тами не по праву, глаза остаются такими же, как и были – впрочем, и новых способностей не появляется. Вернемся, однако, к вам. Когда ваши глаза приобрели прежний цвет?

– Я не обращал внимания. В тюрьме, знаете, как-то не очень часто приходилось смотреться в зеркало.

– Но другие-то должны были заметить! Неужели никто ничего не вам не говорил?

– Нет. Вероятно, все случилось достаточно быстро.

– И способность говорить и понимать иностранные языки вы потеряли мгновенно?

Лев невесело засмеялся.

– Да нет же! Эта способность была у меня только когда я держал Попугая в руке. Ну, или когда он висел у меня на шее, на шнурке и соприкасался с кожей. Стоило засунуть его в карман, я переставал что-нибудь понимать.

Жером выглядел очень довольным.

– Постарайтесь вспомнить что-нибудь еще о предмете, Лев Николаевич, – попросил он. – Это крайне важно. А пока будьте припоминать, взгляните еще раз на карту. Вот эту, да. Смотрите – полковник Диксон работал где-то в этих краях. Касре – Ширина – Исфахан – Йезд. Это была граница русской сферы влияния. И мы знаем, что у него была при себе карта с зашифрованными топонимами. Давайте поиграем. Наложим ту воображаемую карту на эту, и посмотрим, совпадут ли какие-нибудь детали.

– Боюсь, не получится. Я не так хорошо помню ту карту...

– Но карандаш, который грыз рыжий следователь,помните? Значит, и карту сможете восстановить в памяти. Наш мозг способен еще и не на такие трюки, надо только его правильно стимулировать. Ну так что, попробуем?

– Попробуем, – без особого энтузиазма отозвался Лев. – Я уже говорил товарищу наркому внутренних дел, что на карте, возможно, было изображено Закавказье...

На упоминание Берии товарищ Жером никак не отреагировал – значит, был в курсе всех бесед, которые проводились с Гумилевым.

– То есть вот эта часть карты, – Жером очертил пальцем овал.
– Правильно?

– Разные масштабы, – покачал головой Лев. – Та карта была очень подробной, может быть, один к десяти. Мне показалось, что я узнал южное побережье Каспия и часть Большого Кавказского Хребта.

– А озеро Рица на этой карте было изображено?

Гумилев задумался.

– Возможно. Честно говоря, не помню. Восточную часть карты почему-то помню лучше... если, конечно, это вообще был восток.

Он запнулся и уставился на карту Генштаба.

– А если расположение частей света на карте не соответствовало общепринятому? – будто прочитав его мысли, спросил Жером. – Может быть, все эти иксы, игреки и зеты как раз и дают ключ к тому, где на ней восток, запад, север и юг?

– Тогда то, о чём вы просите, бессмысленно, – уверенно сказал Лев. – То, что я принимал за южный берег Каспия, вполне может оказаться восточным берегом Черного моря, и тогда Рица, конечно, будет отображена на карте. Но не имея перед собой самой карты, мы никогда этого не узнаем.

– Есть замечательная английская поговорка – «Никогда не говорите «никогда», – улыбнулся Жером. – Итак, мы выяснили, что вы знаете довольно много, хотя сами и не отдаете себе в этом отчет.

– Много – о чём?

– О предметах. Карта, которую вы нашли, скорее всего, содержала в себе информацию о тайниках, где эти предметы были спрятаны. Во всяком случае, это вряд ли была карта Черных Башен – иначе пришлось бы допустить, что они скучились на

сравнительно небольшом куске земной поверхности, а это не так. Понятно, что информация эта необычайно важная и ценная, поэтому карта и была зашифрована. И большая удача, что один из этих предметов все-таки был обнаружен полковником Диксоном и в конечном счете попал к вам в руки, пусть и ненадолго.

– Знаете, – сказал Гумилев, – у меня все время такое впечатление, что вы со мной специально разговариваете загадками. Вроде бы что-то объясняете, а на поверку выходит, что загадок становится еще больше. Может быть, все-таки расскажете, в чем тут дело, зачем нас собрали вместе и почему капитан Шибанов сказал, что я должен остановить войну?

Черные, похожие на маслины, глаза Жерома весело заблестели – этот человек, похоже, умел улыбаться одними глазами.

– Конечно, Лев Николаевич. Пришла пора все объяснить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Курильщик

Ленинград, июль 1942 года

— Если мы задержимся здесь еще на несколько дней, то пожалеем, что отдали этому старому хрычу столько бульонных кубиков, — сказал Хаген.

Рольф хрюкнул. Он скоблил свою щеку опасной бритвой, глядя в тяжелое, вставленное в золоченую раму зеркало. Зеркало уцелело чудом — вся остальная мебель в особняке была зверски раскурочена. Все, что годилось на растопку, унесли, видимо, еще зимой.

Коммандос устроились на ночлег в двухэтажном доме, стоявшем в глубине небольшого сада. Дом выглядел совершенно заброшенным — при бомбежках ему досталось, крыша была проломлена, флигель превращен в руины. Окна были выбиты взрывной волной, но на втором этаже нашлась большая комната, или, скорее, зал, с чудом сохранившимися шторами.

Там и заночевали. У входной двери и на лестнице устроили растяжки, которые звоном должны были предупредить о вторжении непрошенных гостей. Из окон хорошо просматривался весь сад, незамеченным к особняку подобраться было сложно.

Ночь прошла тихо. В городе таких нежилых домов наверняка была не одна сотня, и вряд ли НКВД проверял их все. Да и вообще вряд ли проверял.

Вечером Рольф наведался к Свешникову, но тот ничего еще не узнал — оказалось, что накануне у него умер сосед, и он весь день провел, занимаясь похоронами. Рольф вернулся в особняк крайне раздосадованный.

На следующее утро коммандос, не разжигая огня, позавтракали остатками сала и сваренными вкрутую яйцами. Сильно истощившиеся за последние два дня запасы и вдохновили Хагена на его шутку.

– Не переживай, Хаген, – сказал Рольф. – Мне показалось, с утра я слышал мяуканье.

– Надеюсь, так долго мы здесь не задержимся, – Бруно осторожно подошел к окну и выглянул в щель между шторами. – Хотя старик мог бы и поторопиться. Боюсь, Рольф, мы идем по ложному следу. Нам надо найти того «крота», о котором говорил шеф, Раухера.

– Как ты его здесь найдешь? – усмехнулся командир группы «Кугель». – Выйдешь на Невский проспект с шарманкой и запоешь «Ах, майн либер Августин»? Всех немцев интернировали из города давным-давно.

– Он жил здесь под русским именем, – возразил Бруно. – И если он его не сменил, то мы могли бы найти его через того же Свешникова.

Рольф задумался. Скорцени сообщил им кличку агента – Раухер⁹ – и имя, под которым он жил в Ленинграде в тридцать шестом году – Николай Леонидович Морозов. Когда-то, восемь лет назад, связь с Раухером осуществлялась через ленинградскую филармонию. Связнику следовало прилепить к сиденью одного из кресел последнего ряда записку, в которой говорилось, где и во сколько влюбленный кавалер ждет свою даму сердца. Простейшая система условных знаков меняла места свидания так, чтобы контрразведчики не смогли бы ни о чем догадаться: если в записке говорилось, например, «у Исаакия в шесть», а в правом верхнем углу было нарисовано сердце, это означало – «у Таврического дворца в семь», а если в левом нижнем, то – «у входа в Летний сад в восемь», и так далее. Когда Скорцени рассказал им об этой системе связи, Рольф, который терпеть не мог классиче-

⁹ Курильщик (нем.).

скую музыку, мимолетно пожалел «крота» – тому приходилось едва ли не ежедневно посещать филармонию. Но теперь слова Бруно подтолкнули его мысль в другом направлении.

– Даже если он и сменил имя, – усмехнулся Рольф, – я, кажется, знаю, как его найти.

Он аккуратно вытер голубоватое лезвие опасной бритвы и убрал ее в кожаный футляр. И футляр, и бритва были сделаны в Золингене, но коммандос хорошо знали, что многие советские солдаты предпочитали трофеинные бритвы советским.

– Ничем не могу вас порадовать, молодой человек, – сокрушиенно развел руками Свешников, когда «лейтенант Гусев» вновь явился навести справки о Льве Гумилеве. – Такого человека в картотеке справочной службы не значится. Есть, правда, некая Елена Гумилева, родившаяся 14 апреля 1919, может быть, родственница?

– Все возможно, – кивнул Рольф. – Вы записали ее адрес?

Свешников втянул сморщенную шею в плечи, отчего сразу стал похож на черепаху.

– Нет, не догадался... ай-яй-яй, старая моя голова... надо же было, конечно, записать...

– Ничего, – успокоил его Рольф. – Мы с товарищами задержимся в городе еще на пару дней, так что если вы сможете достать мне адрес этой Елены Гумилевой к завтрашнему вечеру, все будет в порядке.

– Конечно! – Свешников прижал к груди тонкие руки. – Разумеется, я запишу его завтра. Извините, ради Бога, что я сегодня так опростоволосился. Знаете, как говорят – и на старуху бывает проруха...

Этой русской пословицы Рольф не знал, и поэтому немного напрягся. Но Свешников явно не имел в виду ничего важного.

– Знаете что, Федор Степанович, – сказал он, когда Свешников перестал сокрушаться по поводу своей дурной головы, – если вы

уж все равно завтра будете снова рыться в картотеке, не считите за труд, отыщите мне Морозова Николая Леонидовича, дату рождения не знаю, а лет ему сейчас должно быть около сорока. Хорошо?

Свешников посмотрел на него с легкой укоризной.

– Милостивый государь, вы, должно быть, полагаете, что это так легко – найти в трехмиллионном городе человека с именем Николай Морозов? Ладно еще Лев Гумилев, все-таки редкая и славная фамилия, да и имя не слишком распространенное, а Колей Морозовых в Ленинграде далеко не один человек! Как вы себе это представляете?

– А я дам вам подсказку, – улыбнулся Рольф. – Этот Коля Морозов до войны работал – а может, и сейчас работает – в ленинградской филармонии.

К следующему вечеру у них было два адреса – и только две плитки горького шоколада. Группу «Кугель» не готовили для длительного выживания в условиях блокадного города, она должна была, оправдывая свое название, пронзить его навылет, точно пуля.

– Начнем с Елены, – решил Рольф. – Литейный, 36. Это тут недалеко.

Когда они уже выходили из особняка, смутное предчувствие заставило Рольфа остановиться.

– Вот что, – сказал он, – пойдем порознь. Я впереди, метрах в ста, вы за мной.

– Почему? – спросил Хаген.

– Просто так.

Город окутывали светлые балтийские сумерки. Рольф шел по пустынной улице, на ходу придумывая легенду для Елены Гумилевой. В данных обстоятельствах требовалась универсальная легенда, обходящаяся без поддающихся проверке деталей. Можно, конечно, представиться сотрудником милиции – соответствующий документ у Рольфа имелся. Это избавило бы от

лишних вопросов, но сделало бы сам визит психологически недостоверным: как может милиция не знать, где находится советский гражданин?

Патруль вырос словно бы из-под земли. Двое красноармейцев с винтовками за плечами и широкоплечий капитан с ромбами НКВД перегородили Рольфу дорогу.

– Проверка документов, – сообщил капитан, цепко поглядывая на Рольфа снизу вверх. – Предъявите, товарищ лейтенант.

Рольф вытащил пачку документов и протянул капитану. Тот внимательно изучил бумагу, подписанную контр-адмиралом Смирновым и удивленно поднял брови.

– Радиоразведка, значит? И что офицер берегового отряда делает в Ленинграде?

Капитан Сергей Смыков полгода назад окончил училище НКВД имени Клима Ворошилова. В апреле училище перевели в Саратов, а Смыков остался защищать родной город от разной нечисти. Осеню сорок первого, когда голод уже начал собирать первую жатву, в булочную, где в очереди за хлебом стояла сестренка Смыкова, Галя, ворвался провокатор и принял разбрасывать хлеб с прилавков, крича: берите! берите все без карточек! коммунисты хотят уморить вас голодом! в городе полно хлеба! Когда его попытались задержать, провокатор легко разбросал слабых от недоедания людей и убежал. При этом он так толкнул Галю, что она ударилась затылком о чугунную батарею и через несколько дней умерла.

Смыков ловил провокаторов, выявлял саботажников, высаживал людей, разбрасывавших на улицах листовки с призывами к свержению советской власти, и все время думал о Гале. Зимой он долго охотился на людоеда, нападавшего на детей у Кировского завода, а когда нашел, то застрелил без суда и следствия. Он хорошо помнил, какая сытая, гладкая была ряшка у этого людоеда.

Лейтенант, которого они остановили на пустынной улице, не понравился ему с первого взгляда. У него тоже было лицо человека, не знавшего голода.

Конечно, это ничего не значило – в Ленинград все время прибывали новые части, и вновь прибывших отличали, как правило, именно по внешнему виду. Но Смыков решил на всякий случай проверить этого откормленного верзилу как следует.

Он с интересом прочитал подписанное контр-адмиралом предписание. Надо же додуматься, отправлять парней с Ладоги, где они делом занимаются, в Ленинград. Финские подводные лодки в Ольгинском пруду выслеживать, что ли?

– И что офицер берегового отряда делает в Ленинграде?

– Выполняю задание, товарищ капитан, – ответил Гусев. – Виноват, не имею права его раскрывать.

Смыков быстро взглянул ему в глаза. Не нервничает, взгляд не бегает. Бумаги как бумаги – и подпись, и печать на месте. Придраться было особенно не к чему, но почему-то очень хотелось.

– Откуда сам-то, лейтенант? – спросил Смыков, складывая предписание и начиная разбираться с другими документами.

– Из Киева, – улыбнулся Гусев. Улыбка у него была хорошая, открытая, а вот поди ж ты – не нравилось что-то в нем капитану – и все. – Киевское военно-пехотное училище, знаете?

– Знаю, – кивнул Смыков. Документы были в порядке, хотя и выглядели подозрительно чистыми. Конечно, теоретически можно допустить, что лейтенант Гусев из берегового отряда радиоразведки ни разу не попадал под дождик и не мок в ладожских водах... и все-таки что-то здесь было не так. Смыков вспомнил, чему их учили опытные пограничники – на наших документах всегда остаются ржавые следы от скрепок, у немцев же скрепки из нержавейки, поэтому в верхнем левом углу их документов бумага всегда чистая.

Он еще раз пролистал документы. Никаких следов ржавчины на них не было.

Улыбка Гусева стала чуть более напряженной. Видимо, он почувствовал, что капитана что-то насторожило, и теперь пытался понять, что именно.

— А это что у тебя тут? — Смыков извлек из пачки документов до военный билет спортивного общества «Динамо». — Так ты спортсмен?

Он старался говорить как можно более добродушно, чтобы не спугнуть оборотня. В том, что перед ним оборотень, Смыков уже почти не сомневался.

— А по мне не видно? — в тон ему ответил Гусев. — «Динамо» — это ж лучший клуб страны!

— Ого! — воскликнул Смыков. — А я за ЦДКА всю жизнь болел. И тут еще можно поспорить, кто лучше. Как наши ваши в сорок первом в Киеве наваляли? Гринин-то две банки забил! Так-то!

Он щелкнул ногтем по динамовскому билету Гусева и вернул ему документы. Напряжение, сковывавшее лейтенанта, исчезло. Он сложил бумаги и спрятал их в карман кителя.

— Подумаешь, две банки, — сказал он, улыбаясь. — Мы после войны отыграемся.

Смыков вытащил из кобуры пистолет и направил его на Гусева.

— А теперь, — приказал он, — медленно поднял руки, убрал за голову и повернулся спиной. Шерстюк, забрать у лейтенанта оружие!

«Где-то я прокололся, — подумал Рольф, глядя в холодные глаза русского капитана. — А может быть, бомба Хагена не сработала, и «Стремительный» все же вернулся обратно? Нет, его в любом случае должны были уничтожить «Юнкеры». Значит, я допустил ошибку. Какую?»

— Матча не было, — словно отвечая на его мысли, усмехнулся энкавэдэшник. — Он должен был состояться 22 июня, но утром ваши самолеты бомбили Киев. Ты такой же «динамовец», как я балерина.

Рольф поднял руки и медленно повернулся.

Красноармеец вытащил у него из кобуры ТТ.

Командос носили это оружие исключительно для маскировки. Оно было тяжелым и неудобным, к тому же отсутствие предохранителя делало его крайне опасным – достаточно было уронить пистолет на пол, чтобы он выстрелил от удара. Чтобы избежать этого, приходилось не досыпать патрон в патронник, а пистолет, который не может выстрелить мгновенно – это просто кусок железа.

Настоящее оружие – полицейский «Вальтер РРК» – было примотано к левой лодыжке Рольфа эластичным бинтом. Но Рольф не сбирался пускать его в ход.

Он не знал, кто обучал этих русских солдат, как вести себя с предполагаемым диверсантом. Но кто бы это ни был, он выполнил свою задачу из рук вон плохо.

Красноармеец подошел к нему не сбоку, как следовало это делать, а сзади, полностью перекрыв капитану НКВД линию огня. Рольф резко развернулся и его каменная ладонь врезалась солдату под подбородок. Этот удар отключал человека на несколько секунд – Рольф успел перехватить оседающего красноармейца подмышками и заслониться им, как щитом.

Капитан Смыков мог застрелить диверсанта – пули ТТ прошли бы два тела нас kvоз – но тогда он убил бы и рядового Шерстюка. А Шерстюк, хоть и оказался растигой и дураком, позволившим превратить себя в живой щит, смерти все-таки не заслуживал. К тому же Смыков хотел взять диверсанта живым. Поэтому он махнул рукой вскинувшему винтовку сержанту Авдеенко – не стрелять! – и медленно опустил ствол пистолета.

– Что ж ты такой нервный, Гусев, – проговорил он. – Чуть что – сразу в морду... Отпусти парня, а я тебя отпущу.

– Положи пистолет, капитан, – спокойно отозвался диверсант. – И сержант твой пусть положит винтовку на мостовую. Иначе я сломаю парню шею.

Шерстюк уже пришел в себя и хлопал глазами, пытаясь понять, что произошло, но помочи от него ждать не приходилось.

– Я не шучу, капитан. Положи оружие и разойдемся миром.

– Хорошо, хорошо, только не нервничай, – Смыков сделал вид, что наклоняется, чтобы положить ТТ на землю. В действительности он готовился выстрелить диверсанту в ногу.

Заслониться Шерстюком полностью «лейтенант Гусев», конечно, не мог – хотя бы потому, что был значительно выше и крупнее. Вся левая нога диверсанта была, как на ладони – и Смыков рассчитывал влепить ему пулю в голеностоп. Стрелял капитан хорошо, и в успехе своей задумки был уверен.

Как оказалось, зря.

Он услышал, как что-то свистнуло в воздухе, и страшно захрипел Авдеенко. Повернулся – сержант осел на колени, вцепившись обеими руками в винтовку, а из горла у него торчало что-то темное, похожее на плавник.

Смыков не успел даже выругаться. Страшный удар выбил пистолет у него из руки – ТТ улетел в сторону и упал на цветочную клумбу. Капитан попытался ударить левой, но рука попала в жесткий захват. Он услышал, как хрустит кость.

– Значит, матча не было, капитан? – услышал он насмешливый голос улыбчивого диверсанта. – Спасибо за науку, товарищ.

Лезвие десантного ножа вошло Смыкову под ребра.

– Вот почему я приказал вам идти поодаль, – сказал Рольф, когда они затащили трупы в темную подворотню. – Если бы мы шли втроем, этот подозрительный капитан наверняка сразу вызвал бы подкрепление.

– Мы бы отбились, – хмыкнул Хаген.

– Пришлось бы стрелять. А я предпочитаю обходиться без стрельбы.

– Я тоже не люблю шума, – сказал Бруно, аккуратно вытирая свой метательный нож. – Рояльные струны и войлочные тапочки – что еще нужно человеку нашей профессии?

Елены Гумилевой по полученному от Свешникова адресу не оказалось. Точнее, не оказалось вообще никого – большая, захламленная квартира, в одной из комнат которой была прописана Гумилева, была пуста. Возможно, последние жители покинули ее не так уж давно – об этом говорило отсутствие пыли на большой коммунальной кухне – но спросить об этом было некого. Коммандос быстро обыскали квартиру, но ни писем, ни документов, имеющих отношение к Гумилевой, не обнаружили.

– Можем переночевать здесь, – предложил Хаген. – Лишний раз рисковать ни к чему.

– У нас есть второй адрес, – сказал Рольф. – И нам нужно его проверить.

– Думаешь, это все-таки он? Раухер?

– Вероятность того, что в филармонии работал другой Николай Морозов, не имеющий отношения к нам, очень мала, – Рольф заставил ящик стола, в котором не было ничего, кроме порванной на мелкие кусочки бумаги. – А способ связи, выбранный Раухером, говорит о том, что он не просто часто посещал филармонию, а мог ходить по залу после концерта, не возбуждая подозрений. А тот Морозов, которого нашел нам старик, работал администратором филармонии. Я уверен, что он и есть наш Раухер.

Николай Морозов жил далеко от центра, на улице Красной Конницы¹⁰. Когда коммандос добрались до него, было уже совсем поздно.

– Ждите на лестнице, – сказал Рольф. – Если понадобится, я вас позову.

Он подергал массивную ручку двери – заперта. Рольф посве-

¹⁰ Теперь – Кавалергардская улица.

тил фонариком – на табличке, прикрепленной под номером квартиры, было написано – «Лебедевы – звонить 1 раз, Захаровы – 2 раза, Граббе – 3 раза, Морозов – 4 раза».

«Представляю, как будут рады все эти люди», – подумал Рольф, четыре раза нажимая кнопку звонка.

Когда последние раскаты на редкость громкого и противного звонка отгремели в недрах уснувшей квартиры, Рольф приложил ухо к замочной скважине. Тишина. Полная тишина. Неужели он своим нахальным вторжением в два часа ночи никого не разбудил? Ни Лебедевых, ни Захаровых, ни Граббе?

Прошла минута, и Рольф почувствовал, что за дверью кто-то стоит. Кто-то, не выдающий себя даже дыханием, кто-то очень тихий и очень испуганный.

Тогда он заколотил в дверь кулаком – ему почудилось, что притаившийся за ней человек даже отпрянул.

– Кто? – спросили из-за двери прыгающим голосом. – Кто там?

– Я к Морозову, – сказал Рольф. – К Николаю Леонидовичу Морозову.

– Кто вы? – повторил голос после некоторого молчания. – Что вам нужно?

– Мне нужны семена белых морозостойких георгинов, – усмехнувшись, ответил Рольф. – И ничего больше.

Пароль для экстренной связи с агентом Раухером явно придумала какая-то старая дева из конторы Шелленберга. Впрочем, в тридцать шестом это была еще контора Гейнца Йоста¹¹.

¹¹ Гейнц Мария Карл Йост ныне практически забыт, оттесненный в тень своим блестящим преемником на посту главы VI управления РСХА Вальтером Шелленбергом. Между тем, личность была довольно примечательна: профессиональный адвокат, сделавший быструю карьеру после прихода нацистов к власти, фактически создал политическую разведку Рейха (Служба безопасности/Заграница (*Sicherheitsdienst/Ausland*)). Спецслужба считалась самым молодым и самым образованным подразделением РСХА – почти половина ее сотрудников была моложе 40 лет, и 80% личного состава имело высшее образование. Йост был отстранен от должности главы VI управления в результате аудиторской проверки, выявившей нецелевое расходование валютных средств (проще говоря, он был уличен в казнокрадстве), и через некоторое время назначен командиром печально известной айнзатцгруппы «A», осуществлявшей массовые убийства гражданского населения на территории России. После войны был приговорен к повешению, которое, однако, было по непонятным причинам заменено на пожизненное заключение, а затем и вовсе на десятилетний срок. Отсидел, однако, меньше шести лет и благополучно вышел на свободу. После освобождения работал маклером по торговле недвижимостью. Адвокат, разведчик, казнокрад, палач и маклер дожил до 1964 года, на двенадцать лет пережив более молодого Шелленберга.

За дверью молчали. Или там стоял не Раухер, или за шесть лет слова отзыва напрочь вылетели из головы агента. Впрочем, такого, конечно, просто не могло быть.

– Сейчас не сезон для высаживания георгинов, – с усилием проговорил, наконец, тот, кто стоял за дверью. – Но я могу предложить вам прекрасные ноготки.

Послыпался металлический скрежет открываемого замка. Загрохотали цепочки, защелкали отодвигаемые засовчики. Дверь заскрипела, и, наконец, открылась.

В дверном проеме стоял человек среднего роста, с простоватым лицом славянского типа. У человека были редкие светлые волосы и впалые щеки.

Рольф специально держал фонарик так, чтобы свет не слепил глаза хозяину квартиры, но тот все равно растерянно моргал. Возможно, не ожидал увидеть на пороге лейтенанта Красной Армии.

– Николай Леонидович Морозов? – спросил Рольф. – Или лучше называть вас Раухер? Может быть, разрешите все-таки войти?

– Да, разумеется, – глухо сказал человек, открывший ему дверь. – Проходите, пожалуйста.

– Я не один, – предупредил Рольф. – Со мной двое друзей.

Человек пожал плечами.

– Какая разница? Места хватит на всех...

Кличку «Раухер» агенту дали явно не зря – большая комната, где он жил, вся пропахла дешевым табаком. Курил Морозов какую-то дрянь, больше похожую на сушеную траву, но Рольф терпел. Бруно и Хаген слонялись по огромной квартире – слушать излияния Морозова им явно не хотелось – а Рольфу приходилось это делать по долгу службы. Как руководитель группы «Кугель» он обязан был наладить с агентом, долгое время находившимся в законсервированном состоянии, психологи-

ческий контакт. Фляжка со шнапсом, которую Рольф держал специально для этого случая, весьма в этом помогала.

Морозов выговаривался. Он рассказывал Рольфу о жутком нервном напряжении, которое владело им все до военные годы, о том, как он считал дни до прихода вермахта, о безумной надежде, что дивизии фельдмаршала Лееба вот-вот возьмут город. О том, как он едва не сошел с ума, узнав, что решение о штурме отменено, и что вместо этого группа «Север» замкнула кольцо вокруг Ленинграда и начала многомесячную осаду.

— Я же ничем не отличался от других граждан, — повторял он Рольфу. — У меня не было спецпайка, не было никаких льгот! Я был обречен на смерть вместе с обычными ленинградцами.

— Но вы как-то выжили, — усмехнулся Рольф. — И в общем, даже не очень похудели.

Раухер закашлялся и немедленно сунул в рот новую папиросу.

— Поверьте, это было нелегко! Мне приходилось подделывать продуктовые карточки, а это было черт-те знает как опасно! Несколько раз я забирался в чужие квартиры и воровал карточки у мертвцев. Представляете, до чего я докатился? Да нет, к черту, ничего вы не представляете...

Рольф разлил шнапс по чашкам — никакой иной посуды у Раухера не оказалось.

— Прозит! — сказал он, отхлебывая крошечный глоток. Морозов осушил свою чашку до дна.

— Особенно страшной была зима, — проговорил он, затягиваясь папиросой. — Люди ели землю! Когда осенью сгорели продуктовые склады, сахар, который там хранился, расплавился и ушел в землю. И масло тоже расплавилось. Эту землю выкапывали и продавали на рынке! Она была жирная и сладкая, как творог.

— А куда делись ваши соседи? — спросил Рольф. — Умерли от голода?

В испуганных глазах Морозова что-то мелькнуло. Что-то, очень похожее на злобу.

– А вам-то что до них?

– Соображения безопасности, – пояснил Рольф. – Нужно быть уверенными, что никто не придет и не увидит нас тут с вами.

Лицо Морозова исказила нервная гримаса.

– Можете не беспокоиться. Никто сюда не придет.

В комнату заглянул Хаген.

– Командир, – сказал он, – там на кухне есть мясные консервы. Притащить?

Прежде чем Рольф успел ответить, Морозов вскочил со своего стула и бросился к двери.

– Нет! – крикнул он с неожиданной силой. – Не трогайте консервы! Они... они плохие!

Рольф за его спиной покрутил пальцем у виска.

– Мы не будем трогать ваши запасы, – сказал он успокаивающе. – Но вы должны нам помочь. Наверное, вы понимаете, что мы нашли вас спустя столько лет не затем, чтобы беседовать о тяготах блокады.

Морозов подозрительно прищурился.

– Я полагал, что вы пришли, чтобы вытащить меня из этого ада.

Рольф покачал головой.

– Сожалею, но у нас другой приказ. Мы могли бы взять вас с собой, но только в том случае, если вы поможете нашей группе выполнить задание.

– Какое?

– Мы должны отыскать одного человека.

Некоторое время Морозов смотрел непонимающе смотрел на него.

– Вас действительно послали не... не за мной?

«Он сейчас сорвется, – подумал Рольф. – Он и так уже почти сошел с ума. Надо его успокоить».

– Операция состоит из двух частей. Первая – найти вас. Вторая – с вашей помощью найти одного русского ученого.

Морозов молчал. Пальцы его нервно барабанили по краешку стола.

– Ну, старина, не стоит так переживать, – мягко улыбнулся Рольф. – Вам чертовски повезло – у вас появился хороший шанс выбраться. Все, что для этого нужно – помочь нам.

– Как вы меня нашли? – голос Морозова прозвучал неожиданно сухо. Рольф понял, что первоначальный шок прошел – теперь перед ним сидел недоверчивый, просчитывающий ситуацию профессионал. – Почему не использовали обычный канал связи?

– Через филармонию? – удивился Рольф. – Разве она не закрыта?

Раухер хмыкнул.

– Нет, она работает. Русские – сумасшедшие. Половина ленинградцев умерла от голода, но те, что остались в живых, ходят на концерты и в музеи. В Эрмитаже читают лекции, как до войны, и на них приходит масса народа! И в филармонии во время концертов почти все места заняты!

– Так вы продолжаете работать?

– Естественно. Я каждый день хожу на службу. Если я не приду, то кто-нибудь из моих товарищ (он произнес это слово по-русски) непременно навестит меня, чтобы узнать, не заболел ли я. А если я не появлюсь на работе несколько дней безуважительной причины, то мной займется НКВД.

Рольф налил Морозову еще шнапса, плеснув для вида и себе.

– Честное слово, старина, если бы я знал, как обстоят дела, то воспользовался оговоренным каналом связи. А вы что, все это время продолжали проверять, нет ли для вас записок?

– Каждый день, – с гордостью ответил Морозов. – Сообщений мне не передавали с сорокового года, но я продолжал пунктуально проверять кресла последнего ряда. И все-таки, как вы меня нашли?

– С помощью одного старика, работающего в городской справочной службе.

У Раухера дернулся уголок рта.

– Почему же вы не смогли найти таким же образом этого вашего ученого?

– Потому что его нет в картотеке. Но мы точно знаем, что до войны он жил в Ленинграде.

Морозов задумался.

– Такое может быть, только если его арестовали и осудили на большой срок. Тогда сведения о нем могут быть изъяты из картотеки. Как зовут этого вашего ученого?

– Гумилев, – ответил Рольф. – Лев Николаевич Гумилев.

Рука Раухера дернулась, шнапс выплеснулся из чашки на стол.

– Как вы сказали? Лев Гумилев? Сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой?

Рольф пожал плечами.

– Насчет его родителей я ничего не знаю. А вы что, знакомы?

Морозов покачал головой.

– Нет, я никогда его не видел. Но я хорошо знаю деда его сестры, Николая Энгельгардта. Он часто посещал филармонию... пока был в состоянии.

– Он умер? – спросил Рольф.

– Не знаю, – пожал плечами Раухер. – Возможно, его эвакуировали зимой. Вы знаете, что некоторых ленинградцев эвакуируют? Особенно стариков и детей. Кому нужны старики? Зимой, когда Ладога замерзает, по льду идут целые караваны грузовиков... многие проваливаются под лед и тонут. Это называется у них «Дорога Смерти»¹².

– А как звали сестру Гумилева?

– Кажется, Елена. Молодая и довольно ограниченная особа...

¹² Существуют многочисленные свидетельства, что ленинградцы неофициально называли зимнюю дорогу через Ладогу именно так. Название «Дорога Жизни» вошло в обиход позднее.

– В первую очередь нас интересует именно Лев, – перебил его Рольф. – Когда вы сможете достать необходимую информацию?

Морозов побарабанил пальцами по столу.

– Мне придется нанести несколько визитов, – сказал он. – Это займет время. Может быть, два дня. У вас нет еды?

– Питательный концентрат. А зачем вам?

– Для гостинцев. Это необязательно, но считается хорошим тоном. Если приходишь в гости и приносишь с собой еду... к тебе лучше относятся.

Рольф покачал головой.

– Придется обойтись без подарков. И вообще, имейте в виду – чем скорее мы найдем этого Гумилева, тем скорее вернемся домой, в фатерланд. А там много еды, товарищ Морозов. Много хорошей, вкусной еды.

– Можете называть меня Макс, – сказал Раухер. – Когда-то в прошлой жизни меня звали именно так. А шнапс у вас еще остался?

Рольф с готовностью пододвинул ему свою чашку.

– Вы ничего не пили, – понимающие усмехнулся Раухер. – А я напился... первый раз за весь этот страшный, безумный, проклятый год... Что ж, у всех когда-то наступает момент, когда нет больше сил сдерживаться. Я рад, что вы нашли меня, господа.

Он опрокинул в себя содержимое чашки и мучительно заикался.

– Я помогу вам найти этого Гумилева. А потом вы заберете меня домой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Слабое звено

Подмосковье, июль 1942 года

– Такие дела, братцы-кролики, – задумчиво сказал Шибанов, когда группа возвращалась домой. – Попали мы с вами как кур в ощип.

– Скажи еще, что ты ничего не знал, – буркнул Лев.

– Чудак-человек, – капитан даже мотнул головой от удивления. – Кто ж мне такую тайну доверил бы?

– Ты нас по всей стране собирал, – поддержал Гумилева Теркин. – Уж наверное не вслепую.

– Именно что вслепую! – вскипел Шибанов. – Думаешь, мне что-нибудь объясняли? Пойди туда, принеси то... Проверь, правда ли старшина Теркин в бою неуязвим, а у медсестры Серебряковой раненые с того света возвращаются...

– Ну а я? – спросил Лев. – Та фраза, которую ты мне сказал – «вы должны остановить войну»?

– Что мне велели передать, то я и передал. Я и сам удивился, а толку? У наркома особенно не повыспрашиваешь, что к чему...

– Можете считать меня дурой, – сказала Катя, – но я почти ничего не поняла. Что это за предметы такие?

Шибанов покосился на Гумилева.

– А никто не знает. Разве что Лев тебе разъяснит.

Гумилев вытащил из кармана пачку «Дели», сунул в рот папиросу.

– Катя, я видел только один предмет. Он... они... ну, как бы волшебные. Вот у вас есть дар исцеления – и никто не понимает, как это получается. Но он только ваш, собственный. А есть,

допустим, такой предмет, который дает своему хозяину такую же способность. И если он будет у меня или у Василия – мы сможем лечить людей не хуже вас.

– А тот предмет, про который товарищ Жером говорил?

– Орел? Он заставляет людей верить его хозяину. Это вроде гипноза, только очень сильного. И потом, гипноз действует на одного человека, а Орел может подчинять своей воле даже толпу.

– И нам нужно этот предмет спрятать, – хмыкнул Теркин. – У самого Адольфа. Делов то!

– А вы думали, нас тут за красивые глаза кормят и поят? – развел руками Шибанов. – Ласку Родины отрабатывать надо!

Лев подумал, что капитан ошаращен не меньше других. Наверное, его и вправду использовали втемную.

– Хорошо, что этот Жора с нами пойдет, – сказал вдруг Василий. – Он мужик опытный, я нутром чую.

– Теперь мы все время будем работать вместе, – сказал им Жером на прощание. – Программа подготовки усложнится, времени у нас мало, а научиться следует многому. С завтрашнего дня – прыжки с парашютом и маскировка на местности. Немецкому вы за оставшиеся дни все равно не научитесь, поэтому на немецком просто будем разговаривать – в том числе, и во время тренировок. А через неделю вас ждет сюрприз, так что готовьтесь.

– А что за сюрприз? – немедленно спросила Катя.

– На то и сюрприз, чтобы не раскрывать его раньше времени, – улыбнулся Жером. – А теперь можете отдохнуть. Увидимся через час на стрельбище.

...Стрелял Жером так, что майор Гредасов на его фоне выглядел подающим надежды новичком. С двух рук, на бегу, качая маятник, вслепую, из-за плеча, в прыжке и с перекатом. Пистолеты казались частью его тела. Пули ложились точно в центр мишени, ни одна не отклонилась даже на полсантиметра.

– Форсит, – вынес свой вердикт Шибанов. Капитану мучительно хотелось показать такой же класс, но в Ростовской школе НКВД подобным трюкам не учили.

– Стрельба с двух рук, – сказал Жером, отстреляв последнюю обойму, – на самом деле довольно проста. Есть один прием, который называется «македонский захват» – вы держите пистолеты в каждой руке, а большие пальцы ваших рук плотно цепляются друг за друга. Получается нормальный стрелковый треугольник, но уже с двумя стволами.

– А целиться как? – спросил Теркин.

– Как удобнее. Можете ловить цель одновременно правым и левым глазом – отлично. Не можете – цельтесь из одного пистолета, а второй держите параллельно. Эту методику придумали американские ганфайтеры, которые первыми начали стрелять из двух револьверов. Только македонского захвата они в те времена еще не знали, поэтому просто плотно прижимали руки одна к другой.

– А кто такие ганфайтеры? – Теркин, похоже, решил досконально разобраться в этом вопросе.

– Профессиональные стрелки. Была такая интересная работа на Диком Западе... Среди вас есть левши?

– Нет, – ответил за всех Шибанов.

– Тогда все просто. Цельтесь левым глазом, стреляйте из правого пистолета. Левый у вас будет вспомогательным. Даже если вы вообще не будете из него стрелять, точность ваших попаданий повысится.

– Почему? – удивилась Катя. – По-моему, это очень неудобно – держать два тяжелых пистолета...

Жером подошел к ней, взял руку и прошелся пальцами по запястью и ладони.

– Да, у вас, пожалуй, кисти недостаточно тренированы для стрельбы по-македонски. Придется добавить вам силовых упражнений, а пока будете стрелять по-старому, из одного пи-

столета. Когда кисти окрепнут, вы поймете, что масса второго пистолета уменьшает отдачу стреляющего ствола, и не позволяет ему сильно сбиваться после выстрела. Уверяю вас, на самом деле это очень удобно.

– Спасибо, – почему-то покраснев, проговорила Катя. – Я постараюсь научиться.

– Ну, а у вас с руками должно быть все нормально, – сказал Жером, поворачиваясь к мужской части команды. – Так что ожидаю хороших результатов. Кто первый?

Хороших результатов в этот день не показал никто. Даже Шибанов, у которого впервые на памяти Гумилева две пули улетели в «молоко». Хотя, справедливости ради, надо сказать, что отстрелялся капитан все же лучше других. Для Гумилева и Теркина новая методика стрельбы оказалась чересчур мудреной.

– Не беда, – утешил их командир, собрав листочки мишней. – С первого раза мало у кого получается. Главное – мышечная память. Когда пальцы, руки и плечи запомнят, какое положение они должны занимать, и с каким усилием следует вести стрельбу, дело пойдет гораздо быстрее.

Так и вышло. С каждой новой тренировкой результаты становились все лучше и лучше. К тому же Жером оказался на редкость хорошим учителем – куда там майору Гредасову.

«Не зациклийтесь на прицеливании, – говорил он. – Концентрируйтесь на руках, вы должны чувствовать их все время сцепленными вместе. Главное – это руки. Цель они найдут сами».

Спустя несколько дней даже Лев приноровился стрелять с двух рук так, что начал чувствовать себя настоящим ковбоем.

Но, как выяснилось, это были только цветочки, потому что, добившись от курсантов первых успехов, Жером принялся гонять их по стрельбищу, как зайцев. Теперь поражать мишени нужно было на бегу. Это оказалось по-настоящему сложным: Льву никак не удавалось освоить перекрестный шаг, при ко-

тором обе ноги ставятся носками в одну сторону и туловище заносит, как автомобиль на скользкой дороге. У остальных получалось лучше: Шибанов и Теркин даже соревновались, кто больше попадет в «яблочко». Катя, по-прежнему стрелявшая из одного пистолета, осваивала снайперскую винтовку Мосина. Жером был ей очень доволен.

А вот прыгать с парашютом Гумилеву неожиданно понравилось. Это было увлекательное занятие, и оно очень напоминало спорт. Для начала Жером научил их, как правильно укладывать парашюты. Перед тем, как уложить парашют, его необходимо было детально осмотреть, удостоверившись, все ли его многочисленные детали в порядке. Чаще всего, как сказал Жером, проблемы возникали с резиновыми сотами чехла купола, которые имели неприятную особенность рваться. Соты были сменными, и их следовало тут же заменить новыми – заклеивать их строго запрещалось.

Укладывали парашюты обязательно вдвоем, один курсант выполнял роль укладывающего, второй – помогающего. Потом роли менялись, поскольку сложить следовало два парашюта – основной и запасной. Каждый, таким образом, отвечал не только за свою жизнь, но и за жизнь товарища. Жером ходил между парами, подавая команды и внимательно проверяя, как они выполняются.

– Товарищ Жером, – спросил у него Шибанов, – разрешите вопрос.

– Спрашивайте, капитан.

Все уже привыкли к тому, что спрашивать командира можно о чем угодно, как и к тому, что на большинство вопросов он давал весьма уклончивые ответы.

– А сами вы где парашютному делу учились?

До войны капитан несколько раз прыгал с парашютом, и кое-что помнил. Жером, по его словам, делал все «вроде бы и правильно, но вроде как-то не по-нашему».

– В Африке, – неожиданно ответил командир. – И там были совсем другие парашюты.

Больше он на эту тему не распространялся, а Шибанов счел за лучшее вопросов больше не задавать.

Когда курсанты научились складывать парашюты, пришло время первого прыжка.

Это было страшно и увлекательно одновременно. После завтрака команду отвезли на маленький аэродром и посадили в выкрашенный зеленой краской «ПС-84». Самолет, рассчитанный на второе большее количество пассажиров, казался непривычно пустым.

– Самый тяжелый прыгает первым, – сказал Жером. – Капитан, я думаю, это ваша привилегия.

– Говорила мне мама в детстве – не ешь столько каши, сынок, – проворчал Шибанов и полез в хвост салона.

– Старшина, сколько вы весите?

– Семьдесят, – бодро отозвался Теркин. – Отъелся на казенных-то харчах.

– А вы, Лев Николаевич?

Гумилев, каждый раз переживавший, что командир обращается к нему не по воинскому званию, которого не было, а по имени-отчеству, пожал плечами.

– Не знаю точно. Думаю, килограммов шестьдесят.

– Отлично. Сержант медслужбы у нас самая легкая, мы ее даже спрашивать не будем. Во мне – шестьдесят восемь, я прыгаю после старшины. За мной – Лев Николаевич, а за ним – Катя.

– А проверять кто будет? – недоверчиво спросил Лев.

– Что проверять? Парашюты сложены. Как прыгать, вы знаете. В чем проблема?

Гумилев замялся.

– Ну, если кто-то вдруг замешкается... сбьется с темпа...

– Если «кто-то» будет помнить, что от этого зависит его жизнь, то не замешкается, – успокоил Жером. – Прыгаем с

двух с половиной тысяч метров. Вполне достаточно, чтобы обдумать все свои действия и, если нужно, что-то исправить. Предупреждаю сразу – сегодня не прыжок, а увеселительная прогулка. Вот когда будем прыгать со ста метров, придется поработать.

Пока самолет разгонялся и взлетал, Гумилев незаметно следил за товарищами. Шибанов казался непрошибаемо спокойным, Теркин хозяйственно ощупывал свой ранец с парашютом, Катя не отводила взгляда от Жерома. Неужели никто из них действительно не нервничает?

Жером что-то рассказывал Кате, оживленно жестикулировал, улыбался, но из-за рева моторов Лев его совершенно не слышал.

Гумилев сложил руки на коленях, так, чтобы кисти свободно свисали вниз, и прикрыл глаза. Главное – не перепутать последовательность действий, думал он. Прыгать надо быстро, чтобы не приземлиться далеко от товарищей. Купол раскроется сам, а если вдруг не раскроется, нужно дернуть кольцо запасного парашюта. Ну, а если совсем запаникуешь или забудешь, что нужно дергать – сработает автомат, называемый КАП-3. Так что даже если очень захочешь разбиться, это вряд ли у тебя выйдет.

А дальше – лети себе, подтягивай стропы, контролируя снижение, любуйся пейзажем...

«Ли-2» закончил, наконец, взбираться на заданную высоту, перестали натужно реветь моторы, и сразу стал слышен голос Жерома, кричавшего:

– Приготовились!

Люк открылся и Гумилев увидел небо.

Оно было ярко-синим, и эта синева яростно врывалась в полутемный салон самолета.

Где-то под потолком завыла сирена.

– Пошел! – скомандовал Жером.

Шибанов шагнул в люк так буднично, как будто переходил из одной комнаты в другую. Его широкоплечая фигура на мгновение четко вырисовалась на фоне синего неба, а затем исчезла.

Теркин, наклонив голову, уже бежал к люку.

«Сейчас очередь командира», – подумал Лев. – «А потом и мне надо будет прыгать».

Он почувствовал, что у него ослабли ноги. Нужно было встать и сделать несколько шагов к ярко-синему прямоугольнику, но мышцы не слушались. «Позор какой, – подумал Гумилев. – Это же все увидит Катя...»

– Поднимайтесь, курсант, – Жером хлопнул его по плечу. – Не задерживайтесь, прыгайте сразу за мной.

«Он думает, что я испугался, – метнулась в мозгу Гумилева жуткая мысль. – Жером с самого начала считал меня слабым звеном...»

Он даже не заметил, как вскочил на ноги. Жерома в салоне уже не было, и Лев покрыл расстояние до люка одним прыжком.

В последний момент ему невыносимо захотелось раскинуть руки и вцепиться в металлические ребра самолета, но он этого не сделал. Просто продолжил движение и вывалился в синеву и слепящий солнечный свет.

Бездна распахнулась перед ним.

Первые несколько секунд Лев ничего не соображал. Воздух свистел в ушах, где-то внизу крутились какие-то пятна. «Я лечу со скоростью двести километров в час», – вспомнил он уроки Жерома. «Да и то, если планирую на животе, как лягушка... А я, как дурак, падаю ногами вниз, значит, и скорость выше...»

Потом его резко рвануло вверх. Лев задрал голову – над ним разворачивался круглый белый купол. Значит, все прошло штатно, и автомат не понадобился. Он увидел уходящий в направлении солнца самолет, и тут сердце его замерло: от самолета отделилась маленькая темная фигурка и стремительно полетела вниз, к земле.

«Катя», – понял Гумилев. Значит, после того, как он выпрыгнул из самолета, прошли считанные мгновения – а казалось, он успел подумать обо всем на свете... Когда же раскроется ее парашют?

Словно отвечая на его вопрос, над приближавшейся фигуркой раскрылся купол – словно распустился белый цветок. Катя, как показалось Льву, повисла в воздухе в сотне метров у него над головой. На самом деле оба они, конечно, падали, просто их скорость замедлилась в несколько раз.

Лев помахал Кате рукой, но она, кажется, этого не увидела. Тогда Гумилев опустил голову и стал высматривать товарищей – один парашют был уже у самой земли, два других медленно планировали в сторону небольшой рощи. Где-то далеко, у самого края горизонта, виднелись очертания больших зданий, вздымались к небу дымные трубы – это была Москва.

Роща с высоты казалась зеленой пеной, взбитой кисточкой безумного парикмахера, решившего побрить землю. Справа и слева ее обнимала жирно блестевшая на солнце пашня. «Надо приземляться на поле, там почва мягче», – подумал Лев. Он уже отчетливо различал скачущих по глубоким бороздам черных грачей. Земля приближалась гораздо быстрее, чем он предполагал, и Гумилев снова запаниковал. Потом догадался, что его гонит вниз сильный ветер, и попробовал развернуться к нему боком. Это неожиданно получилось – падение замедлилось, черная чаша земли лениво кружилась у него под ногами. И все равно все случилось слишком быстро – уже приземляясь, Лев понял, что не успел как следует насладиться полетом.

Как и учил их Жером, Гумилев слегка согнул ноги в коленях и постарался удержать равновесие, чтобы не упасть. Ботинки с высоким голенищем вонзились в мягкую землю, и он почувствовал, как все его тело пронзила дрожь – ощущение было сродни тому, которое испытываешь, прыгая с крыши какого-нибудь сарая на утоптанную почву.

Дальше Лев все делал на автомате – схватил нижние стропы и потянул их на себя, действуя так уверенно, будто проделывал это уже не один раз. Парашют, не успевший раздуться парусом, послушно расстелился по земле.

«Сейчас соберу его, – подумал Лев, – и предъявлю Жерому. Вот тогда и посмотрим, кто тут у нас слабое звено...»

Но сбратить он ничего не успел, потому что рядом приземлилась Катя, и приземлилась, судя по всему, не очень удачно – завалившись на бок. Лев бросил стропы и побежал к ней.

– Привет, – улыбнулась девушка, – с приземлением вас...

Она упорно продолжала говорить Гумилеву «вы», хотя с Шибановым уже давно перешла на «ты». Льва это задевало, но попросить сержанта медслужбы перестать ему «выкать» он стеснялся.

– Все в порядке? – спросил он озабоченно. – Вы не ушиблись, Катя?

Она звонко расхохоталась.

– По-моему, немножко странно спрашивать у человека, который только что первый раз в жизни прыгнул с парашютом, не ушибся ли он! А если бы и ушиблась – ведь все это такая ерунда по сравнению с полетом!

Она поднялась на ноги, деловито отряхнула брюки и гимнастерку.

– Знаете, Лев, я просто счастлива! Это так здорово – лететь в небе, и видеть под собой всю эту красоту! Как птицы... Лев, я в детстве мечтала летать, а вы?

– Послушайте, Катя, – решил, наконец, Гумилев, – может быть,бросим все эти китайские церемонии? Мы же, в конце концов, теперь братья по небу! Давайте перейдем на «ты», а?

– Я не против, – девушка откинула со лба челку и принялась подтягивать стропы. – Братья по небу – это вы... то есть ты, отлично придумал!

– Ну что, товарищи курсанты, – сказал, подходя, Жером. – Поздравляю вас с первым прыжком. Справились хорошо, мо-

лодцы. Есть предложение это дело сегодня вечером отметить. Скажем, часов в девять.

Первый прыжок отмечали в домике Жерома, стоявшем совсем уже на отшибе базы, у густых зарослей орешника-лецины. Домик был меньше, чем тот, в котором размещались курсанты, всего на две комнаты, но Жером жил там один.

Когда курсанты подошли к домику, Жером разводил огонь под закопченным мангалом.

– Настоящего шашлыка, к сожалению, предложить не могу, – сказал он, вытирая руки о полотенце, – но опыт показывает, что жареные сосиски, если подавать их с особым соусом, обладают ничуть не меньшими достоинствами.

Сосиски, действительно, оказались невероятно вкусными – слегка жестковатая корочка их лопалась, стоило чуть сильнее надавить зубами, наполняя рот восхитительным мясным соком. Соус, приготовленный, судя по всему, из граната, еще больше оттенял их вкус. На большой тарелке лежала целая гора зелени и тугие красные помидоры. К мясу хозяин выставил бутылку сухого «Саперави», и тут не удержалась даже не одобрявшая алкоголь Катя.

– А вы знаете толк в кулинарном искусстве, товарищ майор, – одобрительно проговорил Шибанов, расправляясь с очередной сосиской. – Как настоящий кавказский мужчина, да.

Жером только усмехнулся. За последние дни капитан много раз пытался вывести его на разговор о родных краях, но безуспешно.

– Зря стараешься, – сказал Шибанову Лев. – Твои примитивные подходцы видны невооруженным глазом.

С неприятного разговора на тропинке прошло уже несколько дней, но Гумилев с капитаном продолжали смотреть друг на друга косо.

Воцарилось неловкое молчание. Катя протянула руку к помидору и храбро откусила половину. По точеному ее подбородку медленно стекала красная струйка сока.

– Я пять лет прослужил во французском Иностранном Легионе, – неожиданно сказал Жером. – В основном в Марокко, хотя несколько месяцев провел в Сирии. Это был самый простой способ получить французское гражданство.

Команда «Синица» уставилась на него, как на привидение. «Вот тебе и Интербригады, – подумал Гумилев. – Legion etrangere, прибежище бандитов, уголовников и прочего сброды... Хорошенькое место службы для майора госбезопасности!»

– В Марокко тогда шла война, – продолжал, между тем, Жером. – С одной стороны, коммунисты, поддерживавшие племена берберов в их борьбе за независимость, с другой – французские и испанские легионеры. Все шло неплохо, пока франкистам не удалось переманить на свою сторону часть наиболее агрессивных племен. Берberы, надо отдать им должное, дрались как черти, не ведая страха. У коммунистов была неплохая техника – танки БТ и Т-26, пулеметы и пушки – но воевали они, честно говоря, хуже.

– То есть вы воевали с коммунистами? – недоверчиво спросил Шибанов.

Жером усмехнулся.

– Я, как мог, помогал коммунистам – хотя мог я, честно признаюсь, немногое. Один раз подстрелил верблюда...

– Верблюда? – прыснула Катя.

– Да, жалко было животное. Но на этом верблюде были насыпаны тюки с бутылками с бензином, которыми легионеры поджигали наши танки. Иногда хватало одной бутылки, чтобы Т-26 сгорел, как спичка... Бутылки, конечно, были обернуты в вату, чтобы не стукнуться друг о друга, к тому же верблюд ходит очень плавно... но когда он упал, несколько бутылок разбилось и бензин разлился. А дальше нужно было только под-

нести зажигалку... впрочем, это уже детали. Понятно, что часто устраивать такие диверсии я не мог, поэтому по большей части помогал нашим информацией. Благо шифровальщик при штабе полка был моим приятелем, обязанным мне жизнью... в общем, доступ к кое-каким документам у меня имелся.

Жером задумчиво поднял свой бокал, посмотрел сквозь него на тлеющие в мангале угли и медленно отпил глоток.

– Так вот, о чём я, собственно, хотел вам рассказать. Самой привлекательной стороной службы в Легионе была еда. Кормили так, словно в распоряжении командования находились все рестораны Марокко, а их повара состояли на службе. Помню, сидели мы однажды в окопах на вершине горы, до ближайшего города километров семьдесят... сторожили караваны с оружием, которые должны были пройти по ущелью... и кормили нас так – суп с лапшой, заправленный чесноком, помидорчиками, луком, фасоль с мясом и цветной капустой, каракатица, жареная в собственном соку, телятина с жареной картошкой, финики или грецкие орехи, плав из ракушек... Ну и еще большой белый хлеб, по одному на человека. А вино красное вообще в счет не шло – его вместо воды пили, с водой там как раз было туговато.

– Вместо воды? – переспросил, прищурившись, Шибанов. – Это что же, весь личный состав постоянно был под мухой?

– Ну, трезвых я там встречал мало. В арабских частях – там да, не пили, им Аллах запретил. Хотя тоже кто как. Мухаммед, видите ли, сказал, что первая капля вина губит человека. Поэтому те, кто действительно любил выпить, окунали в стакан палец и стряхивали эту каплю на землю – про другие-то пророк ничего не говорил.

Жером снова отпил из своего бокала.

– Так вот, познакомился я там с одним местным бербером. Он держал небольшой постоянный двор в одном маленьком городке. Надо сказать, что постоянный двор этот был очень удобен в качестве места для конспиративных встреч, и я проводил там

довольно много времени. И как-то так вышло, что бербер этот начал учить меня готовить. За полгода столько мне всего показал, что я, перебравшись потом во Францию, всерьез думал открыть собственный ресторан. Но самое главное – он научил меня некоторым важным секретам.

– Каким это? – немедленно спросила Катя.

– А вы очень любопытны, – сказал Жером, улыбнувшись. – То, что вкусная еда хорошо влияет на настроение человека, конечно, не тайна. Есть даже такая аргентинская пословица – «Поел – сердцем подобрел». Но вот то, что некоторые блюда могут менять не только настроение, но и психологию, и даже физиологию – это известно не всем.

– Расскажите, товарищ Жером! – Катя смотрела на командира широко открытыми глазами, и Гумилев почувствовал укол ревности – несколько дней назад на берегу реки она смотрела так на него. – Вы, наверное, имеете в виду растительные яды?

Командир засмеялся.

– Нет, не яды. Хотя глупо отрицать, что они влияют на нашу физиологию. Но помимо ядов, существуют еще средства, способные вызвать у человека определенные реакции. Например, трусы могут сделать храбрецом. Или, скажем, афродизиаки. Это такие вещества, которые усиливают любовное влечение, делают обычного человека Казановой или превращают застегнутого на все пуговицы сухаря в игрушку безумных страстей.

– И что, их можно добавлять в еду?

– Мой бербер научил меня готовить по меньшей мере три блюда, которые являются сильнейшими афродизиаками, – усмехнулся Жером. – Как-нибудь потом я могу поделиться рецептом. Нет-нет, не волнуйтесь, жареные сосиски к этим блюдам не относятся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Елена

Ленинград, июль 1942 года

С утра было солнечно, теплые лучи косо падали из окошка, еще зимой заклеенного до середины – золотили пол, рисовали на нем медовые соты. Ах, если бы это был настоящий мед! Лена закрыла глаза и представила себе баночку своего любимого липового меда. Почти прозрачного, чуть зеленоватого, очень-очень сладкого. Одну, только одну баночку! Она растянула бы ее на несколько месяцев. Мед дает много сил, она могла бы встать и дойти до пустыря, на котором растут лебеда и щавель. И тогда можно было бы жить дальше...

Все это были пустые мечтания – встать с постели она еще могла, а спуститься по лестнице, и тем более подняться обратно – уже нет.

Вчера приходила тетя Зина, приносила немного хлеба. Совсем немного – у нее ведь своя семья, дети, которых надо кормить. Но все же она подкармливала Лену. Правда, за это Лена отдала ей свои карточки. Все равно она не смогла бы ходить в магазин сама. «Я тебе буду половину отдавать, – сказала тетя Зина. – Ты лежишь, тебе хлеба надо меньше. А так пропадут карточки, и все». Это была правда: продавщицы хлеб за прошедшие дни не выдавали, и никого не волновало, болел ты в это время или нет. Тетя Зина отдавала, кажется, меньше, чем половину, но Лена на нее не сердилась. Если бы не тетя Зина, она умерла бы недели две назад. Как умерли все ее родные – дедушка, бабушка, мама.

Все из-за той девчонки. Если бы не она, вся ее семья осталась бы жива. Ну, и конечно, если бы дед не был таким упрямцем.

Лена любила деда. Николай Александрович был добрым, красивым стариком с длинной седой бородой и большой лысиной, которую обрамляли длинные серебряные пряди. Он носил смешные круглые очки в железной оправе, которые делали его похожим на дореволюционного профессора. Но он был очень упрям, и переспорить его не удавалось никому – ни бабушке, ни маме, ни дяде Борису.

Лена хорошо помнила то утро первого марта. Накануне Энгельгардтам выдали продовольственные карточки на месяц. Надо было идти в булочную, получить хлеба на два дня, а после булочной следовало зайти в продовольственный и обменять талоны на сахар и крупу. Начало месяца всегда было праздником.

Обычно за хлебом ходила Лена, но в то мартовское утро ее вдруг скрутил жуткий кашель. Вообще-то она была здоровой девушки, но накануне целый деньостояла в очереди за шротом и дурандой, которые выдавали по дополнительным талонам, и промерзла насеквоздь. Очередь была огромная, человек пятьсот, и шрота на всех не хватило. Не хватило и Лене, зря только простудилась. А талоны на шрот и дуранду пропали – они ведь были февральские.

За хлебом надо было подниматься рано – в пять утра. Мороз в такую рань стоял страшный, Лена натягивала на себя все теплые вещи которые были в доме и повязывала на голову несколько платков. Но пока она кашляла в ванной, дед забрал все ее платки, надел потертую, но вполне еще теплую шубу и влез в свои старые валенки. Платками он закутал голову так, что были видны только блестящие стекла очков.

– Ты никуда не пойдешь, Елена, – строго сказал он, надевая огромные рукавицы. – У тебя явный бронхит. Тебе надо лежать в тепле и пить горячую воду. Много горячей воды.

Лена попробовала с ним спорить, но это было бесполезно. Дед забрал карточки и ушел. Его не было целый день. А когда он все-таки вернулся, на него страшно было смотреть.

Дед плакал. Он, видимо, плакал уже давно, потому что серебряные усы и борода его совершенно обледенели. И он весь трясясь, как будто за один день состарился еще на двадцать лет.

У него не было ни хлеба, ни сахара, ни талонов. Когда он возвращался из продовольственного магазина, на него бросилась из подворотни какая-то девочка-подросток, худая, но ужасно сильная. Так сказал дед, но девочка могла быть совершенно обычновенной – просто сам дед ослаб так, что и ребенок мог с ним справиться. Сытый ребенок, конечно.

Девчонка вырвала у него кошелку с продуктами, а потом сильно толкнула в грудь. Дед поскользнулся и сел на снег. Тогда девчонка ловко, как профессиональный карманник, забралась к нему под шубу, вытащила карточки и убежала.

Николай Александрович был так ошеломлен этим нападением, что даже не позвал на помощь. Да и зачем? Девчонка все равно была уже далеко.

Только потом он понял, что грабительница забрала хлебные карточки и продовольственные талоны на всю семью – понял и закричал в голос...

Энгельгардты остались без еды. Совсем без еды. Весной сорок второго года это означало только одно – смерть.

Первым умер дед. Лена была уверена, что он умер не от голода, а от стыда за то, что погубил семью. Последние дни он совсем не вставал с кровати, лежал, отвернувшись лицом к стене. Перед смертью он позвал Лену и сказал ей:

– Елена, ты должна выжить. Ты непременно выживешь. Тебе нужно вытерпеть еще двадцать дней. Не говорите никому, что я умер. Скажите – заболел. Тогда в апреле ты сможешь получить карточки на меня. Поняла, Елена?

До последней минуты дед думал о карточках.

Бабушка пережила его на пять дней. Лена с мамой остались вдвоем.

Скрыть смерть старииков, конечно, никто и не подумал – для этого их нужно было бы оставить в квартире, и, хотя трупы людей, погибших от голода, быстро мумифицировались, дедушку и бабушку похоронили по-человечески, на кладбище. Когда возвращались с Волковского, мама неожиданно сказала:

– Если бы твоего отца не расстреляли, он не дал бы нам умереть.

– Как это? – не поняла Лена.

– В первые годы революции тоже было очень голодно, – сказала мама. – И Коля, твой отец, чтобы мы не страдали с тобой от голода, отвез нас в Бежецк, к своим родным. Там жил и твой брат, Лев. В Бежецке с едой было гораздо лучше, но там было ужасно скучно, делать было совершенно нечего, и я, например, там просто бесилась. Я была чуть старше, чем ты теперь, мне хотелось общества, хотелось, в конце концов, просто жить со своим мужем. А Коля оставил нас с тобой на попечение своих зануд-тетушек. Как я тогда его ругала! А потом поняла, что он спас и тебя, и меня. Маленькая девочка не выжила бы в голодном Петрограде, а если бы что-то случилось с тобой, умерла бы и я.

– Но куда бы он отвез нас сейчас? – спросила Лена.

– Не знаю, – грустно улыбнулась мама. – Но он обязательно что-нибудь придумал бы. Он был очень умный и хитрый, твой отец. Говорили, что он бессердечен, но это неправда. Никто лучше меня не знает его. И эта змея, его первая жена, тоже не знает. Его упрекали в том, что он отдал тебя в детский приют, потому что детский визг, видите ли, отвлекал его от написания стихов. Но это полная глупость.

– А меня отдавали в приют? – изумилась Лена.

– Да, ненадолго. Отчасти в этом виновата я – мы все-таки приехали в Петроград из Бежецка, потому что я не могла больше выносить этих глупых теток. А отец жил тогда в Доме Искусств, его там кормили, но на меня, конечно, никакого пайка он по-

лучить не мог. Мы ели с ним в столовой по его карточке – все делили пополам – а тебя кормить вообще было нечем. И тогда Коля придумал. Он пошел к своей знакомой, которая была тогда директором детского приюта, и стал расспрашивать ее о том, как живется в ее приюте детям. А эта знакомая, Лозинская, была большой энтузиасткой, она водила его по приюту, показывала, как замечательно там все устроено, рассказывала, что дети всегда сыты, носят чистую одежду, с ними занимаются педагоги... Тогда твой отец сказал: отлично, завтра я приведу сюда Леночку. Лозинская ужасно удивилась и принялась отговаривать его, объясняя, что в приют берут детей всяких асоциальных элементов, бродяг, гулящих женщин, но твой отец был непреклонен. «Вы же сами сказали, что детям у вас хорошо, – возражал он. – Значит, и Леночке тоже будет хорошо». И он оказался прав.

– И долго я там пробыла? – Лена вдруг поняла, что ничего не помнит об этом периоде своей жизни.

– Не очень. Полгода, или около того. Потом я уехала обратно в Бежецк и мы забрали тебя из приюта. Ты была такая розово-щекая, такая здоровая! Мы никогда не смогли бы кормить тебя так, как это делали в приюте.

– А вам не было без меня одиноко? – спросила Лена. Мама погладила ее по щеке.

– Было, конечно. Во всяком случае, мне. Твой отец был не слишком сентиментален, и поэзия всегда была для него важнее семьи. Но... так и должно было быть. Твой отец – великий поэт, а великие поэты всегда живут в другом мире.

Мама помолчала.

– И все-таки он заботился о нас, как и о Льве. И сейчас, я уверена, он нашел бы какой-нибудь способ, чтобы нас спасти.

На следующий день мама куда-то ушла, а когда вернулась, то в руках у нее была целая коробка столярного клея. Из этого клея мама сварила студень, отвратительный на вкус, но все же питательный. На студне они кое-как протянули еще неделю.

Маму погубили блинчики из горчицы. Кто-то рассказал ей, что из горчицы можно делать очень вкусные блинчики, надо только уметь их готовить. Горчицу удалось выменять на самовар; все равно никакого чая уже давно не было, а воду можно было греть и на буржуйке. Мама взяла две пачки горчицы, замочила их в воде. Мочить надо было неделю, постоянно сливалася вода, чтобы вышла вся горечь. Но на неделю терпения у мамы не хватило, и через четыре дня она решила, что горчица уже достаточно отмокла. Блинчиков получилось всего два, они были действительно очень вкусные. Но как только Лена проглотила последний кусочек, то почувствовала, что кишки ее словно режут ножом. Она схватилась за живот и закричала. Мама смотрела на нее с ужасом, а потом закричала тоже. Боль была невыносимая. Они обе катались по полу и кричали. На крики прибежала тетя Зина, всплеснула руками и побежала за врачом. Врач пришел быстро; он был уже пожилой и, видимо, очень опытный.

– Горчица? – спросил он, понюхав воздух.

– Да! – крикнула Лена. Говорить нормально она не могла – в животе словно завелась безумная злая крыса.

– Много съели? – спросил врач.

– Нет! Один! Один блинчик!

– Это хорошо, – сказал врач спокойно. – Тогда есть надежда.

Он дал Лене и маме истолченного угля – больше у него ничего не было. Уголь помог, но совсем немногого. На следующий день мама потеряла сознание и уже не очнулась, а Лена как-то выкарабкалась. Рези в животе продолжались еще неделю, но уже не такие сильные, чтобы лезть на стену. А мама умерла. «Горчица кишki съела», – сказала тетя Зина.

Это был уже самый конец марта, через несколько дней Лена получила свои продуктовые карточки. Собрать паспортистке, что мама больна, Лена не смогла. Да паспортистка наверняка и так все уже знала.

Оставшись одна, Лена быстро начала угасать. Страшная зима прошла, и в городе опять запахло весной и надеждой, но ей уже все было безразлично. Силы быстро покидали ее, сначала она перестала ходить на службу, потом вообще выходить из дома. С середины мая она почти все время лежала на кровати и вспоминала своих родных. Иногда она разговаривала с мамой.

– Мамочка, – говорила она, – зачем же ты меня тут оставила одну? Лучше бы я умерла вместе с тобой.

– Что ты, – отвечала мама, – глупая Ленка-коленка, ты должна жить! И кто тебе сказал, что ты одна? Есть еще дядя Александр, он сейчас в Грузии. И есть твой брат Лев, который так тебя любит! Ты обязательно выживешь и встретишься с ними.

– Лев в лагере, – возражала Лена, – и может быть, он оттуда не вернется.

– Он обязательно вернется! Он очень похож на твоего отца – у него такой же дар выходить живым из самых опасных переделок.

– Но папу же расстреляли, – говорила Лена.

– Это ты так думаешь, – улыбалась мама. – А его мама, Анна Ивановна, до конца жизни была убеждена, что он обманул чекистов, сбежал и отправился в свою любимую Африку. Поэтому никогда его и не оплакивала.

Потом мама клала Лене на лоб свою прохладную руку, и Лена засыпала. А когда просыпалась, никакой мамы рядом уже не было.

Однажды тетя Зина принесла откуда-то целый мешок мати-мачехи. Взяла большую стеклянную банку, натолкала туда травы плотно-плотно и густо посолила сверху. Соль не считалась ценностью, ее в Ленинграде было много.

– Подожди пару дней, – велела она Лене, – а потом понемножку ешь. Там витамины, они полезные.

Но Лена не вытерпела, сразу же съела половину банки, и у нее вспух живот. А от соли ужасно хотелось пить, и ей приходилось

выползать на кухню, где стояло большое ведро воды. Принести ведро в комнату она не могла – сил не хватало – а жажда все не отпускала. Так она и заснула в конце концов на кухне, привалившись спиной к табурету.

«Почему я сейчас об этом вспомнила? – подумала Лена. – Это же было давно, еще в мае. Наверное, потому, что очень хочется пить...»

Пить действительно хотелось даже больше, чем есть. Солнечное медовое пятно уже перебралось с пола на кровать. В комнате было жарко и душно – законопаченные окна не открывали с прошлого лета.

Надо было встать и идти за водой. Вот только сил на это не было совершенно никаких.

– Пить, – жалобно позвала Лена. – Дайте, пожалуйста, воды...

Но никто, конечно, ее не слышал. Тетя Зина жила этажом выше, а в квартире, которую занимала когда-то большая и дружная семья Энгельгардтов, кроме Лены, никого не было. Лена заплакала. Она думала о том, что если бы кто-то из ее родных остался бы жив, то и ей не нужно было бы умирать. «Твоя беда в том, что ты несамостоятельная», – сказала как-то мама. Но она же в этом не виновата! Это бабушка и мама так ее разбаловали. Да и на службе – Лена работала счетоводом в лесозаготовительной конторе – отношение к ней было всегда снисходительное. «У Ленки ветер в голове», – смеялись сослуживцы.

И вот она осталась одна, и некому было даже побранить ее за несамостоятельность. И никто не мог принести ей стакан воды. Следовало собрать последние силы и идти на кухню самой. Лена попыталась напрячь мышцы ног, но безуспешно. Ног она больше не чувствовала. Вообще. У нее всегда были очень красивые, длинные и стройные ноги. Мужчины на них заглядывались. А теперь они безобразно отекли, круглые когда-то

колени стали какими-то шишковатыми, а стопы распухли. Да еще вдобавок ноги перестали ее слушаться. Лена заплакала снова, на этот раз от бессилия.

– Пить, – шептала она сквозь слезы, – я хочу пить...

И случилось чудо.

Ее высохших, пергаментных губ коснулся металл, и в рот Лене потекла струйка воды. Прекрасной, холодной, чистой воды с едва заметным лимонным привкусом.

Лена открыла глаза, но они были полны слез, и сначала она видела только качающиеся над ней размытые тени.

– Пей, – сказал голос в недосягаемой вышине. – Пей, сколько хочешь.

Это было восхитительно – пить, сколько душе угодно. Но как только угасла жажда, Лена снова почувствовала вгрызающийся во внутренности голод.

Она ничего не произнесла вслух, но тот, кто напоил ее водой из фляжки (Лена уже видела, что это плоская офицерская фляжка), очевидно, понял все и без слов. Он осторожно, двумя пальцами, положил ей на язык что-то твердое и очень-очень сладкое.

Шоколад!

Лена не ела шоколада с прошлого июля. И не надеялась, что когда-нибудь снова почувствует во рту его вкус. Но это был самый настоящий шоколад, он постепенно таял на языке, и Лена сглатывала сладкую слюну, боясь проглотить кусок целиком.

– Ешь, – сказал голос. – Потом я дам тебе еще.

Теперь Лена видела, кто говорит с ней. Это был высокий светловолосый военный, с красивым, но немножко рубленым лицом. Такой скандинавский красавец-викинг. До войны такой тип мужчин не слишком нравился Лене, но сейчас военный казался ей самым прекрасным человеком на свете.

– Ну что, – спросил он, улыбаясь, – пришла в себя, сестренка?

Улыбка у него была замечательная – широкая, белозубая. Лена постаралась улыбнуться ему в ответ, с ужасом думая о том, что уже несколько дней не причесывалась.

– Да, – прошептала она, чувствуя, что краснеет. – Спасибо... вам.

– Можешь говорить мне «ты», – сказал военный. – Меня зовут Олег. Лейтенант Олег Гусев, радиоразведка.

«Ему совершенно не идет это имя, – подумала Лена. – Вот если бы его звали Харальд или Эйрик... как героев исландских саг... это подошло бы ему больше».

Вслух она сказала:

– Спасибо, Олег. Я очень давно не ела шоколада...

– Тебе сразу много нельзя, – как будто оправдываясь, сказал Гусев. – Но я тебе оставлю, у меня тут целая плитка.

«Целая плитка!».

Лене хотелось петь и смеяться от радости. Но ни на то, ни на другое у нее не было сил, поэтому она просто благодарно прикрыла глаза.

– Я к тебе, сестренка, вот по какому делу, – сказал викинг. – Брата я твоего разыскиваю, Леву. Мы с ним когда-то вместе в университете учились.

– Леву? – переспросила Лена непонимающе. – Моего брата Леву?

– Ну, да, – в голосе викинга послышались нетерпеливые нотки. – Нас в Ленинград прислали на неделю, срочная командировка... вот я и решил его отыскать. А он не с тобой живет, сестренка?

– Нет, – тихо ответила Лена. – А вы что же, совсем ничего не знаете?

– О чем?

– Ну, вы же учились вместе... должны были знать...

– Я после второго курса в Киев уехал, – улыбнулся викинг. – А на письма Левка мне почему-то не отвечал.

– Его арестовали, – сказала Лена. – Еще в тридцать... тридцать девятом. Нет, в тридцать восьмом.

Она задумалась, припоминая. Да, ей как раз исполнилось двадцать лет. Лев должен был прийти к ней на день рождения, но не пришел, потому что накануне его и еще двух студентов с его курса забрали в Большой дом. А через неделю после его ареста их с мамой вызвал следователь и долго расспрашивал о Льве. Какие-то странные он задавал тогда вопросы... что-то про экспедицию в Среднюю Азию...

– В тридцать восьмом? – удивился Гусев. – А я ведь как раз в тридцать восьмом уехал в Киев. Как нехорошо получилось! И что с ним, с Левкой, стало потом?

– Отправили в лагерь. Что же еще? Куда-то на север, кажется, в Норильск.

– Вот черт! – воскликнул викинг. – А за что? Чем Левка-то провинился?

– Пожалуйста, – попросила Лена, – дайте еще шоколаду...

– Погоди, сестренка, тебе столько сразу нельзя, а то плохо станет. Ты расскажи мне лучше, за что же Левку в лагерь засунули?

«Какой глупый, – подумала Лена про викинга. – Почему он задает все эти вопросы мне?»

– Я же не следователь, – проговорила она, – я не знаю... Вы у него спросите лучше.

– Какой следователь? – лицо Гусева приблизилось, Лена различала красные прожилки в уголках его глаз – видимо, лейтенант давно не спал. – Ты знаешь, какой следователь вел его дело?

Простой этот вопрос поставил Лену в тупик. Ей очень хотелось шоколада, и желание это вытесняло из головы все прочие мысли. Конечно, она знала, какой следователь вел дело Льва, он же потом с ней разговаривал, а после разговора («Это не допрос, Елена Николаевна, никоим образом не допрос») пригласил ее

встретиться вечером, сходить в кино и погулять в Летнем саду. И они встретились, и встречались потом еще раза три, и следователь был ничего, довольно симпатичный и обходительный, ухаживал очень красиво... Он обещал, что поможет Льву, если тот расскажет что-то про Среднюю Азию, и попросил ее, Лену, написать брату письмо. А потом, когда она написала это письмо, следователь... как же его звали? Сергей? Нет, вроде бы не Сергей... Он был армянин, и фамилия у него была армянская, кажется, Бархударян... а звали его смешно – Сурен. Да, так вот, когда она написала письмо, где просила брата рассказать все, о чем будет спрашивать его следователь, Сурен пригласил ее в ресторан. И они очень весело провели время, было много вкусной еды, шампанского и фруктов... а после ресторана Сурен отвез ее к себе. У него была большая комната на второй линии Васильевского острова, и там он подарил ей цветы – огромный букет роз – и сказал, что она самая прекрасная девушка, которую он видел в своей жизни. А когда Лена хотела уйти, Сурен сказал, что от ее поведения зависит, какое наказание ждет ее брата. И Лена, конечно, никуда не ушла...

Следователь, наверное, сдержал слово, потому что в тридцать девятом дело Льва неожиданно направили на пересмотр. Лев уже к этому времени был в лагере, в Медвежьегорске. Его снова привезли в Ленинград и началось новое следствие. Но вел его уже не Бархударян, а другой следователь по фамилии Лизерман. Этот с Леной не заигрывал, говорил жестко. Его интересовал какой-то предмет, который Лев нашел в экспедиции, кажется, фигурка птицы. Лизерман спрашивал, давал ли ей Лев этот предмет, и Лена созналась, что да, давал, один раз, когда она в школе сдавала экзамен по немецкому. «Это вроде талисмана, – сказал ей тогда брат. – Ты просто зажми его в кулаке, и отвечай, и ничего не бойся». Она так и сделала, и талисман помог, она сдала экзамен на пять, и преподаватели потом удивлялись, как это безалаберная Лена Гумилева, у которой по

немецкому никогда выше тройки оценок не было, отвечала без запинки на прекрасном языке Шиллера и Гете. Да она и сама удивлялась, если честно.

Лизерман ей показывал эту фигурку, но в руки не давал. Да, они забрали ее еще когда арестовали Льва, вместе с другими его личными вещами. Показывал ей следователь и какую-то старую карту, но Лена о ней ничего не могла сказать – она всегда плохо разбиралась в географии, а на этой карте еще и написано все было не по-русски.

– Значит, их интересовала карта и фигурка? – спросил Гусев, и в этот момент Лена вдруг очень ясно поняла, что он никакой не однокурсник Льва, а тоже, наверное, следователь.

– Вы из Большого дома? – спросила она испуганно.

Но викинг не понял ее.

– Откуда? – переспросил он.

– Так здесь называют главное управление НКВД, – тихо подсказал чей-то голос сбоку. – Оно находится на Литейном проспекте.

Лена повернула голову. В нескольких шагах от кровати стоял невысокий блондин с невыразительным лицом. Лене он показался смутно знакомым. Где-то она его уже видела, но где?

– Я не из НКВД, – покачал головой викинг. – Я же говорю, я друг Льва. Но меня очень интересуют его вещи и письма. Он писал тебе письма, Лена?

«Я не говорила, как меня зовут, – подумала девушка. – Конечно, ему мог сказать сам Лев, но почему-то мне кажется, что это не так. И разговаривать он стал совсем по-другому – уже не играет в простачка. Может быть, зря я ему все это рассказала?»

– Ты же сама говорила Николаю Александровичу, что Лев писал тебе письма, – мягко сказал блондин. И тут Лена его вспомнила – это был знакомый деда, работавший в филармонии. До войны дед посещал филармонию каждую неделю, иногда вытаскивал с собой и Лену, хотя она терпеть не могла ту скучную му-

зыку, которую там играли. И там она несколько раз видела этого блондина, как же его звали... кажется, Николай Леонидович.

– А вы что здесь делаете, Николай Леонидович? – спросила Лена. – Тоже ищете Льва?

Блондин с лейтенантом переглянулись. Гусев едва заметно кивнул.

– Да, – ответил блондин, – я тоже разыскиваю Льва. Так получилось, что он нам очень нужен. И находки, которые он привез из экспедиции – тоже. Если мы сможем их отыскать, то это, возможно, поможет Льву.

– Находки – в Большом доме, – сказала Лена. Разговор вымогал ее и она все сильнее хотела шоколада. – А письма Льва – в секретере, в верхнем правом ящике. Только пожалуйста, не забирайте их насовсем...

Викинг обернулся и сделал кому-то знак. Значит, в комнате кроме него и Николая Леонидовича, были и другие люди.

Послышался скрип выдвигаемого ящика. Потом кто-то выругался по-немецки.

– Друзья, – торопливо проговорил Николай Леонидович, – друзья, мне кажется, не стоит...

– Sowieso sie ist schon tot, – произнес чей-то насмешливый голос. Лене стало страшно. Она плохо училась в школе и по немецкому до выпускного экзамена у нее были одни тройки, но эту фразу она поняла. «Она все равно мертва», – произнес человек у секретера. Но ведь она была еще жива!

В этот момент Лене вдруг отчаянно захотелось жить. Как она могла быть такой размазней и нюней? Ну и что, что ей тяжело вставать с постели! Она сумеет, она обязательно сумеет! Она попросит у тети Зины обратно свои карточки и будет ходить в булочную сама. Сейчас лето, и она может собирать мать-имачеху и лебеду. И постепенно ноги снова расходятся, главное их все время тренировать. Может быть, если викинг оставит ей немного шоколада, это придаст ей недостающих сил.

– Дайте шоколада, – жалобно попросила она. – Я же помогла вам, я все вам рассказала...

Но викинг покачал головой.

– Тебе нельзя столько шоколада сразу, Лена. Тебе может стать плохо. А мы же не хотим, чтобы тебе стало плохо, правда?

– Пора уходить, – нервно проговорил Николай Леонидович. – В любую минуту может зайти соседка...

– Письма здесь, – сказал стоявший у секретера обладатель насмешливого голоса. – Пять штук.

– Их было пять, Лена? – спросил викинг. – Ты помнишь, сколько писем написал тебе Лев?

– Не помню, – чуть не плача, ответила девушка. – Пожалуйста, оставьте мне шоколад...

Лейтенант Гусев вздохнул.

– Конечно, – сказал он. – Конечно, мы оставим тебе шоколад, милая Лена.

Его большая рука погладила Лену по впалой щеке. Прикосновение было приятным и даже нежным.

– А сейчас поспи, милая Лена. Ты очень устала, тебе надо отдохнуть.

Крепкие пальцы викинга вдруг сомкнулись вокруг ее шеи, как будто он хотел приподнять голову Лены с подушки, чтобы поцеловать в губы. Лена широко открыла глаза и встретилась с лейтенантом взглядом. Лейтенант улыбался, но глаза у него были холодные, как две голубые льдинки.

Тетя Зина, зашедшая к Лене спустя полчаса, увидела безжизненно свесившуюся с кровати тонкую руку, и сразу все поняла.

– Вот дурища-то, прости Господи, – прошептала она. – Не могла еще пять деньков протянуть – я бы августовские карточки за нее получила. А ведь старалась, хлебушек тратила...

И в сердцах плонула на затоптанный чьими-то сапогами пол.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Самоволка

Москва, июль 1942 года

— Сегодня у нас водные процедуры, — сказал Жером на следующее утро. — Будем форсировать реку.

— Да ее курица вброд перейдет, — хмыкнул Теркин. — Чего там форсировать...

— Ширина реки — около тридцати метров, — продолжал Жером невозмутимо. — Глубина — от полутора до четырех метров. Мы будем учиться форсировать ее бесшумно, так, чтобы условный противник на том берегу ничего не заметил бы. Это не так просто, как вам кажется. Поэтому тренироваться мы начнем прямо сейчас, а экзамен у нас будет ночью.

Он раздал курсантам водонепроницаемые прорезиненные мешки.

— Это для оружия и боеприпасов. Существует несколько способов преодоления водных преград, и один из них заключается в том, чтобы снять с себя одежду и вместе с оружием сложить вот в такой мешок. На том берегу вы переоденетесь и приступите к выполнению задания. На первом этапе условным противником будут чучела, но ночью там будут дежурить настоящие солдаты. Стрелять они, конечно, будут холостыми, но вот по шее могут надавать вполне серьезно.

Все свое детство Лев провел в городе Бежецке, стоявшем на крутых берегах реки Мологи. После широкой, разливавшейся на полкилометра Мологи, безымянная речка, в которой курсанты купались и ловили рыбу, казалась несерьезным препятствием. Для Теркина, время от времени совершившего вылазки

в стоявшую на другом берегу деревню, задание тоже не выглядело сложным. И Катя, и Шибанов прекрасно плавали... Так в чем же здесь подвох?

Когда курсанты первый раз пересекли реку, Жером, переправившийся раньше на лодке, встретил их у самого берега. В руках он держал срезанную с куста ореха ветку.

– Это автомат, – объяснил он. – А я – солдат противника.

Командир навел ветку на них и изобразил автоматную очередь. Выходившие из воды курсанты застыли в недоумении.

– Задание вы провалили.

– Это нечестно! – возмутился Шибанов. – Вы же знали, что мы сюда приплывем! А по условиям задачи часовые стоят вон там, у ограды!

Он показал пальцем на чучела. От берега до чучел было метров двадцать.

– Я там и стоял, – терпеливо объяснил Жером. – Но вы так шумели и плескались, что я, естественно, решил посмотреть, не завелся ли в реке бегемот.

– Шумели? – удивилась Катя. – А по-моему, мы очень тихо плывли...

Командир покачал головой.

– Увы, нет. Хотите, устроим проверку? Вы, Катя, оставайтесь со мной, а остальные возвращаются на тот берег и делают еще одну попытку. Если Катя скажет, что вы плывли бесшумно, будем считать, что вы готовы к ночному экзамену.

– Жук французский, – прошел сквозь зубы Шибанов, когда они вернулись на «свой» берег. – Ему только бы с Каткой наедине остьаться...

Лев бросил удивленный взгляд на капитана. Жером и Катя, накинувшая на плечи гимнастерку, но оставшаяся голоногой,шли к чучелам, о чем-то оживленно переговариваясь.

– Да ты просто Отелло какой-то, – усмехнулся Гумилев. – Теперь к командиру ревнуешь?

– А ты что, слепой? Не видишь, как он на нее смотрит?

– Ладно, хлопцы, – примирительно сказал Теркин, – давайте лучше думать, как реку переплыть будем. Ты, капитан, в прошлый раз очень сильно ногами молотил. Я, конечно, понимаю, что у тебя ноги как у жеребца, но все-таки поаккуратнее надо. А ты, Николаич, когда рукой загребаешь, плещешься громко.

– А ты вообще плаваешь, как деръмо в проруби, – буркнул обидевшийся на критику Шибанов.

– Зато тихо, – сказал Теркин, и все рассмеялись.

На этот раз Гумилев решил взять водонепроницаемый мешок в зубы – это позволяло работать руками почти бесшумно. Шибанов вообще нырнул и плыл под водой, лениво двигая мускулистыми ногами. Василий плыл на боку, придерживая мешок рукой, но ухитрялся при этом двигаться совершенно беззвучно.

Из воды выходили по одному, стараясь глубоко наступать всей ступней в мокрый песок – это позволяло избегать хлюпания. Шибанов молча ткнул пальцем в свой мешок – переодеваясь, мол.

Но переодеться они не успели. Катя сбежала вниз по склону, лицо у нее было растерянное.

– Ребята, вы только не обижайтесь, но вас очень хорошо было слышно. Особенно, Лев, тебя. Но и остальных тоже. Товарищ Жером сказал, что на месте часовых просто открыл бы огонь по воде, еще когда вы были на середине...

– Вот те нате, хрен в томате, – разочарованно протянул Теркин. – Старались-старались, и все, выходит, зря?

– Почему «зря»? – удивился Шибанов. – Значит, будем тренироваться, пока не получится. А ты, Катюша, будешь с нами плавать, или так всю дорогу на бережку прозагораешь?

– Буду, конечно! – девушка аккуратно упаковала свою гимнастерку в мешок и закинула его за плечо. – Ну, что, поплыли – кто первый на тот берег?

Наплавались в тот день так, что Гумилеву казалось – еще немного, и у него отвалятся руки. Сначала Жером не давал им даже вылезти из воды, но ближе к вечеру смягчился и несколько раз подпустил к чучелам. Там отличился Теркин – неслышно подполз к «часовому» сзади и, мгновенно выпрямившись, перерезал ему горло десантным ножом. Шибанов поступал проще – обхватывал голову противника своими здоровенными лапами и резко сворачивал шею. Лев, понимая, что на такой трюк у него просто не хватит силы, старался повторять действия Теркина, но это оказалось непросто – на то, чтобы встать из травы, у него неизбежно уходило несколько секунд, за которые стоявший за чучелом Жером успевал развернуться и наставить на него оружие.

– Не майся дурью, – сказал Льву Шибанов, – толкай его под колени, прыгай сверху и режь горло. Только точно надо попасть, вот сюда, – он показал, куда именно.

Лев попробовал – свалить чучело таким образом оказалось совсем несложно, но что будет с живым человеком? Жером, глядя на его старания, только качал головой.

– В вас, Лев Николаевич, нет злости. А она должна быть. Иначе вы проиграете бой, даже если противник будет слабее и... нерешительнее вас.

Командир гонял их до ужина – ни стрельб, ни радиодела в этот день у «Синицы» не было.

– В ноль часов тридцать минут – сбор на берегу, – распорядился он. – Задача остается прежней – пересечь реку, снять часовых, дойти до ограды. «Снимать» часовых будете вот этим – он раздал курсантам куски угля. Задача – провести черную полосу на шее условного противника. В вашем случае, капитан – после того, как будет сымитировано скручивание шейных позвонков.

– Поспать надо, – сказал рассудительный Теркин, когда они возвращались с ужина. – Пять часов как-никак. Заодно и тело отдохнет.

Но Лев не смог заставить себя уснуть. Стоило закрыть глаза, как перед ними начинали плескаться зеленые воды реки. Мышцы болели так, как будто их прокрутили через мясорубку. Гумилев ворочался на койке, с завистью прислушиваясь к ровному сопению Теркина и всхрапыванию Шибанова. В конце концов, это ему надоело и он вышел на террасу.

Солнце садилось за далекий лес на другом берегу реки. Лев вспомнил, что, прыгая с парашютом, видел где-то в той стороне видел смутные очертания огромного города. Значит, их база расположена почти точно к востоку от Москвы.

За его спиной скрипнула дверь. Гумилев обернулся.

– Не спится? – негромко спросила Катя. – Вот и мне тоже. Немножко волнуюсь.

– Ну, тебе волноваться нечего, – сказал Лев. – Ты же часовых снимать не будешь...

По разработанному Жеромом плану, Катя оставалась у реки, на случай, если курсантов надо будет прикрыть огнем.

– А если с вами там что-то случится? Что я одна буду делать в тылу врага?

– Ты слишком близко к сердцу все принимаешь, – сказал Лев.

– Это же тренировка, игра.

– Это сейчас игра. А как забросят нас к немцам в логово, что тогда?

– Ну, вот тогда и будешь волноваться. Ты же не боялась, когда мы вчера прыгали?

– Ничего ты не понимаешь, – сказала Катя с досадой. – Я вообще не про страх. Просто во всем должен быть какой-то смысл. Смысла мне оставаться одной на берегу я не вижу. Что значит – прикрывай огнем? Там же не видно ничего. Если начнется стрельба, как понять, где свои, где немцы? А если я в кого-нибудь из вас попаду? По-моему, это глупость.

– Знаешь, – сказал Лев, – я бы с тобой поспорил, но не стану. В тактике я ничего не понимаю, а Жером, мне кажется, в этих

диверсионных операциях большой дока. Так что я ему просто верю – и все. Если он говорит, что тебе надо оставаться и прикрывать, значит, так лучше для всех.

– От такого умного парня можно было ожидать большего, – фыркнула девушка.

– От него или от меня?

– Какой ты наглый, оказывается!

Лев жестко усмехнулся.

– Был бы не наглый, меня бы урки закололи еще в Крестах...

– Слушай, – Катя замялась, – не хотела тебя спрашивать, но раз уж ты сам... Лев, а за что тебя посадили?

– Вообще-то меня сажали несколько раз. Последний раз дали десять лет за участие в студенческой террористической организации прогрессистов.

– А кто такие прогрессисты? – после некоторого молчания неуверенно спросила Катя.

– А черт их знает! – весело отозвался Лев. – Нас всего трое было, причем с одним из «прогрессистов» я познакомился только в камере... Да это же понятно, как делается – приходит на факультет разнарядка, нужны трое, или четверо, или пятеро террористов... или фашистов... или еще каких-нибудь врагов народа. А в деканате уже решают, кто лучше подходит на эту роль.

– Да что ты такое говоришь, Лев! – возмутилась Катя. – Этого просто не может быть. У нас просто так не сажают.

– Я и не говорю, что просто так. Для того, чтобы тебя посадили, необязательно действительно быть врагом народа, понимаешь? Это все объективные законы истории. А поскольку законы истории действуют не столько на отдельных людей, сколько на массы, то обижаться бессмысленно. Я могу сколько угодно доказывать, что меня посадили несправедливо, но даже если мне удастся доказать свою невиновность, это не отменит закона. И завтра посадят еще двадцать невиновных. А потом еще сто.

Катя отодвинулась.

– Иногда, – сказала она напряженным голосом, – я не знаю, как к тебе относиться...

Лев негромко рассмеялся.

– Что здесь смешного?

– Ничего. Просто я последнее время пытаюсь найти ответ на тот же вопрос.

– Какой?

– Как мне относиться к сержанту медицинской службы Кате Серебряковой.

Повисло молчание. Катя положила локти на перила веранды и делала вид, что полностью поглощена созерцанием затухающего заката.

– Ты мне очень нравишься, Катя, – сказал Гумилев.

Ночное форсирование реки прошло успешно. Плыли так тихо, что слышно было, как шуршат под тихим ветерком прибрежные камыши. Выбравшись на берег, решили не переодеваться, поползли по склону в одних трусах. Ползти было колко, Лев оцарапал себе живот какой-то колючкой. Потом прямо перед ним внезапно возник силуэт часового – это был невысокий узкоплечий паренек в не по размеру большой гимнастерке. В отличие от чучел, на которых они тренировались днем, паренек стоял к нему не спиной, а боком. Пока Лев раздумывал, что ему делать, где-то справа послышался шорох и звук падающего тела. Паренек, сдергивая с плеча винтовку, развернулся на звук и тут Лев прыгнул и ударил его, как и учил Шибанов, под коленки. Часовой, оказавшийся неожиданно легким, упал плашмя, не успев даже выставить руки. Гумилев навалился ему на спину и принялся тыкать в шею зажатым в кулаке куском угля. Паренек барабахтался под ним, бормоча сквозь зуб: «Пусти,пусти, сволочь», но Лев и не думал его отпускать. Внезапно склон залило ярким светом – это включились прожектора на столбах ограды.

– Все, – раздался громкий голос Жерома, – отставить борьбу в партере. Разойтись всем.

Курсанты, отряхиваясь, поднялись. Паренек, на котором сидел Лев, ухитрился пнуть его сапогом в лодыжку.

– Товарищ майор, этот гад мне шею свернул, – жалобно проговорил сидевший в траве верзила, которому посчастливилось встретиться с Шибановым. – И уши чуть не оторвал! Говорили же, что схватка учебная будет...

– Уши, деревня, – сказал капитан, – а с шеей твоей ничего не случится. Хочешь, обратно заверну?

– Ну тебя к черту! – испугался верзила и жаловаться перестал.

– Курсанты, за мной, – скомандовал Жером и повел всех к берегу. – Так, где у нас сержант Серебрякова?

– Я здесь, товарищ Жером, – донесся от реки испуганный голос. – Я тут в камышах позицию заняла.

– Выходите, – велел командир. Раздался плеск, и в свете бьющих сверху фонарей показалась Катя – блестящая от воды, похожая на русалку. В руках у нее была снайперская винтовка.

– А это вам зачем? – нахмурился Жером. – Вы же должны были прикрывать группу автоматным огнем...

– Боялась зацепить своих. А с винтовкой я бы не ошиблась. Жером прикусил губу.

– Товарищ сержант, вы хотите сказать, что могли бы стрелять из снайперской винтовки в полной темноте?

Катя покупилась.

– Ну, вообще-то не в полной. Силуэты часовых я хорошо различала...

Жером хмыкнул.

– Может быть, ваши удивительные способности не исчерпываются врачеванием? Может, вы еще и в темноте видите, как кошка?

Он покачал головой.

– Ладно, будем считать, экзамен вы сдали. Хотя то, что вы не переоделись на берегу, конечно, минус.

– Почему? – удивился Шибанов. – Действовали по обстановке, как вы и учили...

– Голый диверсант, – сказал Жером, – как и мокрый диверсант – зрелище довольно комичное. Впрочем, для первого раза сойдет. Теперь можете отдыхать. Завтра в девять снова едем на аэродром – на сей раз прыгать будем с полутора тысяч.

Дома Лев вытащил из водонепроницаемого мешка свою форму и аккуратно сложил ее на тумбочке. Задумчиво повертел в руках мешок.

– Вот это вещь, – одобрил расстилавший свою постель Теркин. – В ней хоть сало из деревни таскай, хоть самогон. И руки свободны...

– Вот-вот, – рассеянно сказал Лев, убиравая мешок под кровать.
– Главное – руки свободны...

– Слушай, Василий, – сказал он на следующее утро Теркину, когда они умывались под липой, – а ты в деревню как бегаешь?

– А там в ограде дырка есть, кусачками проделанная, – старшина брызнул себе на лицо ледяной воды и заурчал от удовольствия. – Видно, кто-то из прежних курсантов постарался. Ну, я в нее шмыгну – и через поле. А что, Николаич, тебе чего-то надо? Так скажи, я принесу...

Лев оглянулся. Капитан Шибанов крутил «солнце» на турнике метрах в десяти от умывальников.

– В самоволку хочу сходить, Василий. Только ты меня не сдавай, ладно?

Теркин с интересом посмотрел на товарища.

– Ладно, коль просишь. И далеко собрался?

– В Москву.

Идея эта возникла у Гумилева, когда они в очередной раз переплывали реку. Водонепроницаемый мешок позволял осуществить ее просто и элегантно.

– Москва далековато, – покачал головой Теркин. – Как думаешь обернуться?

– В воскресенье вечером уйду, в понедельник утром – назад. Тут главное, чтобы Сашка не начал волну гнать.

– Думаешь, станет?

– Кто его знает, – пожал плечами Лев. – НКВД все-таки. Но лучше ему все узнать после того, как я вернусь.

Но все получилось даже проще, чем он рассчитывал. Вечером в субботу Жером отозвал в сторону Шибанова и о чем-то с ним поговорил. К товарищам Александр вернулся довольный, сияя, как новенький пятак.

– Чего такой радостный? – спросил Теркин. Он тренировался, кидая в стенку ножик – не десантный, а простой, кухонный, со стертым деревянной ручкой. – Медаль, что ли, дадут?

Шибанов отобрал у него нож и метнул в дверь с такой силой, что он вошел едва ли не по рукоятку.

– Догонят и еще дадут! Уезжаю я от вас, братцы-кролики. Так-то вот. Надоели вы мне до чертиков.

– Что значит – уезжаю? – не понял Гумилев. – Куда?

– Для начала – в Москву, – Шибанов от наслаждения даже глаза закатил. – А там – куда пошлют.

– За новыми бойцами? – догадался Теркин. – Еще кого-то хитровывернутого нашли, не иначе...

– Этого мне не сообщили, – капитан рухнул на свою койку и с хрустом потянулся. – А только сидеть здесь мне уже осточертело. Я казак, человек вольный, мне в четырех стенах – могила! А так завтра уже в Москве буду.

Мечтательная улыбка вдруг сползла с его лица – как будто с руки стянули перчатку.

— Вы тут мне смотрите, к Катьке не подкатывайте. Если что — ноги повыдергиваю.

Теркин хмыкнул. Лев хотел ответить колкостью, но промолчал — слишком велика была свалившаяся на него удача, ее страшно было спугнуть.

Вместе с Шибановым уехал и Жером, пообещав, что вернется к обеду понедельника. После этого задача, стоявшая перед Гумилевым, упростилась до предела. Он сложил в водонепроницаемый мешок свою гражданскую одежду (ту, что Шибанов когда-то привез ему в Норильсклаг), сандалии и кепку. Теркин, проводивший его до реки, забрал военную форму, и ткнул пальцем в том направлении, где в ограде была прорезана щель.

— Ну, ни пуха тебе, Николаич, — сказал он, сильно ударяя Льва по плечу. — Привези там что-нибудь из столицы.

Гумилев бесшумно — сказывались уроки Жерома — пересек реку и переоделся в гражданское. Найти указанную Теркиным дыру оказалось несложно — сложнее было протиснуться в нее, не порвав одежду. Наконец, Лев оказался на вспаханном поле за оградой.

— Получилось, черт возьми! — воскликнул он и поднял голову к небу. В небе плыли легкие, как пух, облачка. Лев чувствовал себя таким же облачком, невесомым и свободным.

До деревни он добрался за пятнадцать минут, и у бабки, снабжавшей Теркина самогоном, выяснил, как отсюда люди добираются до Москвы. Дальше все пошло как по маслу: он подсел на телегу к словоохотливому дедку, лошадка которого везла хрестоматийный хворосту воз, и довольно скоро оказался на московской трассе.

Вскоре рядом с ним затормозила старенькая полуторка. Водитель, чумазый веселый парень, высунулся из окна.

— Что, земеля, в Москву?

Гумилев кивнул.

— Залезай!

В кабине жутко воняло дешевой махоркой. Лев полез в карман и вытащил пачку «Дели».

– Ух ты! – воскликнул водитель. – Уважаю марку! Откуда такая роскошь?

– Да выдают нам. Хочешь – бери, у меня еще есть.

Водитель сгреб несколько папирос, одну засунул за ухо, вторую – в рот, остальныесыпал в карман.

– Богато живешь, земеля! Сам откуда?

– Из Ленинграда. Здесь на учебе.

Лев предполагал, что расспросы могут продолжиться, и подготовил правдоподобную версию, исключавшую вариант с самоволкой, но водителя его история, как видно, не очень интересовала.

– А я костромской, – сказал водитель. – В армию не взяли, у меня, видишь, рука одна сухая, а шоферить – пожалуйста.

– Как же ты одной рукой-то? – изумился Гумилев.

– Да чего там делать! Я вообще без рук могу. Передачи вон зубами переключаю, хошь, покажу?

И парень заливисто расхохотался.

Под шутки и прибаутки веселого водителя до Москвы доехали быстро. Впрочем, Гумилев помнил, что когда его вез на базу похожий на похоронного агента полковник, дорога от дачи Берии заняла не больше полутора часов.

– Ну, вот и столица, – сказал парень, когда они въехали в город. – Тебе куда?

– Хорошо бы в центр.

– Извини, земеля, я сейчас в Сокольники. До Красносельской могу еще подкинуть, а дальше уж сам. Идет?

Когда Лев вылезал из кабины у станции метро «Красносельская», водитель вдруг протянул ему левую руку – была она совершенно здоровая, ничуть не сухая.

– Грамотно я тебя наколол? – спросил водитель, сам же засмеялся своей шутке и, лихо развернувшись поперек Краснопрудной улицы, рванул обратно к Сокольникам.

Гумилев, улыбаясь, смотрел ему вслед.

Июльская Москва навалилась на него, как наваливается на человека большая и добрая собака, сенбернар или ньюфаундленд. Московский воздух был тяжелым и вязким, и липкий сок тополей капал Гумилеву на плечи, как капают слюни из жаркой собачьей пасти.

Лев не торопясь прошелся по утопающей в зелени Краснопрудной до Трех вокзалов, спустился в метро и доехал до «Площади Свердлова». Вышел и остановился в раздумье – куда идти дальше. Москву он, как всякий уважающий себя ленинградец, считал городом запутанным и нелогичным, поэтому маршрут следовало выбирать так, чтобы не заблудиться. В конце концов он свернул к гостинице «Москва», дешел до Красной площади, над которой висели заградительные аэростаты, полюбовался золотыми маковками Кремля, и повернул обратно. Широченная улица Горького была торжественно пуста; только сверху, от Пушкинской площади, неспешно катился разноцветный, синий с желтым и зеленым троллейбус. Витрины больших магазинов были заставлены мешками с песком, но двери магазинов были открыты, а значит, они работали. Лев ради интереса зашел в один: продуктов было немного, и все они выдавались по карточкам. Карточек же у него не было.

Из всех продуктов ему, впрочем, был нужен только один, в магазине отсутствовавший. Лев потолкался в очереди, присмотрел интеллигентного вида старичка в золоченых очках, и, когда тот обменял свои карточки на хлеб и сахар, вышел на улицу вслед за ним.

– Прошу прощения, вы не могли бы мне помочь? Дело в том, что мне очень нужно купить шоколадных конфет. А в магазине, я вижу, их не продают.

Старичок изумленно взорвался на него.

– Шоколадных конфет? Молодой человек, да вы, наверное, смеетесь! Шоколада нет в Москве с начала войны!

Такого Лев не ожидал. Он почему-то думал, что в Москве есть все, надо только поискать.

– А зачем вам конфеты? – подозрительно спросил старишок, оглядывая Льва с головы до ног. – Вы что, сладкоежка?

– Нет, – засмеялся Гумилев. – Мне нужно... в подарок девушке. Это очень для меня важно.

Старишок прищурил бесцветные глазки.

– Ну, раз для девушки, то я вам скажу. Поезжайте на колхозный рынок. Если у вас есть деньги, а еще лучше – что-нибудь на обмен, вы сможете достать там ваши конфеты. Но имейте в виду, это будет дорого!

– Спасибо! – поблагодарил старишку Лев. – А где находится этот рынок? Я в Москве совсем недавно, и плохо здесь ориентируюсь...

– Рынков много, но вы идите на Цветной бульвар, молодой человек. Там самый лучший рынок и самые свежие продукты. Вам объяснить, как идти?..

Стоило Льву свернуть с улицы Горького, как он словно попал в другой город. Вдоль всего Тверского бульвара стояли крытые брезентом армейские грузовики, окна домов были закрыты грубо сколоченными деревянными ставнями, кое-где на крышах виднелись тонкие силуэты малокалиберных зениток. Еще совсем недавно Москва была прифронтовым городом, всего полгода назад немецкие мотоциклисты проводили рекогносцировку в районе Сокола. Но сейчас враг был отброшен на сотни километров к западу, и город вновь жил своей обычной жизнью, оставаясь при этом спокойным и собранным, как опытный боксер, только что выдержавший тяжелый раунд. Лев шел по улицам, выискивая взглядом следы бомбардировок, но ничего похожего не видел. Потом он понял, что встречавшиеся время от времени пустые асфальтовые площадки обозначают места, где когда-то стояли дома, разрушенные немецкими бомбами.

Он спустился вниз по залитому закатным светом Петровскому бульвару. На углу Крапивинского переулка он едва не налетел на выросший как из-под земли военный патруль.

– Осторожнее, студент! – засмеялся командир патруля. – На свидание, что ли, спешишь?

– Да, – автоматически ответил Лев. – На свидание.

«Вот влип, – подумал он, – сейчас потребуют предъявить документы, а что я им покажу? Справку из лагеря?»

– Ну так беги, – подмигнул ему лейтенант. – Хотя она, конечно, все равно опоздает.

Гумилев заставил себя улыбнуться и опустил руку, тянувшуюся к карману пиджака. Как же он сразу не сообразил? Патруль был военный, а он одет в гражданскую одежду. Но почему лейтенант назвал его «студентом»? Ему все-таки почти тридцать!

– Спасибо, товарищ лейтенант!

Он заскочил в первую же попавшуюся на пути парикмахерскую и долго разглядывал себя в зеркало. Вместо угрюмого худящего зэка, который месяц назад вышел за ворота Норильского склада, на него смотрел довольно упитанный розовощекий молодой человек вряд ли старше двадцати трех-двадцати четырех лет.

– Желаете побриться? – спросил пожилой парикмахер. – Или стрижечку?

– Нет, – пробормотал Лев, пятясь к выходу. – Нет, я лучше потом зайду...

«Мне никто не поверит, – подумал он. – Если я наткнусь на военный, а на милиционский патруль, меня примут за шпиона. Таких ЗК не бывает».

Нужно было скорее делать то, ради чего он сорвался в самоволку. В кармане его пиджака похрустывали две струны рублей – таким богатым Лев не чувствовал себя уже много лет.

Центральный рынок поразил его воображение – Лев с трудом представлял себе, что в военное время на прилавках может быть

такое изобилие. Везде высились горы овощей и фруктов, упоительно щекотал ноздри аромат свежей зелени, расплавленным золотом светились банки с подсолнечным маслом, белели крупные деревенские яйца. В мясных рядах густо пахло парной говядиной и свининой, вытянув копытца, грустно лежали молочные поросыта, кое-где попадались довольно упитанные куры и гуси.

Лев ходил вдоль рядов, делая вид, что приценивается к товару. Цены были совершенно фантастическими – за килограмм свинины просили четыреста рублей, за килограмм сливочного масла – восемьсот, за десяток яиц – сто пятьдесят. Гумилев начал сомневаться, что суммы, которую он еще час назад считал вполне приличной, хватит ему для осуществления задуманного.

Двести рублей выдали ему когда он покидал лагерь – это было премиальное вознаграждение за последние два месяца работы в шахте¹³. Что стало с остальными деньгами – а за четыре года в Норильскомлаге Лев, разумеется, заработал гораздо больше, он не спросил – в тот момент его занимали совсем другие вопросы. Поскольку на базе «Синицы» тратить деньги было абсолютно не на что, Гумилев чувствовал себя счастливым обладателем ключей от сейфа с миллионами. Но вот теперь выяснилось, что денег, на которые в лагерном ларьке можно было купить достаточно продуктов, чтобы устроить пир всему бараку, здесь, на Центральном рынке, не хватило бы даже на триста грамм сливочного масла.

Он несколько раз спрашивал про конфеты у продавцов мяса и овощей, но все только смотрели на него как на сумасшедшего, или крутили пальцем у виска. Наконец, сердобольная бабулька, торговавшая свеклой по пятьдесят рублей за кило, тайком показала Льву внушительного вида усатого толстяка, стоявшего за прилавком с фруктами.

¹³ Это может показаться удивительным, но заключенные ГУЛАГа получали зарплату (она называлась «денежным» или «премиальным» вознаграждением). Вознаграждение это обязательно зачислялось на личный счет заключенного. В течение месяца работающим заключенным деньги выдавались в сумме, не превышающей месячного премиального вознаграждения. Кроме премиального вознаграждения, заключенным, в зависимости от поведения их на производстве и в быту, могли быть выданы с разрешения начальника лагерного подразделения и личные деньги в сумме не более 100 руб. в месяц.

– Вот у него спроси, милок, дядя Боря все знает, где что купить, как что продать...

Лев последовал ее совету. Усатый дядя Боря, казалось, совершенно не удивился.

– Тысяча рублей, – сказал он с заметным южным акцентом.

У Гумилева отвисла челюсть.

– Сколько?

– Тысяча, дорогой. Сейчас война, так? А конфеты – баловство. Когда война, баловство дешево стоить не может.

Лев выругался сквозь зубы, повернулся и побрел прочь.

– Эй, студент, – крикнул ему в спину дядя Боря, – хорошо, за восемьсот отдам!

С тем же успехом он мог предложить Льву скинуть цену в два раза. Гумилев шел мимо дурманящих запахами продуктов, думая о том, что в это самое время в двухстах километрах к северо-западу однополчане Теркина сидят в окопах и грызут испеченный из картофельных отрубей хлеб. А в его родном Ленинграде люди умирают от голода, потому что у них нет даже такого хлеба.

Он шел, опустив глаза в пол, и не заметил, как налетел на хорошо одетую полную даму, едва не выбив у нее из рук авоську с овощами.

– Осторожнее, молодой человек! – закричала дама, с силой отталкивая его в сторону. – Смотреть же надо, а то несется, как танк!

– Прошу прощения, мадам, – Лев учтиво поклонился, – я просто задумался.

– Господи! – из-за широкой спины дамы выдвинулся низенький мужчина в рубашке-сетке и шляпе-канотье. – Это же Левушка! Полинька, это же Левушка Гумилев, сын Аннушки! Левушка, дорогой, что ты здесь делаешь?

Гумилев непонимающе глядел на мужчину.

– Ну, Лева! – укоризненно протянул тот. – Нехорошо забывать старых друзей!

И тут Лев его вспомнил.

Это был Петр Петрович Анцыферов, московский друг последнего маминого мужа Коли Пунина. Петр Петрович вместе с Полинькой (бывшей тогда раза в два стройнее) частенько приезжали в Ленинград и останавливались в большой квартире Пуниных в Фонтанном доме. Лев не любил их приезды – Пунин, ссылаясь на то, что в доме слишком много народа, выгнал его ночевать к друзьям, приговаривая при этом: «В конце концов, я же не могу кормить весь Ленинград!». Умом Лев понимал, что Анцыферовы здесь не при чем, а Пунин просто жмот, использующий их визит как предлог, чтобы сбагрить с глаз долой нелюбимого пасынка, но поделать с собой ничего не мог. Поэтому сейчас он смотрел на Петра Петровича, не выражая ни малейшей радости по поводу нечаянной встречи.

– Здравствуйте, Петр Петрович, – сказал он сдержанно. – Здравствуйте, Полина Аркадьевна. Еще раз прошу прощения, что толкнул вас.

– Господи, да какая ерунда! – всплеснул руками Анцыферов.
– Левушка, ты непременно должен нам все рассказать! Как у вас дела? Как матушка? Как поживает Николай Николаевич?

– Левушка, ты торопишься? – снизошла к Гумилеву царственная Полина Аркадьевна. – Может быть, зайдем к нам, выпьем чаю?

– Благодарю вас, – церемонно ответил Лев, – но я, к сожалению, действительно спешу.

В этот момент легкая тень пробежала по добродушному круглому лицу Петра Петровича, и он незаметно толкнул супругу локтем в бок.

– Левушка, – пробормотал он, – а как же... тебя что, выпустили?
Лев физически почувствовал страх, густой волной исходивший от Анцыферова. Страх – и еще желание оказаться как можно дальше от опального сына Ахматовой и Гумилева.

– Реабилитировали подчистую, – сказал он весело. – А вот что с мамой, я не знаю. Вы давно ее не видели?

– О, очень давно, – ответила Полина Аркадьевна. – Она, кажется, в эвакуации сейчас, в Ташкенте. Там, говорят, гораздо лучше с продуктами, чем у нас.

– Куда уж лучше, – криво усмехнулся Лев, обводя рукой ломившиеся от еды прилавки. – Только вот цены, конечно, фантастические. Тысячу рублей за коробку конфет!

– Левушка! – Петр Петрович, которого после слов «реабилитировали вчистую» слегка отпустило, выглядел изумленным. – Ты что, пришел покупать конфеты на Центральный рынок? Вот же святая простота! Все, что производится государственными предприятиями, продается не здесь.

– А где же? В магазинах все по карточкам...

– Существует еще такая вещь, как черный рынок, – доверительно понизив голос, сказал Анцыферов. – И там ты свои конфеты сможешь купить рублей за триста, а если повезет, то еще дешевле!

– И где же этот черный рынок находится?

Петр Петрович и Полина Аркадьевна переглянулись.

– Это не какое-то конкретное место, понимаешь? Но если хочешь что-нибудь такое купить не по карточкам, то лучше всего походить по переулкам вокруг Колхозной площади. Это совсем недалеко отсюда. Только я тебе ничего не говорил!

– Спасибо, Петр Петрович, вы меня очень выручили! Я, пожалуй, побегу, а то у меня скоро увольнительная заканчивается...

Зачем Лев сказал про увольнительную, он и сам не очень понял. Видимо, сыграло роль тщеславие – пусть эти надутые москвичи видят, что перед ними не просто вчерашний ЗК, а боец Красной армии, пусть даже и в штатском.

– Беги, конечно, Левушка, – с облегчением сказал Петр Петрович. – Если увидишь матушку или будешь ей писать, передавай от нас привет ей и Коленьке!

– Непременно! – пообещал Гумилев. – Но и вы, пожалуйста, если представится такая возможность, сообщите ей, что я жив-здоров и со мной все в порядке.

Из здания Центрального рынка он вылетел, как ошпаренный. Было уже совсем поздно, а ведь ему еще предстояло возвращение на базу. Пробежавшись по вечерней прохладе вдоль Садового кольца, Лев свернул на Сретенку и тут же заблудился в лабиринте похожих один на другой переулков.

Здесь был какой-то совсем другой город: скрытный, темный, населенный тихими серыми людьми, мелькавшими в арках старых домов, внимательно наблюдавшими из окон, присматривавшимися к чужаку – зачем он здесь? чего ему надо? Несколько раз Лев вскидывал голову, ловя настороженный взгляд из окна – но ничего в окне не было, только колыхалась занавеска. Никаких следов черного рынка он не находил – и уже совсем было решил, что Анцыферовы ввели его в заблуждение, когда из полутемной подворотни его окликнули.

– Эй, парень, ищешь чего?

Гумилев обернулся, присмотрелся. К стене подворотни прислонилась невысокая женщина в по-деревенски повязанном платке. Подходить к ней не хотелось, но это все-таки был шанс, хотя и призрачный. Лев обреченно шагнул в тень.

– Мне нужно кое-что купить.

Тетка была пожилой, лет шестидесяти. Но лицо у нее было круглым и сытым, а глаза – внимательными и цепкими.

– Что купить-то?

– Конфеты, – сказал Лев, стыдясь своей наивности. – Шоколадные.

– Шоколад есть, – проговорила тетка равнодушно. – «Гвардейский». Восемьдесят рублей плитка.

«А цены здесь божеские», – подумал Лев.

– Мне нужны именно конфеты.

– Нету конфет, – отрезала тетка. – Шоколад брать будешь?

Лев покачал головой. «Гвардейский» им выдавали и так – в нем было повышенное содержание теобромина, и он считался незаменимой пищей диверсантов.

Он уже повернулся, чтобы выйти обратно на улицу, и тут тетка вдруг дернула его за рукав.

– Погоди, – сказала она. – А денег сколько дашь?

– А сколько надо?

– Двести.

Лев вздохнул. Он хотел купить еще цветов, но их, в отличие от конфет, можно было нарвать на клумбе.

– Двести дам. Так что, есть все-таки?

– Есть, кажется, одна коробка. Но старая, с довоиной осталась. «Южная ночь». Пойду, посмотрю сейчас, если на месте лежит, принесу.

Тетка сделала какое-то трудноуловимое движение и исчезла – как показалось Гумилеву, войдя прямо в стену дома. Он пригляделся – в стене имелась дверь, но такая узкая и темная, что разглядеть ее было непросто.

Он подождал несколько минут. Тетки не было. Лев решил вернуться на улицу и дождаться ее там – в подворотне было неуютно и воняло кошачьей мочой.

Внезапно в подворотне стало еще темнее. Дорогу Льву заступили две широкоплечие фигуры.

– Эй, фраер, – проговорил хриплый, словно простуженный, голос. – Клифт снимай, гаманец сюда клади. И быстро, тогда живой уйдешь.

Гумилев даже не успел понять, что произошло. В одно мгновение все, чему он учился последний месяц, сошло с него, как сходит кожа с ошпаренной кипятком руки. Он снова был в лагере, и перед ним снова стояли урки.

– Это что еще за фартыпер, – угрожающе спросил он, – будет тут под косматого косить? Ты за грача меня держишь, баклан? Смотри, чтоб я тебя за сам за хомут не подержал.

– Знает музыку, – удивленно сказал второй. – Битый фраер. Ты, Сеня, подожди его щупать...

Но хриплый не внял голосу разума.

– За хомут? – ощерился он, и в руке его сверкнул нож. – Ну, подержи, сука!

В следующую секунду нож звякнул об асфальт, а хриплый Сеня скорчился от боли, получив коленом в бок. Гумилев уже стоял у него за спиной, крепко держа пальцами за кадык.

Это оказалось так просто – гораздо проще, чем снять часового – что Лев удивился больше, чем бандиты. Второй урка благоразумно отступил и поднял ладони кверху.

– Ладно, ладно, – сказал он примирительно. – Ты на блатного не очень-то похож, вот и обознались мы...

– Ну и канайте дальше, – буркнул Лев. Он удостоверился, что хриплый не представляет опасности и оттолкнул его по дальше от себя. Наклонился и поднял с асфальта нож – это оказалась остро заточенная финка с разноцветной наборной рукоятью.

– Было ваше, стало наше, – сказал он, опуская финку в карман. Сеня простонал что-то о том, что он сделает с оборзевшим фраером, когда немножко отдохнется.

– Исчезли оба, – велел Лев. – Пока я этого фуфлыжника на глухо не загасил.

Благоразумный бандит подхватил Сеню под мышки и поволок куда-то в глубину подворотни.

Гумилев поспешил выйти на улицу. Легкость, с которой он дал отпор гоп-стопщикам, пьянила и кружила голову, и это было опасно. Несколько он знал такую публику, они могли вернуться в любой момент и в куда большей компании, а то и со стволами.

– Ты далеко собрался, парень? – спросил знакомый уже женский голос.

Тетка опять стояла в подворотне – как будто и не уходила никуда. В руках она держала какой-то сверток.

– Вот твои конфеты. Давай, иди, расплачиваться будем.

– Нет уж, – сказал Лев. – Хочешь продать – иди сюда.

Он быстро огляделся. Переулок был пуст в обе стороны, только у водосточной трубы сидела, почесываясь, облезлая рыжая псина.

Тетка, недовольно щурясь, подошла к Гумилеву и продемонстрировала ему сверток, завернутый в папиросную бумагу и перевязанный синей ленточкой. Тетка потрясла его – внутри что-то застучало.

– Разверни, – велел Гумилев.

– Ты что? – возмутилась тетка. – Думаешь, я тебя обманывать стану?

К этому моменту Лев был уже уверен, что гоп-стопщики появились в подворотне не случайно. Тетка была наводчицей, и ожидать от нее можно было чего угодно. Поэтому он повторил железным голосом:

– Разверни.

Это действительно оказалась коробка конфет «Южная ночь», в которой лежали настоящие шоколадные сердечки и ромбики. Кое-где шоколад покрылся светло-коричневым налетом, но Лев решил, что счистить его будет делом пяти минут.

– Ну, убедился, Фома Неверующий? – прошипела тетка. – Гони деньги.

Гумилев отдал ей двадцать мятых лагерных червонцев, забрал коробку и быстрым шагом направился в направлении Сретенки.

В четыре часа утра, с коробкой конфет и букетом цветов, сорванных в разрушенном немецкой артиллерией Ботаническом саду (там среди разбитых оранжерей и воронок от снарядов цвели невероятной красоты бархатные розы) Лев вернулся к дыре в ограде базы «Синица». Он устал как собака – полдороги от Москвы ему пришлось идти пешком, пока сердобольный колхозный шофер не посадил его в кузов перевозившего овощи грузовичка. Брюки его были в грязи до колена, рубашка пахла капустой. И все же он был счастлив, как, наверное, мог быть

счастлив средневековый рыцарь, заколовший дракона и чудом оставшийся после этого в живых.

Лев аккуратно протолкнул в щель букет и конфеты. Потом полез сам, и тут накопившаяся усталость подвела его – он зацепился рубашкой за проволоку. Попытался перевернуться на бок, чтобы попробовать вытащить проволоку, и услышал треск разрываемой ткани.

Лев выругался на фарси – эту привычку он приобрел после туркестанской экспедиции, персидские ругательства были цветисты и очень ему нравились – и замер. Ему показалось, что невдалеке послышались шаги.

Неужели часовых выставили и в эту ночь? Но зачем? До вчерашнего дня периметр базы охранялся из рук вон плохо, не зря же Теркин бегал в деревню, как к себе домой. Может быть, есть еще какая-то группа, которой тоже устроили экзамен?

Шаги приближались. Лев дернулся, но вышло только хуже – острый конец проволоки, пробив ткань, впился ему в кожу.

Из сероватой предрассветной мглы выступил человек в военной форме. Остановился, рассматривая лежащие на траве розы, потом сделал еще шаг и склонился над попавшим в ловушку Гумилевым.

– Ну что, Николаич, вернулся? – спросил человек голосом Теркина. – А то тут уже полный шухер. Жорка наш из Москвы приехал, хотел с тобой о чем-то поговорить, а тебя-то и нет. Ну, пришлось сказать, что ты в расстроенных чувствах бродишь где-то у реки. Так он отправил меня тебя искать.

– Давно? – прошептал Лев.

– Да уж часа три.

Василий отогнул кусок проволоки, за который зацепился Гумилев и помог ему вылезти из дыры.

– Форма твоя у меня с собой. Давай, Николаич, переодевайся, и пойдем сдаваться. А трофеи твои я пока что у нас в комнате спрячу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Большой дом

Ленинград, июль 1942 года

Здание в начале проспекта Володарского (до революции – Литейный проспект), дом 4 – 6, известное также как Большой дом – считалось самым страшным местом в городе.

О нем ходило множество черных легенд. Говорили, что под землей в нем столько же этажей, сколько и над ней – то есть еще восемь. Шептались, что на верхнем этаже выстроенного в 1932 году административного корпуса держат пленных высокопоставленных немецких офицеров, и поэтому летчики Люфтваффе не бомбят это здание. Слухи слухами, но за год блокады на Большой дом действительно не упало ни одной бомбы, а четная часть проспекта почиталась наименее опасной во время артобстрелов. Вот только не торопился никто прятаться от рвущихся мин и снарядов под сенью монументального монстра, занимавшего целый комплекс зданий ОГПУ – НКВД; слишком велик был страх перед адресом, куда вызывали и откуда уже не возвращались. На протяжении десяти лет здесь исчезали люди – кто надолго, а кто и навсегда.

Рольф разглядывал Большой дом в бинокль с чердака дома, углом выходившего на улицу Чайковского¹⁴. Раухер примостился у стены, сидел на корточках и смолил очередную папиросу. Рольфа эта его привычка начинала бесить.

– Расскажите мне еще раз про систему охраны, – попросил он Раухера.

¹⁴ Это был бывший доходный дом на углу Литейного и ул. Чайковского, снесенный в 2006 г.

Агент Раухер, он же администратор ленинградской филармонии Николай Леонидович Морозов, был сексотом, или, проще говоря, осведомителем НКВД. Его завербовали в тридцать седьмом, как человека, имеющего множество знакомых в среде интеллигенции. Вот бы удивились энкавэдешники, если бы узнали, что вербуют германского «крота», подумал Рольф. Но они, конечно, ни о чем не догадывались – просто им был нужен человек, который регулярно сообщал бы о настроениях в среде ленинградских меломанов.

Как секретный сотрудник, Морозов довольно часто посещал Большой дом. За пять лет работы на чекистов он побывал на разных этажах и в разных помещениях здания, и хорошо знал, где расположены посты охраны. Когда Рольф изложил ему свой план, Раухер поначалу пришел в ужас, но потом согласился, что проникнуть в Большой дом может оказаться проще, чем это кажется на первый взгляд.

– Знаете, – сказал он Рольфу, – у ленинградцев есть такой анекдот. Идут двое по Литейному, останавливаются возле дверей Большого дома. А там, видите – висит табличка «Постоянным вход воспрещен». И тут один ленинградец спрашивает другого: «А если бы было разрешено, ты бы сам вошел?»

– На это весь расчет, – кивнул Рольф. – Может быть, оттуда трудно выйти, но вряд ли русские ждут, что кто-то по доброй воле полезет в логово НКВД с улицы. Мы проникнем туда ночью, когда кроме дежурных в здании не будет никого.

– В Большом доме никогда не спят и там всегда есть люди, – возразил Раухер. – Но во время сильных артобстрелов и бомбёжек весь персонал спускается в бомбоубежище. Под зданием есть огромный подвал, где может укрыться больше тысячи человек. Я был там дважды, туда спускаются даже охранники.

– Отлично, – сказал Рольф. – Значит, мы навестим особистов во время бомбёжки.

Теперь коммандос сидели на чердаке и ждали, когда над городом загудят тяжелые моторы самолетов Люфтваффе.

Капитан Шибанов прилетел в Ленинград за пять минут до полуночи. У-2 сел на аэродроме в Озерках. Аэродром был еще тот – небольшая взлетно-посадочная площадка длиной чуть больше километра и два деревянных домика. На поле стояли несколько раскрашенных в маскировочные цвета МиГов, пара стареньких И-15 и даже один американский «Киттихоук». Местность была совершенно дачная: сады, озера и никакого намека на близость Ленинграда, разве что Шуваловский карьер неподалеку.

– Ну, кто тут в город едет? – спросил Шибанов, входя в неказистую хибару, на двери которой висела гордая надпись «Комендант аэродрома». – Я с ним.

Довольно быстро выяснилось, что никто из находившихся в Озерках военнослужащих в Ленинград не собирается. А если бы и собирался, то ехать все равно было не на чем: полчаса назад на единственной полуторке отбыли на передовую переброшенные из-под Вологды артиллеристы.

– Такое, значит, отношение, – проговорил капитан с непонятной (но чрезвычайно не понравившейся коменданту) интонацией и потребовал телефон – позвонить в управление НКВД.

В управлении, после некоторых колебаний, пообещали выслать за капитаном мотоцикл с коляской. О том, что этот мотоцикл должен был поджидать Шибанова к моменту его прилета, дежурный по управлению слышал впервые в жизни и искренне этому обстоятельству удивился, из чего капитан сделал вывод, что шифrogramма из Москвы, сообщавшая о его визите, застряла где-то по пути.

Вопреки известной пословице, утверждающей что хуже нет – ждать и догонять, капитан Шибанов догонять вполне любил и умел. Да и против ожидания (например, в засаде) он ничего не

имел, если только на это ожидание не расходовалось драгоценное время. Сейчас же, расхаживая вдоль взлетно-посадочной полосы, он ярился, как тигр, запертый в тесной клетке. Задание было предельно простым: забрать из архива Большого дома личное дело Льва Гумилева и отыскать в спецхранилище изъятые у него при аресте предметы. Сесть на самолет и вернуться обратно в Москву. Точка. Все это при некоторой сноровке можно было выполнить за двенадцать часов – три часа полета до Ленинграда, три часа на обратную дорогу, шесть часов на то, чтобы найти фигурку попугая и карту. Недопустимо много, учитывая тот факт, что уже идет ночь с воскресенья на понедельник, а завтра день рождения Кати. Конечно, отмечать она будет не раньше девяти, после того, как закончатся занятия, но если полночи ожидать мотоцикла, то можно не успеть и к вечеру.

Короче говоря, Шибанов был в бешенстве, и не преминул сорвать накопившуюся злость на ни в чем не повинном мотоциклисте, появившемся в Озерах только в начале шестого утра.

– Стесняюсь спросить, – ледяным голосом осведомился капитан, – как называется ваш удивительный агрегат, сержант? Может быть, это самодвижущаяся коляска Уатта? Или паровоз братьев Черепановых? А почему я не вижу перед ним марширующего трубача, который должен предупреждать граждан об опасности попасть под колеса этого чуда техники?

Сержант растерянно хлопал глазами, явно не успевая следить за потоком красноречия московского гостя.

– Так точно, – сказал он, когда капитан, наконец, иссяк.

– Что – «так точно»? – рявкнул Шибанов. – Ты почему пять часов сюда добирался? Я бы за это время пешком до Литейного дошел!

– Так обстрелы ведь, – пожаловался сержант. – Когда стреляют, ехать нельзя.

– Болван, – сказал Шибанов, плюнув на землю. – Чтоб обратно домчал меня, как птица-тройка удалая. Все понятно?

– Так точно, – отозвался сержант и завел мотор.

Они проехали проспект Энгельса, выехали по прямой на проспект Карла Маркса (мелькнул по ходу Сампсониевский собор со снятыми колоколами), вырулили на Пироговскую набережную и стрелою понеслись по ней, когда акварельное небо разорвалось над ними с оглушительным треском. В воздухе что-то зашипело, словно на раскаленную сковороду плеснули масла, и угол здания, к которому они подъезжали, с грохотом обрушился на мостовую. Мотоциclist вильнул и объехал гору обломков.

– Обстрел! – крикнул он, оборачиваясь к Шибанову. – Надо в подворотню спрятаться!

– Я тебе дам – прятаться! – рявкнул капитан. – Гони давай, инвалидная команда!

Ветер наотмашь бил ему в лицо. Пространство расползлось перед Шибановым, словно ветхая ткань. И слева и справа ухало и гремело, шрапнелью летели каменные осколки, но мотоцикл, подбадриваемый веселым матерком капитана, изо всех сил несся к назначеннной цели..

Потом Шибанов увидел, как поперек дороги медленно падает вырванный из асфальта фонарный столб. Вырванный из асфальта взрывной волной, он падал так медленно, что капитан до последнего надеялся проскочить. Не успели – столб рухнул аккурат перед ними, мотоцикл налетел на него передними колесами, перекувырнулся в воздухе и рухнул.

Разлеживаться на острых обломках мостовой Шибанов не стал. Поднялся, отряхнул гимнастерку, помог встать ошарашенному сержанту. Мотоцикл лежал на боку, одного колеса у него не было.

– Последний рейс «Веселой черепахи», – заметил Шибанов сочувственно. – Что ж, машинку все равно уже давно было пора сдавать в утиль.

В двадцати метрах от них разорвался снаряд, обдав их каменной крошкой. Сержант испуганно присел.

– Вот что, – проговорил Шибанов, глядя на него сверху вниз.
– Тут пешком долго ли добираться?

Сержант помотал головой.

– Да нет, километра два осталось. Товарищ капитан, давайте переждем обстрел, и за меньше, чем за полчаса доберемся.

– Беги, сержант, – махнул рукой Шибанов. – Прячься. А я, пожалуй, пойду. Ты мне только дорогу объясни.

До Большого дома он не дошел совсем немного. Неподалеку от моста вдруг тяжело грохнуло сзади, и капитан чувствовал, что его подхватывает и несет на большой мягкой ладони невидимый гигант. Потом гигант со всего размаха швырнул его лицом на мостовую, и Шибанов потерял сознание.

Авианалет начался в три часа ночи. Тишина над городом наполнилась ревом моторов, вдали загремели первые взрывы, затряслась земля. Рольф не шелохнулся, продолжая наблюдать в бинокль за главным входом в Большой дом.

– Сейчас там зазвучал сигнал воздушной тревоги, – сказал из угла Раухер. – Через десять минут весь персонал будет в бомбоубежище.

– Отлично, – не оборачиваясь, ответил Рольф. – Через пять минут выходим на улицу.

Морозов сунул в рот очередную папиросу.

– Да, кстати, – добавил Рольф, – курево оставите здесь.

– Это еще почему?

– Дым демаскирует. Вас этому не обучали?

– Я не полевой разведчик, – буркнул Раухер. – Я, между прочим, профессиональный музыкант...

Он чувствовал себя скверно. Надежда вырваться из мертвого города, вспыхнувшая было при виде сильных и уверенных в себе парней Отто Скорцени, гасла с каждой минутой. И зачем только он согласился на эту авантюру?

– Значит, парень, за которым мы сюда пришли, сидит в лагере, – задумчиво сказал Рольф, прочитав последнее из писем Льва Гумилева сестре. – В таком случае нам нужно добыть хотя бы найденные им предметы.

– Как это – «добыть»? – спросил Раухер. – Их же забрали следователи НКВД!

– А мы заберем их обратно, – спокойно ответил Рольф.

– Это безумие! Что такого ценного в этих предметах, чтобы лезть прямиком в пасть тигру?

Рольф посмотрел на него и улыбнулся.

– Я не знаю. Но этот парень и его находки заинтересовали больших людей в Берлине настолько, что они уговорили старину Отто рискнуть тремя своими лучшими головорезами. Значит, что-то в них все-таки есть.

Раухер пожал плечами. После того, как Рольф на его глазах хладнокровно задушил Елену Гумилеву, он побаивался этого вечно улыбающегося диверсанта. Кроме всего прочего, Рольф был чертовски проницателен.

– Признайтесь, дружище, вы ведь поддерживаете кое-какие неформальные отношения с местной тайной полицией? – спросил он, когда они вдвоем сидели у Морозова на кухне и ели разогретую на огне тушеницу. Раухеру все-таки пришлось поделиться с гостями своими консервами – их собственные запасы уже закончились.

– С чего вы взяли? – сердито буркнул Морозов.

– Слишком вы сытый, – усмехнулся Рольф. – Я за эти дни повидал немало ленинградцев – большинство из них похожи на ходячие скелеты. А у вас на кухне одних консервов двадцать банок. Откуда?

Раухер поерзal на табурете.

– Я предусмотрительно запасался продуктами.

– Сколько же вы их запасли? Два вагона? Если есть по банке тушеники в день, за год ушло бы не меньше трехсот шестиде-

сяти пяти банок. Бросьте, дружище. Консервы вам выдают по какому-то особенному пайку, не так ли?

Морозов молчал, сосредоточенно разглядывая стол.

– Потом, вы живете один в огромной квартире. Куда девались ваши соседи? Умерли от голода в то время, как вы обжирались тушеникой? Или логичнее было бы предположить, что их забрала тайная полиция? Например, по чьему-либо доносу. А поскольку вас не забрали, то сама собой напрашивается мысль, что этот донос написали вы. Соседи вам мешали, и вы от них попросту избавились. Ну, и карточки их, вероятно, забрали себе. Так?

– А вам-то что? – обозлился Раухер. – Каждый выживает, как умеет!

– Это верно, – добродушно согласился Рольф. – Мораль меня не интересует, это дело попов. А вот то, что действительно важно для меня и моего задания – это ваша осведомленность о том, что происходит внутри Большого дома.

Прижатый к стенке Морозов был вынужден рассказать все, что он знал о системе охраны ленинградского НКВД. «Это твой пропуск в фатерланд, – сказал ему Рольф. – То, что ты раздобыл адрес девчонки, конечно, хорошо, но этого мало. Поможешь нам отыскать предметы, и мы возьмем тебя с собой на ту сторону».

Командос, по-прежнему одетые в советскую военную форму, вышли из дома и споро пересекли проспект Володарского, который ленинградцы по привычке называли Литейным. На другом берегу Невы, бушевал сильный пожар – его отблески дрожали на серых стенах Большого дома, от чего здание казалось еще более зловещим. Раухер безуспешно пытался унять озноб.

К зданию НКВД подошли со стороны улицы Каляева. Здесь располагался еще один подъезд Большого дома, хорошо известный Раухеру – сексоты опасались заходить в здание через

главный вход. Рольф отсчитал четыре окна от этого подъезда и кивнул Хагену – давай.

В отличие от Рольфа и Бруно, Хаген не был профессиональным военным. До того, как присоединиться к мальчикам Отто Скорцени, он специализировался на кражах со взломом. Когда Скорцени понадобились специалисты в некоторых деликатных областях, он не поленился потратить несколько вечеров на изучение картотек тюрем Третьего Рейха и отобрал с десяток известных в криминальном мире персонажей. Хаген, мотавший пятилетний срок в тюрьме Штадельхайм за взлом сейфа в одном из мюнхенских банков, стал одним из самых удачных его приобретений.

В вещмешке Хагена находился плоский ящик с инструментами. Диверсант извлек оттуда алмазный стеклорез и четыре резиновые присоски. По знаку Рольфа Бруно опустился на четвереньки и Хаген влез к нему на спину. Сквозь грохот разрывов послышался противный звук разрезаемого стекла.

– Все готово, – сказал Хаген спустя минуту. – Осторожнее, я спускаюсь.

Он слез со спины Бруно, аккуратно держа в руках вырезанный стеклянный прямоугольник. Прислонил его к стене и одну за одной отлепил от него присоски.

– Можно лезть.

Раухер ошеломленно смотрел, как коммандос лезут в окно – быстрые, ловкие, как огромные кошки. Потом Рольф легонько подтолкнул его.

– Пошевеливайтесь, старина. Бруно подаст вам руку.

Морозов, двигаясь как во сне, ухватился за длинные сильные ладони Бруно и, скребя ботинками по стене, полез наверх. Миг он балансировал на подоконнике, потом спрыгнул на пол.

– Тише, – недовольно прошептал Бруно. Он держал в руке пистолет и цепко оглядывался по сторонам. – Шумите, как медведь в лесу.

В этот момент в уши Раухеру ввинтился пронзительный свист пикирующей «штуки». Где-то неподалеку оглушительно грохнула тяжелая авиационная бомба.

Бруно хлопнул его по плечу.

– А впрочем, можете шуметь. Вряд ли русские сейчас прислушиваются к каждому шороху.

– Где мы сейчас? – спросил Рольф, забравшийся в окно последним. – Вы можете провести нас к центральной лестнице?

Морозов огляделся. Они находились в каком-то кабинете в левом крыле здания.

– Могу, – сказал он. – За дверью должен быть коридор, он-то нам и нужен.

– Бруно, зайдись маскировкой, – велел Рольф. – Хаген, открывай дверь, мы выходим.

К удивлению Раухера, Бруно вытащил из вещмешка свернутые в рулон советские газеты и сноровисто заклеил ими выбранное окно.

– Когда люди видят, что в окне нет стекла, это вызывает подозрение, – объяснил Раухеру Рольф. – Но когда они видят вместо стекла старые газеты, им кажется, что, возможно, здесь идет ремонт.

Хаген открыл дверь и высунул голову в коридор.

– Все спокойно, – доложил он. – Можно выходить.

– Идите первым, – приказал Рольф Раухеру. – И если наткнетесь на охрану, не оборачивайтесь и не давайте им понять, что за вами еще кто-то идет. Не бойтесь, в обиду мы вас не дадим.

Морозов скрипнул зубами. Он понимал, что его используют, как ягненка при охоте на тигра, и это было обидно, но спорить с командиром диверсантов он не осмеливался.

Длинный коридор был освещен слабыми мигающими лампочками. Под потолком с регулярными интервалами завывала сирена противовоздушной обороны.

Раухер, которому не раз доводилось бывать в этих стенах при свете дня, почувствовал липкий, обессиливающий страх. Ему показалось вдруг, что если он обернется, то обнаружит себя в полном одиночестве – под дрожащим мертвенным светом... Что может быть страшнее?

Он остановился, пытаясь унять разыгравшееся воображение, и тут же получил мягкий тычок в спину. Удивительным образом этот почти оскорбительный тычок мгновенно успокоил Раухера. Он двинулся дальше, дошел до поворота коридора и осторожно заглянул за угол.

Никого. Такой же длинный, пустынный коридор с рядами одинаковых дверей слева и справа.

Морозов махнул рукой, подавая знак диверсантам, и уже смелее пошел вперед.

Огромное здание выглядело непривычно пустым. И даже на посту охраны у главного входа, где обычно дежурили два сержанта госбезопасности, сейчас никого не было.

– Идем в архив, – скомандовал Рольф. – У нас мало времени, налет может закончиться в любую минуту.

– Я не знаю дороги, – покачал головой Раухер. – Я же говорил вам... Кто бы меня туда пустил? Все, что я знаю, это то, что он находится где-то в правом крыле здания. Во всяком случае, секретарши ходили за личными делами подследственных именно туда.

– Значит, идем в правое крыло. Остальное – наша забота.

Архив искали долго. Диверсанты передвигались по пустынным коридорам и лестницам бегом, и не слишком тренированный Морозов быстро начал задыхаться. В конце концов он отстал, и Рольфу пришлось возвращаться, чтобы тащить его на себе.

– Вы слишком много курите, – усмехнулся он. – Даже коммунистическая тушенка не идет вам впрок.

Наконец, после получаса бесплодных поисков, Бруно обнаружил в одном из коридоров дверь с табличкой «Архив».

Хаген вытащил из кармана несколько отмычек, надетых на стальное кольцо. Присмотрелся к замку, попробовал одну отмычку, затем другую. Наконец, замок щелкнул и дверь открылась.

Архив представлял собой длинное узкое помещение, от пола до потолка заставленное металлическими стеллажами. На стеллажах вплотную друг к другу стояли картонные и дерматиновые папки – личные дела тех, кто попал в жернова следственной машины НКВД.

– Ищите дело Гумилева, – велел Рольф. – Времени даю десять минут.

Коммандос разошлись между стеллажами. Раухер в изнеможении опустился на корточки и прислонился к стене. Ему невыносимо хотелось курить.

– Вот, нашел, – Бруно торжествующе поднял над головой толстую картонную папку. – Дело Гумилева!

– Ну-ка, покажи, – Рольф выхватил у него папку, взглянул на корешок и быстро перелистал страницы. – Нет, это не то. Это какой-то другой Гумилев, его расстреляли в двадцать первом году.

– Дайте посмотреть, – Морозов протянул руку. На сером картоне было каллиграфическим почерком выведено: «Личное дело поэта Гумилева Н.С.» Раухер раскрыл папку и на колени ему выпала старая пожелтевшая фотография снятого в профиль коротко стриженного молодого человека. У молодого человека был высокий лоб, длинноватый, правильной формы нос и резко очерченные татарские скулы.

– Это его отец, – сказал Морозов Рольфу. – У русских принято уничтожать врагов народа целыми семьями. Где вы нашли эту папку? Ищите поблизости, дело Льва Гумилева должно быть рядом.

Он положил фотографию обратно в дело и рассеянно перелистнул страницы. Протоколы допросов, чьи-то донесения, черновики стихов. Последняя страница дела поэта Гумилева

содержала выписку из заседания президиума Петроградской губернской ЧК: «Гумилев Николай Степанович, 35 лет, б. дворянин, филолог, член коллегии издательства «Всемирная литература», женат, беспартийный, б. офицер, участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, кадровых офицеров. Которые активно примут участие в восстании, получил от организации деньги на технические надобности».¹⁵ Под этим текстом стояла чья-то резолюция – «верно» и приписка – «Приговорить к высшей мере наказания – расстрелу».

Ни подписи, ни печати. Раухер хмыкнул и захлопнул папку.

Внезапно сирена, завывавшая под потолком, смолкла. Стало очень тихо.

– Ну что, парни, – рявкнул Рольф, – увольнительная кончилась! Начинаем работать всерьез!

Капитан Шибанов открыл глаза. Голова гудела, как церковный колокол.

– От души приложился, – пробормотал он. – Эх, имел бы мозги, было бы сотрясение...

Мир вокруг плыл и кружился, но сквозь мелькание разноцветных пятен капитан все-таки разглядел, что находится вовсе не на улице, а в выкрашенной свежей белой краской больничной палате.

– Это что за фокусы, – сказал он недовольно, – мне разлеживаться некогда...

Он попытался встать. Тело послушалось неожиданно легко – оно было как резиновый шарик, надутый теплым воздухом.

«Ну, вот так-то лучше», – подумал капитан. Карусель, крутившаяся перед глазами, раздражала и мешала ориентироваться.

¹⁵ Текст подлинный.

– Эй, сестра, – крикнул чей-то хриплый голос, – тут контуженный встал!

– Сам ты контуженный, – сказал хриплому Шибанов. – Ты лучше скажи, где тут дверь?

Он сделал шаг и тут под черепом снова разорвалась бомба. Шибанов почувствовал, что его затягивает вглубь гигантского калейдоскопа.

– Товарищ капитан! – донеслось до него из немыслимогодалека. – Вам же категорически нельзя вставать!..

«Катя?» – удивленно подумал Шибанов. – «А она-то что здесь делает?»

Ноги у него подкосились, и он тяжело рухнул на пол, ударившись подбородком о край железной кровати. Капитан, впрочем, этого уже не почувствовал – разноцветный водоворот успел затянуть его в темные и тихие глубины, где не было ни времени, ни боли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращение Зигфрида

Ленинград, июль 1942 года

В подвал вела узкая лестница, на ступенях которой сложно было разминуться двоим.

Разговоры о восьми подземных этажах, разумеется, оказались вымыслом досужих обывателей. Большой дом стоял слишком близко к Неве, чтобы зарываться глубоко в землю. Коммандос спустились на три пролета вниз и оказались перед выкрашенной коричневой краской металлической дверью. Табличка на ней извещала, что за дверью находится спецхранилище.

Для того чтобы открыть замок спецхранилища, Хагену потребовалось три минуты. Бруно щелкнул выключателем, и под низким сводчатым потолком загорелись зарешеченные лампочки.

За дверью располагался еще один пост охраны. Простой фанерный стол, стул, ящик с ключами на некрашеной цементной стене. На посту никого не было.

– Если у русских везде такой бардак, – хмыкнул Хаген, – то пожалуй, надо предложить папе Отто выкрасить из Кремля Сталина.

– В эти подземелья никто по своей воле не спускается, – сказал Раухер. – Говорят, тут где-то есть подвал с огромной электрической мясорубкой, куда кидают трупы тех, кто не выносит пыток. А кровь по специальной трубе сливают в Неву, отчего вода приобретает красноватый оттенок.

– Хватит болтать, – перебил его Рольф. – Нам надо найти этот чертов ящик. И чем быстрее мы его найдем, тем больше у нас шансов выбраться отсюда живыми и невредимыми.

В личном деле Льва Гумилева, которое, как и предполагал Морозов, обнаружилось на той же полке, что и дело его расстрелянного отца, говорилось, что изъятые у него вещественные доказательства были переданы в спецхранилище и находились в ящике М 58/77.

К счастью, долго искать спецхранилище не потребовалось: там же, в архиве, обнаружился подробный план Большого дома, датированный тридцать четвертым годом. В спецхран можно было спуститься со второго этажа левого крыла по специальней лестнице.

Само хранилище было оборудовано в подвале, напоминавшем средневековые винные погреба. Вдоль стен тянулись одинаковые металлические шкафы, выкрашенные грязно-зеленой краской. Шкаф, обозначенный М 0-100 нашли довольно быстро. Хаген вскрыл его очередной отмычкой из своего универсального набора. На одном из выдвижных ящиков стояла маркировка М 58/77.

– Вот оно, – удовлетворенно сказал Рольф. Он вытащил ящик и вытряс его содержимое прямо на пол. Шкатулка из светло-желтого дерева, нефритовые четки, тетрадь в черном коленкоровом переплете, небольшой бархатный мешочек. Рольф развязал тесемки мешочка и на ладонь ему выпала фигурка из похожего на серебро металла, изображавшая попугая.

– Бруно, – велел командир группы «Кугель», – собирай все это барахло, живо. Мы нашли, то что было нужно папе Отто.

Сержант госбезопасности Андреев, возвращавшийся на свой пост после отмены воздушной тревоги, заметил полоску света, пробивавшуюся из-под двери хранилища. «Опять выключить забыл» – с досадой подумал он. Андреев не любил дежурить в спецхране – там было жутковато и все время слышались какие-то шорохи и стуки. Пожилые охранники рассказывали страшные байки о призраках, бродящих в ночи по подвалам Большого

го дома, но Леха Андреев, парень молодой и закончивший ФЗУ, в эти рассказы не верил. Однако подойдя к двери, он явственно услышал доносившиеся из-за нее голоса.

Если бы сержант был трусом, он бы постарался бесшумно подняться обратно по лестнице и вызвать подкрепление. На свою беду, Леха Андреев трусом не был. Он вытащил из кобуры табельный наган и распахнул дверь спецхранилища.

Он увидел двух красноармейцев и одного штатского, стоявших около шкафа в секции М. Дверцы шкафа были распахнуты. Сидевший на корточках красноармеец перекладывал в свой вещмешок содержимое одного из ящиков, второй красноармеец и штатский смотрели на дверь, в проеме которой стоял он, сержант Андреев.

– А вот и дежурный, – сказал рослый красноармеец с погонами лейтенанта. – Что же вы, товарищ дежурный, оставляете свой пост? За такое и под трибунал пойти недолго.

– Стоять! – крикнул Андреев, наводя на лейтенанта наган. – Руки вверх, не двигаться!

Он прекрасно знал, что никаких посторонних в помещении спецхранилища быть не должно. И даже если он по случайности не погасил в спецхране свет, то уж забыть запереть дверь на замок он не мог ни при каких обстоятельствах.

– Ладно, ладно, – миролюбиво улыбнулся лейтенант, поднимая руки. – Не надо так нервничать, товарищ. У меня есть пропуск, подписанный самим товарищем Ждановым.

Он попятился назад, будто пытаясь спрятаться за спину штатского.

– Я сказал – не двигаться! – рявкнул Андреев, рефлекторно делая шаг вперед. Он перешагнул порог и целился лейтенанту в плечо. – Всем лечь на землю, живо!

Боковым зрением он заметил какое-то движение справа, но среагировать уже не успел. Прятавшийся за дверью Хаген со всей силы ударил его по затылку рукой тяжелого «Вальтера».

Наган в руке сержанта дернулся и выстрелил. Пуля ушла вбок и, срикошетив от железного шкафа, оцарапала Раухеру ногу.

Хаген прыгнул сержанту на спину и выбил у него револьвер. Подоспевший Рольф ударом ноги сломал Андрееву шею.

– Расслабились, дурачье, – бросил он. – Один лопоухий солдатик чуть нас всех не положил!

Бруно лихорадочно запихивал в вещмешок содержимое ящика М 58/77. Раухер, закатав штанину, пытался перевязать царалину носовым платком.

– Нет времени, – Рольф схватил его за плечо и подтолкнул к двери. – Уходим, быстро!

Перед тем, как покинуть хранилище, Хаген подтащил мертвого сержанта к стулу и усадил так, что издали его можно было принять за спящего.

Обратный путь занял у группы «Кугель» пятнадцать минут. Командос управились бы и быстрее, но их тормозил хромающий Раухер. Царалина, полученная им, была неглубокой, но очень болезненной. Морозов скрипел зубами и сдавленно стонал, вызывая у Рольфа сильное желание свернуть ему шею. К счастью, они не встретили больше ни одного человека – глухие стены подземного хранилища надежно гасили все звуки, и единственный выстрел, который успел сделать сержант Андреев, так и остался не услышанным.

– Представляю, как русские удивятся, – сказал Рольф, когда они вылезли на улицу через заклеенное газетами окно. – Наверняка НКВД еще никто ни разу не грабил.

– Ну, теперь-то ваше задание выполнено? – спросил сквозь зубы Раухер. – Мы можем отправляться назад?

– Терпение, – ответил Рольф. – Время, конечно, не ждет, но лезть в пекло, не подготовившись как следует, неразумно. Нам нужно кое-кого кое о чем предупредить.

Радист штаба 20-й моторизованной дивизии Гельмут Хазе заступил на дежурство в точном соответствии с расписанием, в полночь по местному времени. А спустя три часа его скрутило сильнейшей желудочной коликой.

Хазе и раньше страдал несварением желудка, вызванным простой варварской пищей, которой ему приходилось питаться в Московской Дубровке. Парное молоко, репа, сало – все это не слишком способствовало здоровому пищеварению. Многие знакомые Хазе решали эту проблему, потребляя огромное количество деревенского самогона, но Хазе был убежденным трезвенником.

Приступ был так силен, что радист свалился со стула и принялся кататься по полу, задевая ногами мебель. На шум прибежал дежурный по штабу дивизии, который тут же сориентировался в ситуации и вызвал врача – майора медицинской службы Эрнста Хашке.

Хашке быстро осмотрел больного и уверенно поставил диагноз – острый аппендицит. Хазе перенесли в помещение полевого госпиталя и стали готовить к операции, а его место у приемника занял отыхавший после своей смены радист разведывательного батальона 20-й дивизии Ганс Граф. Граф был отличным солдатом и опытным радистом, но он, к сожалению, ничего не знал об инструкции, касающейся позывного «Зигфрид возвращается».

Линия фронта к востоку от Ленинграда проходила по излучине Невы. Шлиссельбург был в руках немцев, но небольшой плацдарм на левом берегу реки, получивший название «Невский пятак», семь месяцев удерживался советскими войсками. «Пятак» был действительно крайне невелик – два километра в длину и меньше километра вглубь от береговой линии. Но Красная армия вцепилась в него мертввой хваткой: отсюда планировалось вести наступление для соединения с войсками

Волховского фронта и прорыва блокады. Однако силы были слишком неравны, и в конце апреля сорок второго года советские части отступили с левого берега, заняв позиции в районе Невской Дубровки. На господствовавших на левом берегу высотах закрепилась немецкая артиллерия.

Именно этот участок фронта, ставший могилой для двухсот тысяч советских и пятидесяти тысяч немецких солдат, выбрал Отто Скорцени в качестве коридора для возвращения группы «Кугель». Решение могло показаться парадоксальным, но только на первый взгляд. Интенсивность немецкого огня и высокий уровень потерь среди советских частей, удерживающих правый берег Невы почти автоматически означали низкий уровень контроля со стороны НКВД. Если человека, двигавшегося в направлении Ладоги, проверяли на каждом шагу, то смертников, отправлявшихся в Невскую Дубровку, вряд ли проверяли вообще. Пересечь Неву в этом месте было практически невозможно: немецкая артиллерия немедленно открывала шквальный огонь при каждой попытке установить переправу. Поэтому для всех, кто пытался покинуть город в этом направлении, дорога заканчивалась на правом берегу Невы – дальше начиналась территория смерти.

Трижды передав в эфир позывной «Зигфрид возвращается», Рольф разбил радио несколькими выстрелами из «Вальтера». Затем обошел особняк, методично поливая бензином шторы и мягкую рухлянь, разбросанную по комнатам.

– Никогда не оставляйте следов, старина, – подмигнул он Раухеру. – Хотя мы и так порядочно наследили, оставил в подвале этого идиота-сержанта.

Он критически оглядел Морозова с ног до головы. Раухер выглядел довольно жалко – перевязанная лодыжка, порванный пиджак, трехдневная щетина, зато во рту неизменная мятая папироса.

– Вам надо будет достать солдатскую форму, – сказал ему Рольф. – И хотя бы какие-то документы.

– У меня есть прекрасные документы, – возразил Морозов. – Я с этими документами жил тут шесть лет.

Рольф улыбнулся, но на этот раз его улыбка показалась Раухеру улыбкой тигра.

– Мы собираемся проникнуть на передовую, – снисходительно объяснил он. – Штатским там не место.

– И где же мы достанем солдатскую форму? – подозрительно спросил Морозов. Ему все больше казалось, что диверсанты воспринимают его как досадную помеху, и что они с удовольствием бросят его на произвол судьбы при первой подвернувшейся возможности. Может быть, отсутствие формы – это только предлог для того, чтобы его здесь оставить?

– Убьем кого-нибудь, – равнодушно пожал плечами Бруно. – Кого-нибудь, похожего на вас.

Раухера передернуло. Он был кабинетным разведчиком, и чурался насилия. Когда Рольф на его глазах сломал шею мальчишке-сержанту, его чуть не вывернуло наизнанку. Коммандос, которых он уже не воспринимал как своих спасителей, легко говорили об убийстве, и еще легче убивали. На мгновение у него мелькнула сумасшедшая мысль: убежать, незаметно отстать от группы, исчезнуть в проходных дворах. Возможно, еще вчера он бы так и сделал, но после того, что диверсанты не без его помощи натворили в подвалах Большого дома, оставаться в Ленинграде было бы безумием.

– Надеюсь, мне не нужно будет принимать в этом участия? – спросил он тихо.

Коммандос переглянулись и рассмеялись.

– Нет, – ответил Хаген. – Вам не о чем беспокоиться, если только вы не боитесь носить сапоги мертвеца.

Следующий час был самым длинным в жизни Раухера. Они с флегматичным долговязым Бруно сидели в пропахшем бен-

зином особняке и ждали, когда вернутся Рольф и Хаген. Бруно предложил Раухеру перекинуться в картишки, но разведчик, которого била нервная дрожь, отказался.

Командос вернулись, неся с собой завязанную в узел солдатскую форму и документы на имя Варенцова Петра Федотовича, русского, 1904 года рождения. С фотографии глядело на Раухера туповатое лицо лысого невзрачного человечка. «Неужели я похож на этого недоноска?» – подумал Морозов.

– Варенцов, конечно, был не такой упитанный, как вы, – усмехнулся Рольф, – но вряд ли кто-то станет обращать на это внимание. А вот с шевелюрой вам придется проститься.

Он вытащил из кожаного чехла опасную бритву. Раухер отшатнулся.

– Вы же не собираетесь брить меня этим?

Рольф с серьезным видом кивнул. «Он меня зарежет, – в панике подумал Морозов. – Перехватит за горло, как барана, и полоснет бритвой по артерии!»

Он вскочил и отбежал к стене.

– Нет! Я не хочу! Вы мне всю голову изрежете!

Командос расхохотались. Рольф, продолжая смеяться, сложил бритву и кивнул Хагену.

– Пожалеем нашего друга. У тебя ведь была с собою машинка?

– Да, – ответил Хаген, проведя ладонью по своему короткому ежику. – В отличие от некоторых, я всегда слежу за своим внешним видом.

– Только побыстрее, – велел Рольф. – Нам нужно успеть добраться до Невской Дубровки до наступления темноты.

Второй раз капитан Шибанов пришел в себя к вечеру. Он понял это по дынному оттенку солнечных лучей, падавших на его койку. Голова болела так, будто он выстоял несколько раундов против Николая Королева¹⁶, будучи связанным по рукам и ногам.

¹⁶ Николай Королев – один из сильнейших советских боксеров, девятикратный чемпион СССР в тяжелом весе (1936 – 1953).

– Какой сегодня день? – прохрипел капитан в пространство.

– Понедельник с утра был, – сказали ему.

– Врача позовите!

– Эй, сестричка! – закричал кто-то. – Капитан врача требует!

На Шибанова дохнуло крахмальной свежестью, и он увидел склонившееся над ним миловидное лицо черноволосой медсестры. К сожалению, это была не Катя.

– Вам нельзя разговаривать! – строго сказала сестра. – Врач осмотрит вас завтра утром, во время обхода.

– Слыши, чернявая, – с усилием проговорил Шибанов. – У меня срочное спецзадание. Мне в управление НКВД надо, на Литейный. А вы меня в госпитале вашем мурлыжите...

– Тише, – медсестра приложила палец к губам. – У вас тяжелейшая контузия, вам нельзя двигаться! Сегодня утром вы уже пытались встать, и чем это закончилось? Сейчас я вам уколчик сделаю, и вы заснете. А утром доктору все расскажете.

– Какой, на хрен, уколчик! – рявкнул капитан, приподнимаясь на локтях. Голова отозвалась яркой белой вспышкой боли, но никакого кружения разноцветных пятен больше не было. – Говорят же, мне на Литейный по делу, срочно!

Чьи-то сильные руки уперлись капитану в плечи и уложили его обратно на подушку. Что-то острое кольнуло его в бедро, и сейчас же вверх по позвоночнику прокатилась теплая и мягкая волна, смывшая все мысли и тревоги. «Ну и ладно, – подумал Шибанов, закрывая глаза. – Все равно на день рождения я уже опоздал...»

– Вот ваша Дубровка, – закричал водитель «студебеккера», тормозя около разрушенного прямым попаданием тяжелого артиллерийского снаряда дома. – Километр по тропинке пропотаете – и на месте.

Четверо красноармейцев выбрались из кузова. Высокий здравьяк с погонами лейтенанта подошел к кабине и протянул водителю банку тушеники.

– Держи, земляк. Выручил разведку.

Водитель рассмеялся и дал газу. «Студебеккер», пыля по разбитой дороге, умчался в сторону Кузьминки.

– Зачем вы отдали ему консервы? – недовольно проворчал Раухер. – Он бы и так нас довез.

– Лишний груз, – ответил Рольф. – Не переживайте, если все пойдет по плану, сегодня ночью вы будете обжираться сардинами в масле.

Командос зашагали по дороге, указанной водителем. Впереди, в малиновом закатном небе, поднимались дымные султаны пожаров.

– Легенда такая, – сказал Рольф, оборачиваясь к Раухеру. – Мы специальный отряд радиоразведки, который должен установить на левом берегу Невы несколько радиомаяков. Необходимое для этого предписание у нас есть. Вы, Петр Федотович, в эту легенду не вписываетесь. Согласно вашим документам, вы боец третьей гаубичной батареи 70-й стрелковой дивизии. Делать на том берегу вам нечего. Поэтому, пока мы будем договариваться с командованием и готовиться к переправе, вы должны сидеть тихо и не высовываться.

– Как же вы меня заберете?

– Переправляться все равно будем ночью. В темноте вам не трудно будет пробраться в лодку незамеченным. Главное – чтобы вас не обнаружили раньше. Вдруг вам встретятся друзья покойного товарища Варенцова.

– Спрятаться я смогу, – сказал Раухер, подумав. – Но как же мне дать вам знать, где именно я прячусь?

– Вы умеете кричать выпью? – поинтересовался Бруно. Раухер растерянно помотал головой. – Жаль, очень жаль.

– Брось свои шуточки, Бруно, – сказал Рольф. – Этот вопрос решается просто. Мы спрячем нашего друга сами, и ему останется только просидеть в своем укрытии несколько часов.

– Но вы точно вернетесь за мной? – с тревогой спросил Раухер.

Рольф посмотрел на него долгим взглядом.

– Знаете, дружище, если бы мы хотели вас бросить, проще всего было бы оставить вас там, в горящем доме. А теперь не задавайте больше вопросов и молча выполняйте все мои приказы, ясно?

Раухер кивнул. Он вспомнил, как пылал подожженный диверсантами особняк. Там, вместе с расстрелянной Рольфом рапцией, сгорели документы на имя Николая Леонидовича Морозова. Дороги назад у него не было.

– Мы сделаем крюк и обойдем поселок с севера, – сказал Рольф. – Переправляться все равно будем ниже по течению.

Уже почти стемнело. Ветерок, дувший со стороны реки, приносил запахи железа и бензиновой гари. Время от времени на западе бухали тяжелые гаубицы и отрывисто лаяли зенитки.

– Тихо сегодня, – заметил Раухер. Рольф хмыкнул.

– Зигфрид возвращается.

Раухеру нашли укрытие в пустом лодочном сарае, неизвестно каким чудом уцелевшем в километре к северу от Невской Дубровки. Он забился в самый темный угол, накрылся какой-то вонючей рогожкой, а Бруно и Хаген завалили его гнилыми досками и рваными рыболовными сетями. В этом убежище Раухер просидел четыре часа.

Страх понемногу отпускал его. Самое худшее было позади – им удалось выбраться из Ленинграда. Там, в городе, властвовала всемогущая тайная полиция – здесь, на передовой, действовали совсем другие законы, и, хотя они были почти непонятны Раухеру, он нутром чувствовал, что тут безопаснее.

Раухер использовал доставшиеся ему четыре часа вынужденного безделья с толком – он оттирал от себя крепко присошую шкуру Николая Морозова и пытался привыкнуть к новому образу. Вживаться в роль недалекого русского солда-

тика не хотелось, но он утешал себя тем, что это ненадолго. Уже к утру он сможет окончательно расслабиться и стать самим собой.

Неторопливо текли минуты. Время от времени с левого берега лениво стреляло тяжелое орудие, и пол, на котором скорчился немецкий разведчик, начинал ходуном.

Затаившись в темноте пропахшего рыбой сарая, Раухер медленно превращался в бойца гаубичного батальона Петра Варенцова.

Рольф вернулся за ним в два часа ночи. Луч его фонарика скользнул по дощатой стене сарая и уперся в бесформенную кучу сетей и деревянных обломков, громоздившуюся в дальнем углу.

– Эй, Петр Федотович, – позвал он негромко. – Вылезайте, пора возвращаться на родину.

У полусгнившего причала темнела большая резиновая лодка, в которой сидели Бруно и Хаген. Бруно протянул Раухеру руку и помог спуститься в лодку. На дне лежали завернутые в бумагу металлические штыри.

– Радиомаяки, – объяснил Хаген. – Когда доплыvем до середины реки, сбросим их в воду.

– Настоящие? – спросил Раухер. Хаген коротко мотнул головой.

– Металлолом.

– Все прошло на удивление гладко, – Рольф спустился в лодку и оттолкнулся веслом от причала. – Оказывается, где-то ниже по течению уже работает одна русская разведгруппа, так что комполка решил, будто мы присланы им в помощь. Лодку нам выдали без звука.

– Надо будет сразу же сообщить нашим, – озабоченно сказал Раухер.

– Ну, вот вы и сообщите, – усмехнулся Рольф. – А нас ждут дела поважнее.

Они отплыли метров на двадцать от берега и Рольф приложил палец к губам.

– А теперь тихо. Если мы будем орать на всю Неву, русские могут заподозрить неладное.

Капрал разведывательного батальона 20-й моторизованной дивизии Вилли Шнайдер по прозвищу Кузнечик лежал в прибрежных кустах и внимательно изучал противоположный берег Невы. Громоздкий прибор ночного видения, крепившийся к его шлему и известный в профессиональных кругах как «стаканы Холста», придавал ему сходство с огромным насекомым с фасеточными глазами. Прозвище Кузнечик Шнайдер получил именно из-за этого прибора.

В окуляры «стаканов» было видно, как от правого берега Невы отделился темный продолговатый предмет. Скорее всего, малая десантная лодка – складные pontoны НЛП были длиннее почти в два раза. Лодка довольно быстро продвигалась на середину реки.

Вилли удивился. После того, как русские отступили с Невского пятака в конце апреля, они редко предпринимали попытки вернуться на левый берег. Им было прекрасно известно, что немцы наладили на своем берегу превосходную систему слежения, одним из элементов которой являлся наблюдательный пункт капрала Шнайдера. «Может быть, это отвлекающий маневр?» – подумал Кузнечик.

Впрочем, времени на раздумья не было. Шнайдер змеей скользнул в высокой траве к скрытой за бугорком переносной рации. Нацепил эбонитовые наушники и вызвал дежурного радиста штаба 20-й дивизии.

– Эй, Гельмут, – сказал он, – Иваны задумали нанести нам визит. Они переправляются на лодке в квадрате Б-4. Пусть наши корректировщики ими займутся.

– Вас понял, – отозвался радиист, – только это не Гельмут, а Ганс. Гельмута режут наши эскулапы в полевом госпитале.

Именно в это время Гельмут Хазе пришел в себя после лошадиной дозы хлороформа, и, скрипя зубами от боли в только что зашитом животе, закричал:

– Кто-нибудь, предупредите радиста о возвращении Зигфрида!

Лодка отдалилась уже на двести метров от берега, когда Рольф скомандовал:

– Железо – в воду, только тихо.

Бруно и Хаген принялись вытаскивать завернутые в бумагу металлические пруты и опускать их в воду. Один из прутов все-таки выскользнул у них из рук и с довольно громким плеском упал за борт.

– Тихо, бараньи головы! – выругался Рольф.

Внезапно с левого берега ударили ослепительный луч прожектора. Он пополз по антрацитовым волнам, неумолимо приближаясь к носу лодки. В следующую секунду ночную тишину распорол оглушительный свист и в пятидесяти метрах от лодки взметнулся огромный фонтан воды.

Взмыленный вестовой ворвался в здание штаба 20й моторизованной дивизии и, прогрохотав сапогами по коридору, распахнул дверь аппаратной.

– Сержант! – крикнул он Гансу Графу. – Вы получали позывной «Зигфрид возвращается»?

Граф медленно повернулся к вестовому. Глаза у него были красные от недосыпания.

– Да, еще утром. Я доложил о нем старшему офицеру связи.

– Немедленно дождитеunter-офицеру Буффу! – скомандовал вестовой. – Это условный сигнал, о котором вас должен был предупредить Гельмут Хазе.

– Есть доложить Буффу, – пожал плечами Граф и потянулся к рации.

В течение нескольких секунд на лодку, в которой плыли коммандос и Раухер, обрушился настоящий огненный ад.

– Это русские? – крикнул Бруно.

– Нет, – заорал в ответ Рольф. – Стреляют с нашего берега!

Прямо по курсу лодки в воде разорвался гаубичный снаряд. Шипящая стена воды подкинула лодку на несколько метров и шутя вышвырнула из нее людей.

– Ныряем! – скомандовал Рольф.

Бруно и Хаген синхронно ушли в глубину. Рольф обернулся к Раухеру и схватил его за руку.

– Нам надо погрузиться метров на десять. Сможете?

– Не знаю! – крикнул разведчик. – Я никогда не пробовал нырять так глубоко!

– Плыvите за мной, – скомандовал Рольф. – Постарайтесь на-брать побольше воздуха и сильно работайте ногами. Ну, пошли!

Он отпустил Раухера и, перевернувшись, вертикально ушел под воду. Раухер заметил, что вещмешок, в котором находились украденные в Большом доме предметы, по-прежнему был у Рольфа за плечами.

Последовать за Рольфом он не успел. В следующее мгновение над головой у Раухера что-то грохнуло и он ослеп от выжигающей сетчатки белой фосфорной вспышки.

– Группы «север», «юг» и «центр», – торопливо скомандовал унтер-офицер Вальтер Буфф, выслушав сбивчивый доклад радиста, – прекратить огонь по цели в квадрате Б-4. Повторяю – немедленно прекратить огонь по цели в квадрате Б-4.

Рольф, Бруно и Хаген выбрались на крутой левый берег Невы спустя десять минут после окончания обстрела. Их шатало,

как моряков после сильного шторма. Бруно склонился над прибрежными кустами, и его вырвало.

– Все целы? – хрипло спросил Рольф.

– Меня, кажется, осколком зацепило, – прыгающим голосом отозвался Хаген. – Где-то под лопatkой.

Рольф подошел к нему и распорол ножом советскую гимнастерку.

– Ерунда, – сказал он, – царапина.

– А где наш смелый друг? – спросил Бруно, оглядываясь.

– Боюсь, он утонул, – Рольф посмотрел на противоположный берег, над которым плясали лучи прожекторов. – Что ж, по крайней мере он отдал свою жизнь не напрасно.

– Руки вверх! – скомандовал чей-то властный голос с нависающего над рекой обрыва. – И без глупостей, вы окружены.

Коммандос послушно подняли руки.

– Приятель, – сказал Рольф, – если бы ты только знал, как я рад слышать настоящую немецкую речь. Можете брать нас в плен, только передайте командующему дивизией, что Зигфрид, наконец, вернулся к своей Кримхильде со свадебными дарами.

В нескольких километрах ниже по течению разведгруппа Второй ударной армии, проводившая рекогносцировку для готовящегося наступления на Синявинские высоты, возвращалась на правый берег Невы.

– Под успокоились фрицы-то, – заметил старшина Сухоручко, кивая в направлении позиций немецкой артиллерии. – А то как начали лупить, я уж думал, нас засекли.

– Сопли пусть сначала подберут, – хмыкнул сержант Басавридис, три поколения предков которого были черноморскими контрабандистами. – Эй, смотрите, что там в реке плывет?

Темный предмет приближался. Разведчики перестали грести, и вскоре увидели, что течение несет на них обломок понтона, на котором, раскинув руки, лежит человек.

– Надо вытащить, – сказал Сухоручко. – Вдруг он еще живой. Все посмотрели на командира. Лейтенант Волков едва заметно кивнул.

– Вытаскивайте, только тихо.

Из ушей человека текла кровь, кусок гимнастерки на правом боку был выдран вместе с кожей, а его пальцы намертво вцепились в кусок дерева. Но он был еще жив. Когда Сухоручко и Басавридис все-таки разжали ему пальцы и втащили в лодку, человек открыл глаза и прохрипел:

– Товарищи, я свой, свой...

– Да уж видим, что не немец, – фыркнул Сухоручко. – Откуда ты, братское сердце?

– Семидесятая стрелковая дивизия, – одними губами ответил раненый, – третья гаубичная батарея... рядовой Варенцов...

– Это, наверное, новенький, – сказал Басавридис. – Им на днях пополнение с Вологды прислали. Ты вологодский, что ли? А как в реке оказался?

Раненый прикрыл глаза.

– Вологодский, да, – совсем уже беззвучно проговорил он. – Мы понтон для гаубицы проверяли... вот снарядом меня и шарахнуло... Спасите меня, товарищи...

– Это по ним, наверное, фрицы-то и лупили, – догадался Сухоручко. – Тоже мне, нашли время понтон испытывать.

Раненый застонал и потерял сознание.

– Повезло вологодскому, – усмехнулся лейтенант Волков. – Сегодня в семь на большую землю как раз борт улетает с ранеными. Может, и ему местечко найдется. Недолго же ты, рядовой Варенцов, невский рубеж защищал...

В шесть утра командующий 20-й механизированной дивизией вермахта генерал Эрих Яшке был разбужен ординарцем, доложившим ему о трех взятых в плен офицерах в советской форме, утверждающих, что они выполняют специальное зада-

ние главного диверсанта рейха оберштурмбаннфюрера Отто Скорцени.

– Они просили передать вам, что Зигфрид вернулся со свадебными подарками Кримхильде, – добавил ординарец.

– Где они? – рявкнул Яшке.

– Задержанные находятся в комендатуре, – ординарец вытянулся в струну. – Их допрашивает майор Федерер.

– К черту Федерера! Приведите их ко мне и распорядитесь, чтобы накрыли к завтраку стол. Белый хлеб, курица, помидоры – и шнапс. Много шнапса. Парни это заслужили!

Когда ординарец умчался выполнять приказ, Яшке снял трубку и попросил соединить его со штабом группы армий «Север» в Пскове.

– Оберштурмбаннфюрер? – сказал он, услышав на другом конце провода заспанный голос доктора Эрвина Гегеля. – Это генерал Яшке. Кажется, у меня для вас есть хорошие новости.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Сюрприз

Подмосковье, июль 1942 года

Ночка выдалась та еще. Я вам, ребята, прямо скажу – если б Николаич вернулся хоть на час позже, Жорка, товарищ Жером то есть, объявил бы ЧП по всей базе, и территорию начали бы прочесывать с собаками. Потому что мы, как ни крути, находились на особом положении, и интересовался нами сам нарком внутренних дел товарищ Берия, и забыть об этом мог только такой чудак-человек как наш Левка. Вы только не думайте, что я на Левку качу бочку: он парень мировой, и голова у него светлая, и душа добрая, порой так даже слишком. Но если уж вожжа ему под хвост ударит – тут он мог плюнуть на все на свете с высокой палубы, и никто ему был не указ. Когда он мне открылся, я даже не стал спрашивать, зачем ему в Москву – и так все ясно. У Катюхи на следующий день было день рождение, она как-то обмолвилась об этом, ну, а Николаич, конечно, запомнил. Голова у него, ребята, была как Дом Советов. Память – исключительная. Сколько раз я его после занятий подловить пытался – а чего там про устройство рации нам сказали? а чем лечат то-то и то-то? – и он каждый раз отвечал так четко, будто по бумагке читал. И даже если что-то вдруг забывал, то в тетрадку не смотрел, а становился эдак странно, как статуя, подпирал рукой лоб и что-то шептал себе под нос. Я как-то прислушался, он бормочет: «Жером сидел на краешке стула, вертел в руках мел... свет падал косо, освещал половину класса... я смотрел на ветку за окном, и думал о переселении народов...» И вот, пред-

ставьте, доходит он до этого переселения народов, и что-то в глазах у него такое мелькает, он улыбается и четко на мой вопрос отвечает! Ну, вы подумайте – пять минут назад ничего не знал, а тут вдруг все вспомнил, до мелочей! Эх, мне бы так...

Короче, помог я ему выбраться. Злой, конечно, как черт – вместо того, чтоб кемарить, полночи караулю его у этой дырки. Знал бы, что так выйдет – ни за что про нее не рассказал.

А он довольный стоит, лыбится во все тридцать два зуба! Конфеты свои дурацкие к груди прижимает. Дитё, одно слово, дитё малое.

– Давай, говорю, Николаич, по-быстрому переодевайся в форму, и бегом к Жоре. Ох, чувствую, вставит он тебе фитиль...

А он мне так озабоченно:

– Ты, говорит, Василий, только за цветами да конфетами присматривай, чтоб их никто не увидал раньше времени. Цветы надо в воду поставить, а стебли обрезать снизу, они тогда дольше стоять будут.

Вот же чудак! С него сейчас стружку снимать будут – причем, насколько я знаю Жору, без всякой жалости – а он о цветах волнуется.

– Ладно, – говорит, – Николаич, не дрейфь, не случится ничего с твоими подарками. Получит их завтра Катерина в лучшем виде.

Он на меня смотрит, как на козу говорящую.

– А ты, – спрашивает, – Василий, откуда знаешь, что это для Кати?

– А что, – говорю, – может, ты это мне приволок? Или капитану? Ну так я сладкое не люблю, а Сашка когда еще вернется – розы-то завянут.

Тут до него что-то начинает доходить, и он как хлопнет меня по плечу!

– Не ошибся, – говорит, – я в тебе, Василий, с тобой и вправду в разведку идти можно!

— Успеется еще, — говорю, — в разведку, ты давай пока думай, чего Жоре сказать.

Переправились на наш берег, я домой пошел — цветы в воду ставить — а он, значит, к командиру на разнос. И не было его, ребята, без малого час. Я лежу без сна, свет не выключаю, думаю, чем же все это дело кончится.

Потом приходит — лицо серое, губы все искущенные. На меня не смотрит — ладно на меня, на цветы свои тоже не посмотрел — упал на койку лицом вниз и лежит. Ну, думаю, отпарафинил его товарищ Жером по самое не балуйся. Даже жалко парня.

Но с расспросами не лезу. По себе знаю — лучше в такие минуты помолчать. Встал только, свет погасил — а в комнате уже все равно светло, начало шестого.

Лежал он лежал, а потом и говорит:

— Эх, Василий, какого же я дурака свалял...

Я обратно молчу. Хочет выговориться, так без моих вопросов обойдется.

И точно. Тут Левку как прорвало! Оказывается, Жора-то не просто так рано вернулся, а специально за ним, за Левкой! Капитана-то нашего возили к самому Лаврентию Палычу, и тот поручил ему вывезти из Ленинграда то, что у Левки когда-то при аресте отобрали — птицу серебряную и карту. А Шибанов уперся — без Гумилева, говорит, ничего не получится, нас вместе с ним в Ленинград надо. Нарком ему — шиш тебе, капитан, а не Гумилев, он слишком ценный для страны кадр, чтобы в Ленинград его посыпать. Потому что в Ленинграде сейчас хуже, чем на линии фронта. На что ему Шибанов отвечает: воля ваша, товарищ народный комиссар, а только без Гумилева я за успех операции не отвечаю.

Вы, ребята, представьте только — капитанишко какой-то самому наркому в лицо дерзит! Ладно, соглашается удивленный Лаврентий Палыч, если успеете за три часа обернуться за вашим Гумилевым, полетите вместе, только ты, капитан, за него даже не

головой отвечаешь, а кое-чем поценнее. После этого Шибанова везут на аэродром, где стоит уже заправленный «У-2», а товарищ Жора летит стрелой на базу, чтобы вытащить из постели Левку. Не зная, само собой, что Левка вовсе не в постели, а гуляет где-то по Москве, можно сказать, под носом у Лаврентия Палыча.

Ты только представь, Василий, – Левка мне говорит, – какого я дурака свалил! Ведь я же мог сейчас уже в Ленинграде быть! Ну, ладно, не сейчас, туда, конечно, так просто не попадешь, но завтра к вечеру-то наверняка! А ведь это же мой родной город. Да и Сашку я, получается, подвел. Он же без меня не хотел лететь! Знал, что без меня ему не справиться. А теперь его туда одного отправили – три часа-то давно истекли. Вот скажи мне, Василий, какой из меня боец-разведчик, если я товарища своего так могу подвести?

Тут у меня всякая жалость к нему сразу пропала – ну не люблю я, когда умные люди такую ерунду начинают нести.

– Николаич, – говорю я ему эдак вежливо, – хочешь, я тебе объясню, зачем капитан тебя требовал?

– Потому что я один знаю как выглядит Попугай и карта, – отвечает.

– А то, – говорю, – без тебя он попугая с жирафом спутает. Дурак ты, Николаич. Он не хотел тебя тут с Катькой оставлять, вот и все.

– Ладно тебе, – огрызается Левка, – при чем тут Катька...

– А при том, – говорю. – Он как прикинул, что это командировка не на день и даже не на два – сразу о ней подумал. И о том, что ты здесь будешь с ней все это время. А парень он шебутной, ты же сам знаешь. Вот и решил тебя к себе пристегнуть. Вроде как спокойнее.

Вижу, он уже не так убивается. Значит, проняли его мои слова.

– Ты правда так думаешь? – спрашивает.

– Зуб даю, – отвечаю. – Ты мне лучше скажи, что ты Жорке-то на уши повесил.

И вот тут он меня удивил – без дураков удивил.

– Правду рассказал, – говорит. – Как в Москву ездил, как конфеты эти искал, как с урками дрался. Только про тебя не рассказал – что ты меня прикрывал, и про Анцыферовых.

– Про каких Анцыферовых? – спрашиваю тупо. А сам думаю – ну, про меня ты мог и не рассказывать, Жорка и сам допрет, мужик-то с соображением.

– Знакомые одни, – машет он рукой, – на рынке случайно встретились.

Молчу, не знаю, что на это сказать. А он видит, что у меня рожа кислая стала, и говорит:

– Да ладно, Василий, не переживай. Товарищ Жером меня не очень-то и ругал.

Ага, думаю, чего тут ругать, напишет бумажку – и погонят нас отсюда – Левку обратно в лагерь, меня – в окопы.

– Даже сказал, что ожидал чего-то подобного, но не от меня.

– От меня, что ли?

Пожимает Левка плечами – и такое у него сразу лицо становится растерянное, ну точно, как у ребенка несмышеного.

– Он не уточнил. Но по его словам выходит, что плох тот диверсант, который не попробует хоть раз сходить в самоволку, воспользовавшись полученными умениями. И еще, я так понял, дырку эту в заборе не случайно не заделывают.

Тут он меня совсем с толку сбил.

– Так что, говорю, правда не ругал, что ли?

Он смеется эдак невесело.

– Ругал, ругал. Только не за то. За то, что план заранее не продумал. Что документами не обзавелся – на случай, если бы меня милиция остановила. За то, что второго бандита не вырубил... короче, много за что.

Да, думаю, непростой человек этот Жора. Может, и правда обойдется, и не станет он писать бумажку?

Ну, так и вышло. Никто о Левкиной самоволке ничего не узнал. Только на следующий день гонял нас Жорка нещадно,

хотя и знал, что мы оба совсем не спали. А может, специально так делал, кто его поймет. На рукопашке метелил Левку, как сидорову козу, да и я от него пару раз таких плюх в голову сло- вил, как никогда раньше. Так что может, и специально. Бегали с полной выкладкой по пятнадцать кэмэ, а после бессонной ночи это удовольствие еще то. Но зато – никаких бумажек и никаких разговоров в особом отделе. По мне так оно и лучше.

К вечеру мы были почти неживые, а у Левки к тому же еще под глазом фингал красовался – это его Жорка коленом приложил. Но зря, что ли, он все эти муки терпел? (я-то зря, честное слово – бабка моя покойница говорила в таких случаях – «в чужом пиру похмелье»). Вымылся, побрился, переоделся в чистое, взял свой букет и конфеты и поперся Катерину поздравлять.

Я лежу на койке, радуюсь, что живой и кости все целы, и только слышу – он в соседнюю дверь – стук-стук. И Катеринин голос – жур-жур-жур. И Левка чего-то там бормочет – быр-быр-быр. И так довольно долго они там журчали и бормотали, я даже засыпать стал.

А потом дверь распахивается, и на пороге Левка, без букета, с фингалом – но счастливый, как австралийский кенгуру. Нет, вы не подумайте, я никогда этих кенгуру не видал, это у нас взводный, Витя Хвастов, которого потом фрицы из шмайсеров покрошили, так любил приговаривать – счастливый, как кенгуру, дохлый, как кенгуру, тупой, как кенгуру... Вот Николаич и был похож на такое кенгуру – счастье у него только что из ушей не брызгало.

– Собирайся, – говорит, – Василий, нас Катерина в гости зовет, день рождение праздновать.

Она, оказывается, пока нас Жорка и в хвост и в гриву гонял, пошла на кухню и с Зинкой моей договорилась – та ей муки дала, капустки, сковородку выделила, маслица – в общем, все, что нужно, чтобы испечь пироги. Какая Зинка, спрашиваете? А я не рассказывал? Ну, так я о личном не очень люблю. Повариха

одна, я к ней с первого дня симпатию почувствовал. Мы с ней встречались тайно, я же не пацан какой, чтобы все свои сердечные дела напоказ выставлять, как эти петухи, Сашка с Николаичем... А продукты, которые она мне совала, я карточным выигрышем объяснял – мол, у повара выигрываю. Знал, что никто проверять не станет, хотя повар тот, Ашот Вазгенович, был мужик до того ушлый, что я с ним не то, что в карты – я бы и в шахматы с ним играть не сел, поостерегся.

Короче, испекла Катерина пирогов и зовет нас чай пить. Ну, приходим мы оба – Левкин букет стоит в трехлитровой банке на окне, и такой он огромный, что пол-окна загораживает. На столе – пироги, а на самом видном месте – коробка с конфетами «Южная ночь». И как-то по всему понятно, что довольна Катерина его подарками, и не просто довольна – а очень! Ну, думаю, капитан госбезопасности, не вовремя ты в командировку упорхнул, и не зря так хотел Николаича с собой забрать. Пока ты там нужные для страны штучки-дрючки добываешь, Катерину у тебя уведут.

Николаич, похоже, ту же думку думает, потому что лицо у него становится совсем уж счастливое, аж до глуповатости. Но только не успевает он свое тактическое преимущество использовать, потому что в эту минуту в дверь вежливо так стучат и на пороге появляется дорогой наш товарищ командир Жора.

И тоже с цветами. Точнее – с одним цветком. Как этот цветок называется, я сказать не могу, но очень красивый. Такой... фиолетово-голубой, что ли. И протягивает он этот цветок Катерине, а потом целует ей ручку.

И Катерина становится цветом как те розы, что ей Николаич подарил. А у Левки все его глупое счастье с лица как тряпкой стирают, и опять он становится похож на кенгуру, только уже дохлого.

– Спасибо, – говорит Катерина тихо, – товарищ Жером. Жаль, мне поставить его некуда.

– Это не беда, – говорю я. – Сейчас чего-нибудь придумаем. И быстрей-быстрей в нашу комнату, где у меня под кроватью пустая бутыль из-под самогона лежит. Как знал, что пригодится – не выкидывал. Наполняю ее водой, возвращаюсь обратно – там вроде все немножко подуспокоились. Командир вертит в руках коробку конфет, и я понимаю, что не зря Николаич ему всю правду выложил, совсем даже не зря. Потому что соври он тогда хоть что-нибудь, сейчас бы Жора ему учинил допрос с пристрастием, а может, не только ему, но и Катерине.

– Замечательные конфеты, – говорит Жора, наконец. – Я такие ел последний раз лет десять назад.

Катерина смотрит на Левку, как бы спрашивая: что мне делать? А командир смотрит на нее, слегка усмехается и продолжает:

– Все нормально, Катя, не переживайте за Льва Николаевича. Он доложил мне о своихочных похождениях, так что откуда взялись эти конфеты, я знаю.

Левка, гляжу, сейчас пол взглядом просверлит. Но Жора тему развивать не стал. Положил коробку обратно и пирожок с тарелки взял.

– Кстати, – говорит, – пирожков с капустой я тоже очень давно не пробовал.

Ну, и начали мы пить чай и есть пироги – вкусные, чего уж там. Зинка моя, конечно, не хуже печет, но она все ж таки повариха, а Катерина – медсестра.

– Эх, – говорю, – жаль, капитана с нами нету. Он поесть-то любит.

– Ничего, – отвечает Жора, – если все пройдет нормально, послезавтра капитан Шибанов вернется на базу.

– А долго нам еще учиться, товарищ Жером? – спрашивает Катерина.

– По уму если, то год. Только года этого у нас нет. Боюсь, что и месяца нет.

– Значит, недели две?

– Сроки операции определяю не я, – отвечает командир. – Многое зависит от того, с чем вернется капитан.

Тут Левка начинает что-то про себя бормотать – не по-русски и не по-немецки. Я ни слова не понимаю, но Жорины уроки дают себя знать – даже сейчас могу повторить, что он тогда сказал.

– Aut cum scuto, aut in scuto¹⁷.

– Ну да, – соглашается командир, – лучше бы, конечно, суп. В любом случае, сразу же после возвращения капитана вас ждет тот самый сюрприз, о котором я уже говорил.

… А сюрприз этот, ребята, оказался такой, что до сих пор в страшных снах мне снится. Я много чего повидал на свете: и в атаку ходил без патронов, и в рукопашку один против троих, и в грязи сутками лежал, пока по мне артиллерия фрицевская пристреливалась. Но все это я готов пережить снова, если понадобится. А вот сюрприз, который нам товарищ Жора устроил – не хочу. Один раз попробовал – и хватит с меня.

Было это, как сейчас помню, в пятницу. Шибанов в Ленинграде своем задержался – ожидали его в среду, а он вернулся только в четверг к вечеру. Вернулся злой, так что похоже было – ничего у него не вышло, зря только казенное топливо пожег. Но нам он, понятное дело, не докладывался, пошел к товарищу Жоре и о чем-то они там допоздна разговаривали. А наутро будят нас в половине шестого, ни завтрака, ничего – даже умыться как следует не дали – сажают в грузовик и везут на аэродром. Там уже ждет бомбардировщик ТБ-3 – огромная такая машина, хоть полк на нем перевози. А к нему сзади привязан маленький пузатый самолетик, выкрашенный в желто-зеленые защитные цвета – деревянный, ребята! Деревянный, как табуретка!

¹⁷ Со щитом или на щите (лат.)

Даже У-2, которые фрицы называли «рус фанэр», и то больше похожи на самолет, чем это изделие мебельной промышленности. Стоим, дивимся, а товарищ командир нам показывает – залезайте, мол. Не сомневайтесь, туда, туда. Ну, погрузились. Ранцы с парашютами с собой, это уж как обычно. С какой, спрашиваю, высоты на этот раз прыгать будем?

Прыгать сегодня не будем, отвечает Жора. Отрабатываем новую технику – посадка на планере. Это, говорит он, новейший планер «Рот Фронт», который может садиться в любых условиях – хоть на поле, хоть на лес, хоть на реку. Ваша задача очень проста – уцелеть при посадке. Остальное – забота не ваша, а летчика.

Ну, летчика так летчика. Сидим, прижавшись друг к другу, потому что в новейшем планере «Рот Фронт» довольно тесно. Бомбер, тем временем, начинает разбегаться, нас трясет, как больного падучей, потом вдруг – хлоп, и подкидывает в воздух. И мы летим, но как-то криво, косо, то на одну сторону завалимся, то на другую. В общем, не полет, а сплошное недоразумение. И продолжается это все довольно долго. Катерину, вижу, начинает мутить – она становится зеленой, как подорожник, и начинает шнырять глазами по сторонам – не иначе, ищет какое-нибудь место поукромнее. Николаич сидит белый, как полотно, глаза полуприкрыли и что-то про себя, как обычно, бормочет. Даже капитан и тот с лица бледнул, виду не подает, но выглядит не браво. Один Жора молодцом – проверяет чего-то по карте, то на компас посмотрит, то в тетрадь свою командирскую – одним словом, делом занят. Про себя не скажу, мне со стороны не видно, только радуюсь про себя, что с утра пожрать нам не дали.

И так проходит, может полчаса. Потом чувствуем – сильный рывок, будто назад нас пинком отбросило. И вдруг вся тряска прекратилась, и мы летим так плавно, словно из бурного моря в тихую бухту попали. Слышно только, как воздух снаружи свистит.

– Ну, – говорит командир, – первый этап операции прошел успешно. Мы отцепились от буксировщика и находимся сейчас в свободном полете. Нам предстоит пролететь шестьдесят пять километров над территорией условного противника и совершить посадку в равнинно-лесистой местности. Сейчас, я надеюсь, все пройдет гладко, но в условиях реальной, а не учебной операции, по нам могут вести огонь зенитки противника. Если планер будет подбит, мы покинем его с парашютами по отработанной ранее схеме. Вот для чего нужны были прыжки со сверхмалой высоты – мы сейчас летим, почти прижимаясь к земле, и, если нас подобают, упадем очень быстро.

– Эх, – говорю, – умеете вы подбодрить личный состав, товарищ майор!

– Умения, – отвечает Жора, – тут особенного не нужно. А вот чтобы в живых остаться, когда планер втыкается носом в поле, тут да, кое-какая тренировка требуется.

Я парень не трусливый, кто меня знает, может подтвердить. Но после слов командира даже мне что-то не по себе стало. Хорошо еще, думаю, если снаряд в крыло попадет. Тогда хоть кто-то выпрыгнуть успеет. А ну как прямо в брюхо залепят? Самолетик-то фанерный, его ткни посильнее сапогом – он и развалится.

– Ладно тебе, старшина, – говорит командир, – что-то ты, я вижу, загрустил.

– Не по себе мне в воздухе, – отвечаю, – я больше землю люблю.

– Ну, земля от тебя никуда не денется, – рассудительно говорит Жора. – А планеру нашему ты зря не доверяешь. Эти «Рот Фронты» знаешь сколько оружия, лекарств и продуктов партизанским отрядам за линией фронта перевезли? И сбить их, если честно, почти невозможно. Они же деревянные, летят низко, радары их не видят. Тем более, что полетим-то мы скорее всего ночью, а не днем, как сейчас.

Поболтали мы еще таким манером минут пятнадцать, а потом под потолком лампочка синяя загорелась и сигнал противно так взвыл, как кошка, которой на хвост наступили.

— Приготовились, — говорит командир, — идем на посадку.

И вот тут, ребята, самое страшное-то и началось. Объяснить, что там было страшного, я вам вряд ли смогу. Просто поверьте — было. В окошки эти круглые ничего не видно, но как-то чувствуется, что мы очень близко от земли. И вот-вот о ней ударимся.

А потом мы и правду ударились. Но не о землю, потому что если бы мы на такой скорости врезались даже во вспаханное поле, от «Рот Фронта» нашего одни щепки бы остались. А так нас начало подкидывать, планер пружинил, его кидало из стороны в сторону, в окошках мелькало что-то темное, уши закладывало от оглушительного треска.

— Посадка на лес! — крикнул Жора.

Вот оно, значит, что, думаю. Это деревья трещат, верхушки которых наш планер как пилой срезает. А если где-нибудь впереди прогалина? А если какая-нибудь толстая ветка пробьет фанерный пол «Рот Фронта»?

Но виду не подаю, сижу на попе ровно.

На все, думаю, судьба. Подо Ржевом не помер — ну и здесь Господь упасет.

И упас. Проскрипели мы еще по деревьям немного — и остановились. Пилот из кабины своей вылез, зашел к нам.

— Мы, — говорит, — висим на уровне двадцати метров над землей на верхушках сосен. Выбирайтесь через задний люк по одному, для спуска используйте крючья. В хвосте не толпиться, иначе планер потеряет равновесие и может упасть на землю. Все ясно? Тогда начинайте!

Первым, как обычно, Шибанов полез. Только он из планера выбрался, как «Рот Фронт» наш подозрительно накренился и что-то под ним страшно заскрипело. Пилот кричит:

– Один человек в хвост! Быстро!

Ну, моя очередь и так следующая. Пошел к люку. Иду, а пол под ногами качается – туда-сюда, как качели детские. Вытащил из вещмешка крючья и кое-как вылез из планера.

Когда уже на сосне висел, смотрю – «Рот Фронт»-то на соплях держится. Одно крыло вот-вот соскользнет. Кричу им:

– На правый борт перейдите! На правый!

Они вроде услышали. Планер качнулся и уперся правым крылом в развилику могучей сосны. Все же поспокойнее.

Ползу вниз, весь уже, конечно, в смоле и иголках. Вижу – за мной пилот вылезает. И только он вылез, планер на левый бок – хрясь! И пилота какой-то хреновиной, подвешенной под фюзеляжем – по башке. Его, конечно, шлем выручил – если бы не шлем, голова бы у него сразу треснула. А так он просто разжал руки и свалился, как кукла тряпичная, на толстую ветку метрах в пяти ниже меня.

Я быстро к нему спустился, смотрю – дышит, хотя и слабо. Глаза закрыты, изо рта кровь идет. Тут мне сверху командир кричит:

– Что смотришь, старшина? Пристегивай его к себе карабином!

И точно, думаю, у меня же на поясе специальные крючки. Присмотрелся, нашел у него такие же. Щелк, щелк – пристегнул его, прижал к себе, как девушку на танцах, и опять спускаюсь. Только на этот раз спускаться мне в два раза тяжелее, и каждую секунду я думаю, что сейчас вот сорвусь и грохнусь оземь – да не один, а с пилотом.

Но обошлось. Добрался до земли и повалился в мох. Капитан мне помог пилота отстегнуть – он вроде глаза открыл, губами шевелит, но как рыба – ничего не слышно.

Я припоминаю, что нам Катерина на занятиях рассказывала, стаскиваю гимнастерку, делаю из нее валик и под голову ему засовываю. Хуже всего, конечно, если он позвоночник сломал, но тогда бы у него ноги вряд ли шевелились, а они подергиваются, как у собаки, которая во сне бежит.

Тут сверху спускается командир. Быстро так, по-деловому, осматривает пилота и, вижу, губы у него сжимаются плотно-плотно. А это верный признак, что дела неважнец. Жора вообще не из тех, которые свои мысли напоказ выставляют, но если к нему долго приглядываться, то можно заметить, что на некоторые вещи он по-особому реагирует. А я приглядывался, тем более, что он сам нас этому и учил – наука эта называется физиогномика.

– Что, – спрашиваю, – все хреново?

– Бывает, – говорит, – и хреновей, но довольно редко. Надо его срочно отсюда эвакуировать и в госпиталь, иначе загнется наш пилот в течение двадцати четырех часов. А у нас четыре часа на все про все, и оставаться здесь мы не можем по условиям поставленной перед нами задачи.

Я смотрю на него и вижу, что он не шутит.

– Задание-то учебное, – говорю. – А мужик спиной всерьез приложился. Может, все-таки в госпиталь его, а задание – потом?

– Не получится, – отвечает. – Бросать его здесь, мы, ясное дело, не будем, но и в госпиталь не потащим.

– С собой, что ли, возьмем? – Шибанов спрашивает.

Тут к нам Николаич присоединился. Он-то по деревьям ловко лазает, что твоя обезьяна. Легкий и цепкий – чего еще надо.

– Значит, так, – говорит командир. – Будь мы нормальной диверсионной группой, у нас было бы два варианта действий. Первый – вызвать помощь по радио, нарушая тем самым ре-

жим радиомолчания. Вероятнее всего, за пилотом бы прилетели, но и нас после такой цыганочки с выходом немцы взяли бы за жабры очень быстро. Второй – облегчить раненому страдания и избежать его возможного попадания в плен.

– Это как? – спрашиваю. – Добить его, что ли?

Товарищ Жора смотрит на меня своими черными глазами, и у меня от этого взгляда натурально мороз по коже.

– Не забывайте, старшина, что раненый, возможно, находится в сознании и слышит нас. Так что выбирайте, пожалуйста, выражения.

И тут Николаич, светлая голова, вдруг как ляпнет:

– Но у нас же Катя есть! Может, она не только кровь умеет останавливать?

Командир поворачивается к нему и одобрительно кивает.

– Я не случайно сказал – будь мы нормальной диверсионной группой. Но мы группа необычная. У каждого из вас – ну, кроме Льва Николаевича – есть исключительные особенности. И забывать о них глупо. Старшина, думаете, я просто так приказал вам пристегнуться карабинами к поясу пилота?

Ну, я молчу. Не люблю я обсуждать эту тему. Хотя, если по правде, ребята, которых я на фронте из-под огня выносил, действительно живы оставались.

– Так что ждем Катерину, – подводит итог командир. – А дальше действуем в зависимости от того, сколько времени ей потребуется, чтобы вылечить нашего пилота.

А Катерина, как назло, задерживается. То есть она лезет, конечно, но так медленно, как будто вообще первый раз в жизни на дереве оказалась (так оно, кстати, и было – это уж она мне потом по секрету призналась). И мы ее все ждем, а пилот, как назло, начинает кровью харкать, и кажется, что промедли она еще чуточку, он прямо тут концы и отдаст.

Но вот спустилась, наконец, Катерина, и товарищ Жора ей без всяких предисловий приказывает:

– Сержант Серебрякова, приступайте к выполнению обязанностей. Обследуйте раненого и примите все меры для его скорейшего лечения.

– Есть, – отвечает Катерина, – приступить к выполнению.

Повозилась с пилотом, приподняла ему голову, пульс пощупала, потом исподнее на нем задрала и говорит:

– Переверните его на живот.

Ну, мы с Николаичем осторожно так переворачиваем, а он как начнет криком кричать! Командир ему тут же какую-то тряпочку к носу – раз – и пилот сразу же затихает.

– Хлороформ, – поясняет товарищ Жора.

– У него очень сильный ушиб внутренних органов, – докладывает, между тем, Катерина. – Еще, видимо, трещина в пятом и шестом шейных позвонках. Ну, и сотрясение мозга, но это уже не так серьезно.

– Лечите, – приказывает командир. – И помните – времени у нас нет.

И начинает Катерина свое лечение. Да только не лечение это вовсе, а ворожба какая-то. Одну руку держит у пилота на шее, другой водит над спиной, как будто гладит. И лицо у нее при этом становится такое, как будто ей не двадцать лет, а все сорок.

Шибанов рот открыл, чтобы что-то спросить, но товарищ Жора сразу палец к губам – тишина! И стоим мы вокруг Катерины, смотрим беспомощно, как она над переломанным пилотом колдует, а вокруг тихо-тихо, только сосны в вышине скрипят да дятел вдалеке – тук-тук-тук, тук-тук-тук.

И проходит так десять минут, двадцать. А потом командир по часам своим пальцем щелкает – все, нету больше времени. И Катерину за плечо трогает – заканчивай, мол.

Она поднимается, а ее шатает, как пьяную. И глаза такие, словно она не спала трое суток.

– Все, – говорит, – товарищ Жером, я, что могла, сделала. Теперь все, что ему нужно – это воротник на шею и полный покой. Транспортировать его отсюда пока что крайне нежелательно.

– Жить будет? – спрашивает командир.

– Не только жить, – пытается улыбнуться Катерина, только плохо это у нее получается. – Уже через пару дней вернется в строй. А если бы я еще час с ним поработала – то и раньше.

– Старшина, – говорит мне Жора, – сооруди товарищу пилоту жесткий воротник из подручных средств.

Ну, это дело несложное. Взял ножик, нарезал бересты, в несколько слоев свернул – вот тебе и воротник.

Одели мы это сооружение пилоту нашему на шею. Командир дал ему понюхать какой-то гадости из тюбика – он очнулся.

– Слушайте меня, товарищ летчик, – говорит Жора. – Травмы ваши не опасны, если только вы ходить не будете и головой вертеть. Вот вам фляга с водой, вот сухпай, а вот пистолет с двумя обоймами, чтобы от диких зверей отстреливаться. Хотя никого, крупнее ежика, в этих лесах, по-моему, не встречается. Лежите, отдыхайте. Часов через шесть – семь мы вас заберем.

– Как не опасны, – цедит пилот сквозь зубы, – если я с такой высоты на спину упал? Вызовите помошь, или пристрелите меня здесь к чертовой матери!

– Отставить истерику, – командир ему отвечает. – Приказываю лежать и отдыхать. А если вы через два-три дня не будете снова летать, то можете считать меня лжецом и бесчестным человеком.

Короче, оставили мы пилота под сосной прохладиться, подхватили свои вещмешки, да и побежали вслед за Жорой в лес.

– А что, – спрашиваю, – планер-то наш так и останется на деревьях висеть?

– Да, – говорит, – у нас был билет в одну сторону. Обратно по-другому добираться будем.

Пробежались по лесу километров этак десять. Катерина совсем выдохлась – так-то она бегает будь здоров, а тут, видно, у нее все силы на лечение и ушли.

– Привал, – командует, наконец, Жора. Ну, нас дважды просить не надо – повалились в траву, как подрубленные.

Тут он достает из внутреннего кармана запечатанный сургучом пакет и смотрит на часы.

– Сейчас двенадцать ноль-ноль. Согласно полученному мной приказу, в это время я должен вскрыть пакет с подробным изложением нашего учебного задания.

Мы лежим, дышим. Не до задания нам.

А Жора бодрый, как будто не бежал сейчас первым, продираясь через бурелом и перепрыгивая через бочажины. Даже не запыхался ни разу – двужильный мужик.

– Итак, задание. Скрытно проникнуть на территорию охраняемого объекта «Ставка» и обнаружить штаб условного противника. Установить личность главнокомандующего войсками противника и изъять принадлежащий ему предмет. При выполнении задания отгневой контакт с противником свести к минимуму, убивать главнокомандующего запрещается. Примечание: предмет представляет собой серебряные часы на цепочке. После выполнения задания группа должна отступить на охраняемый аэродром, расположенный к юго-юго-востоку от объекта «Ставка», захватить один из подготовленных к взлету самолетов и вылететь в точку «В». Примечание: на аэродроме постоянно находятся два заправленных и готовых к взлету транспортных самолета.

Прочитал он нам всю эту лабудень, и аккуратно сжег бумажку и пакет на огне зажигалки.

– Все, – спрашивает, – ясно?

– Ну да, – отвечает Шибанов, – ясно, что с такого задания не возвращаются. Если это ставка Адольфа, то нас к ней и близко не подпустят, нашинкуют из пулеметов.

– Ну так надо постараться, чтобы не нашниковали, – отвечает командир. – И вот еще что – поскольку пилота с нами нет, то с возвращением у нас возникают проблемы. Поэтому пути отхода надо продумать заранее.

– А вы что же, – ехидно так Шибанов спрашивает, – самолет разве водить не умеете?

– Я-то умею, – спокойно говорит Жора, – только если и со мной что-нибудь случится, кто вас вывозить будет? Надо было, конечно, еще летному делу вас обучать на всякий пожарный. Но теперь уж поздно.

– Добрая мысля приходит опосля, – соглашается капитан. – Но вообще-то я тоже немножко умею.

– Действительно? – спрашивает товарищ Жора с внезапно возникшим интересом. – В вашем личном деле это не отражено.

– Ну, мало ли что там не отражено. Я У-2 только пилотировал, дядька у меня в сельхозавиации работал, ну и показывал, что да как. А когда подрос, то и за штурвал пускал.

– Замечательно, – говорит командир. – Тогда план оставляем без изменений. Ну, отышались? Тогда встали и пошли.

... Ну, а дальше, ребята, началась такая катафасия, что рассказать о ней связно у меня таланту не хватит. Объект, конечно, был учебный, но солдатиков туда согнали – сотни две, не меньше. Тут нам вся наша учеба и пригодилась – и как через речку незаметно перебираться, и как часовых бесшумно резать, и как под колючей проволокой ужом скользить. Все шло нормально, пока мы в центр пробирались – а была эта база, вроде нашей «Синицы», только очень чистенькая и вся какая-то отутюженная, как солдатская форма в части, где генерала с проверкой ждут. Домики стоят фанерные, на наши непохожи, перед ними цветнички, дорожки, гравием посыпанные, все культурно. Но чем ближе к центру, тем охраны больше. В конце концов, нашли мы этот штаб – а вокруг него оцепление. Не пройти, не про-

ехать. Мы лежим за штакетничком, обмозговываем ситуацию. И тут Николаич – ну светлая же голова, говорю! – шепчет:

– Тут где-то коммуникации должны быть подземные! Может, по ним попробуем?

Товарищ Жора говорит:

– Ну, ищите.

Стали искать. Подобрались к водокачке – рядом с ней два часовых с автоматами. Мы их сняли так быстро, что они даже пикнуть не успели. Тут надо пояснить, что оружие и у нас, и у солдатиков было настояще, только патроны холостые, но шуметь было ни в коем случае нельзя – сбежится охрана и расстреляет нас, как куропаток. Поэтому мы аккуратно этих часовых сплениали, рты им заклеили и в кирпичный сарай при водокачке оттащили. И тут нам очень повезло, потому что в сарае этом обнаружился люк, и был он входом в те самые коммуникации, о которых Николаич твердил.

Проползли мы по ним, все время с компасом сверяясь, чтобы выйти как раз к оцепленному автоматчиками штабу. Ползли долго, в дерьме извозились, что твои золотари, но это ничего, нет такой грязи, чтобы водой нельзя было отмыть. Вылезли в подвал под штабом, послушали, где сверху голоса бубнят – видно, там совещание. Потом выбили люк, что выходил в соседнюю комнату, и посыпались из подпола, как тараканы.

В штабе человек двадцать было, в основном офицеры, а охраны мало. Мы первым делом, конечно, охрану вырубили – тут капитан отличился, как пошел поршнями своими махать, ну чисто молотилка. Да и товарищ Жора, несмотря на то, что помогать нам он как бы не мог, а только приглядывал, пару человека носом в пол все же уложил.

Рассказывать об этом долго, а на самом деле все это за секунды происходило. Я сам не понял, как очутился в центре комнаты, рядом с креслом, в котором плугавый такой генерал сидел.

Чем он мне так приглянулся – не знаю; может, орденов у него было поболе, чем у прочих, а может, охрана, пока ее Шибанов, как кегли, не расшвырял, первого его кинулась защищать.

В общем, тычу я ему в висок ствол, а сам лезу в карман его кителя – проверить, не там ли часы. В левый, в правый залез – пусто. Потом за отворот и во внутренний карман – вот они, родимые. Тяжелые такие, круглые, как серебряное яйцо. Я их вытащил, цепочку рванул, руку вверх поднял и кричу:

– Есть! Есть часы! Вот они, часики-то!

Почему мне помстилось, что как только я часы эти сцеплю, врачи наши оружие тут же побросают – не знаю. С дури, наверное.

Тут мне товарищ Жора тихонько так шепчет:

– Хорошо, старшина, предмет ты добыл, теперь уходить надо.

А как тут уйдешь? На улице шухер, в окна, в двери лезут автоматчики. Офицеры, которые в штабе были, пока мирно лежат на брюхе, как их капитан с Николаичем положили, но начнись стрельба, хорошего от них тоже не жди. В подпол обратно прыгать? Ну так теперь-то они знают, откуда мы появились, пустят газ да передушат, как котят. А бой принимать – силы слишком неравные. Что делать?

И тут до меня медленно, но доходит, что никто ведь в нас не стреляет! И не стреляет потому, что я этого плюгавого генерала до сих пор на мушке держу! А стоит мне руку с пистолетом от виска его отвести, как затишье это немедленно кончится.

Я кричу:

– Катерина, целься в моего генерала, быстро!

Молодец девка, два раза повторять не просит. Тут же свою винтовку ему в пузо наставила.

– Так, – говорю, – товарищи солдаты, сейчас мы отсюда свалим вежливо, а вы нас пропустите. Потому что иначе от главнокомандующего вашего только рожки да ножки останутся. А если вы без глупостей обойдетесь, то вернем мы его вам в целости и сохранности, зуб даю.

И пошли мы. Сначала капитан с двумя пистолетами, за ним я с генералом, за мной Катерина, с винтовкой, в генерала через плечо мое нацеленной, а за ней Николаич с автоматом. Ну, и следом товарищ Жора, который вроде как не при делах, но выглядит очень довольным.

Вышли из штаба, вокруг – толпа. Я кричу:

– Расступись, товарищи, дорогу главнокомандующему!

Расступились. Только у выхода с площади какой-то резкий лейтенант на меня все-таки прыгнул, но Сашка его почти не глядя из обоих стволов снял.

Добрались до аэродрома. Там трофейные «Юнкерсы» стоят. Мы сразу к тому, вокруг которого охраны больше.

– Экипаж где? – ору. – Где экипаж, курицыны дети?

Ждем минут десять. Потом появляются двое – пилот и бортмеханик. Шибанов их сразу на прицел берет.

– Заводи, – говорю, – шарманку. Покатаемся.

Аэродром, между тем, окружают со всех сторон. Подкатывают пара танкеток, на деревья, смотрю, солдаты с винтовками карабкаются. Ну, думаю, сейчас тут будет жарко.

Хватаю я этого плюгавого и высываю в люк.

– Так, – говорю, – если в течение пяти минут танкетки и снайперы не уберутся, с товарищем генералом неприятность случится. Все ясно?

Может, они ждали, что я перед взлетом его из самолета выкину, но зря. Когда экипаж двигатели раскочегарил, и винты заревели, я плюгавого обратно в салон втянул и люк захлопнул.

– Извините, – говорю, – товарищ генерал, за такое обращение, но очень нам желательно отсюда живыми убраться.

Он смотрит на меня злыми глазками.

– Какой, – говорит, – я к чертям свинячым тебе генерал! Я Марк Подрабинек, заслуженный артист Конотопского драматического театра! Трагик, между прочим. Гамлета играл! И угораздило же меня родиться похожим на этого поца Гитлера.

Теперь таскают по всяким учениям, недели не проходит, чтоб какой-нибудь ухарь-сержант вроде тебя по шее не насовал!

Мне, конечно, смешно, но я сдерживаюсь, вида не подаю.

— Я, — говорю, — не сержант, а старшина. Если чего не так — прошу прощения.

В общем, взлетели мы. У них там вокруг аэродрома зенитки были понатыканы — но по нам никто стрелять, конечно, не посмел. Два самолета в воздух только поднялись и вслед за нами пошли.

Тут товарищ Жора говорит Катерине:

— Доставайте рацию, вызывайте авиаподдержку. Идем в квадрат Р-17.

— А как же режим радиомолчания? — Катерина спрашивает.

Он хохочет.

— Какое уж тут радиомолчание, когда вы самого Гитлера в заложники взяли! Всего мог от вас ожидать, но такого!

Короче, вызвала Катерина подкрепление. И у самого леса, где мы пилота нашего оставили, встретили нас три ястребка. Боя, понятное дело, никакого не было, те самолеты, что за нами шли, крыльями покачали и повернули назад.

Сели мы на картофельном поле, около леса, капитан с товарищем Жорой за пилотом отправились, а мы с Николаичем, Катериной и актером-трагиком Подрабинеком стали костерок жечь и картошку выпекать — целый день на голодный желудок бегали, проголодались.

Через час они вернулись, причем пилот на своих двоих шел, хотя Шибанов с Жорой его и поддерживали. Подошли они к нам, пилот вдруг Катерину к себе прижал да как расцелует в обе щеки.

— Рассказали мне, сестренка, что если б не ты, лежать бы мне парализованному. Я теперь твой должник навеки.

Катерина в краску. Шибанов говорит:

— Ладно девчонку смущать, садись ешь вон давай.

Не нравится ему, когда кто-то к Катерине лезет, пусть даже и с благодарностями. Эх, думаю, капитан, это ж ты еще про цветочки не знаешь...

Сидим, едим. Так хорошо – будто побывал в самом пекле, и оттуда вернулся. Сейчас бы, конечно, водочки граммов сто – еще лучше было бы.

– Слыши, земляк, – спрашиваю я пилота, – у тебя авиационного спирта случайно на борту не заныкано?

И тихо так вроде спрашиваю, но у Жоры ушки на макушке.

– Отставить спирт, – говорит. – Операция завершена, и завершена успешно, но у меня есть целый ряд замечаний к личному составу.

Мы молчим, ждем, чего дальше будет.

– Назначенный мной старший группы, капитан Шибанов, вел себя безынициативно, командиром и руководителем операции себя не проявил.

– Позвольте, – вспыхивает Шибанов, – я не был готов к тому, чтобы взять на себя такую ответственность. Вы же сообщили о том, что не будете командовать за несколько минут до начала операции!

– В реальных условиях меня могли бы просто убить, – отвечает Жора, и голос у него лязгает, как железо. – И вы, как старший по званию, обязаны были принять на себя командование группой, вне зависимости от того, готовились вы к этому или нет. А вы вели себя так, словно все время ожидали от меня подсказки.

Потом поворачивается и смотрит на Николаича.

– Несколько лучше проявил себя товарищ Гумилев. Он был достаточно инициативен, изобретателен, его идея с подземными коммуникациями во многом помогла выполнить задание. Однако и у него были серьезные недочеты. Вы, товарищ Гумилев, чаще всего действовали индивидуально, без оглядки на товарищей. В некоторых ситуациях это могло стоить жизни и вам, и вашим друзьям. Вам следует обратить особое внимание на отработку взаимодействия в группе.

Левка, гляжу, потупился, сидит, ковыряет палочкой землю.

– Вы, товарищ сержант, – говорит Жора Катерине, – отлично выполнили задание. К вам у меня претензий никаких нет.

Ну, думаю, сейчас меня песочить начнут.

Но ошибся я.

Потому что командир поворачивается к пилоту и чеканит:

– А вас, лейтенант, я бы отдал под трибунал. И ваше счастье, что это был учебный вылет. Потому что в боевых условиях ваше стремление пофорсить могло бы стоить жизни всей группе и сорвать выполнение важнейшего государственного задания.

Пилот, гляжу, делается белый, как снег.

– Почему это – пофорсить? – спрашивает он, а голос у него дрожит. – Место для посадки я выбирал, руководствуясь...

– Руководствуясь личными предпочтениями, – перебивает его командир. – Мне хорошо известно, что вы участвовали в испытаниях планеров А-7 и Г-11 и несколько раз сажали их на лес. Но здесь неподалеку поле, которое можно было использовать для посадки, не рискуя ни планером, ни десантниками. А вы...

– Виноват, – говорит пилот деревянным голосом, – товарищ майор, больше не повторится.

– Ну, а вы, товарищ старшина, проявили себя молодцом, – улыбается мне командир. – Идея с заложником была блестящей. Не говоря уже о том, что предмет добыли именно вы.

Мне, конечно, такие слова слышать приятно. Будь я девчонкой, наверное, покраснел бы. А так только улыбнулся чуть-чуть и говорю:

– Служу Советскому Союзу, товарищ майор.

И в этот торжественный момент в наш серьезный мужской разговор влезает заслуженный артист Конотопского драмтеатра Марк Подрабинек:

– Я, конечно, дико извиняюсь, но можно мне получить обратно свои часы? Это, между прочим, наследство от дедушки, Хaimа Лазаревича, который получил их в подарок от самого одесского генерал-губернатора...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дуэль

Подмосковье, июль 1942 года

Капитан Шибанов вернулся из Ленинграда в отвратительном настроении.

Контузия его оказалась действительно тяжелой, и из госпиталя он смог выбраться – угрожая медицинскому начальству всеми возможными карами – только утром в среду. Его все еще пошатывало и временами мутило, хорошо хоть исчезли мельтешащие перед глазами разноцветные пятна.

Добравшись, наконец, до Большого дома, он выяснил, что его там не очень-то и ждут. Возможно, дело было в том, что сержант-мотоциклист, которого он отпустил искать убежище во время бомбейки, обратно так и не вернулся – словил случайный осколок. Прямо в его гибели Шибанова, разумеется, не винили, но смотрели довольно косо.

Затем выяснилось, что майор Веретенников, которому было поручено оказывать всяческое содействие московскому гостю, в срочном порядке убыл на очень секретный объект, и вернется не раньше пятницы.

Рассвирепевший Шибанов, размахивая подписанной наркомом внутренних дел бумагой, вытащил из кресла какого-то лысого подполковника и заставил сопроводить его в архив. По мере приближения к архиву лысица подполковника поменяла цвет с оливкового на багровый и покрылась жемчужными каплями пота. Еще у него обнаружилась одышка и астма. Не дожидаясь, пока подполковника хватит удар, Шибанов прислонил его к стене и внятно потребовал объяснений.

Подполковник промямлил что-то о небывалом ЧП, загадочным образом связанным с целью визита Шибанова в Ленинград. Из архива пропало личное дело Льва Гумилева, а сержант госбезопасности, дежуривший в спецхранилище в ночь с понедельника на вторник, был найден на посту мертвым. Из-за этого, по словам подполковника, все начальство ленинградского управления НКВД уже третий день стояло на ушах.

Шибанов похолодел от страшного предчувствия. Он обшарил архив и действительно не нашел там никаких следов дела Льва Гумилева. Дело исчезло вместе с указаниями на то, где хранились изъятые у Гумилева предметы.

Затем капитан в сопровождении двух опытных сыскарей спустился в спецхранилище, и принялся прочесывать его ящик за ящиком. Хранилище было огромным, и обыскать его целиком вряд ли удалось бы за месяц. Но тут Шибанову неожиданно повезло. Кто-то из сыскарей вспомнил, что все вещдоки, попавшие в хранилище после тридцать седьмого года, хранились в шкафах с литерами «Л», «М» и «Н». Поскольку Гумилева арестовали в тридцать восьмом году, круг поиска сужался в несколько раз. К тому же в хранилище имелись подробные описи, занимавшие два десятка толстенных гроссбухов.

Ни в одном из шкафов, отмеченных этими литерами, изъятых у Гумилева предметов, однако, обнаружить не удалось. Шибанов перетряс все ящики и заставил сыскарей сверить находившиеся там вещдоки с описями. Здесь его ждал очередной удар: согласно записям в гроссбухах, предмет из серебристого металла, изображавший птицу и карта с неизвестным шифром должны были находиться в ящике с маркировкой М 58/77. Капитан бросился проверять ящик, и обнаружил, что он пуст.

Ситуация складывалась аховая: личное дело Гумилева и обнаруженные им в Туркестане предметы исчезли, единственный человек, который мог что-то знать об обстоятельствах их исчезновения, был мертв. Шибанов не без труда выяснил, кто

из следователей вел дело о гибели сержанта Андреева и пробился к нему в кабинет. Поначалу следователь, рослый здоровяк с погонами майора, наотрез отказывался сообщать ему какую-либо информацию, и едва ли не хамил Шибанову в лицо. В конце концов капитан потерял терпение и прямо из кабинета следователя позвонил порученцу Берии Саркисову.

Следующие пятнадцать минут Шибанов злорадно наблюдал, как майор становится меньше ростом и уже в плечах. Отборный мат Саркисова было слышно даже на лестнице.

К тому моменту, когда порученец Берии израсходовал большую часть своего богатого запаса обсценных выражений, следователь был уже полностью укрошен и готов к сотрудничеству. Дрожа от перенесенного потрясения, он рассказал Шибанову, что сержанту Андрееву, скорее всего, сломали шейные позвонки профессионально нанесенным ударом из арсенала боевого самбо, и что убийство совершено, вероятно, теми же злоумышленниками, которые проникли в здание управления со стороны улицы Каляева, вырезав стекло в окне первого этажа.

– Интересно тут у вас, – проговорил капитан, представив себе крадущихся по коридорам Большого дома злоумышленников.

– И что, часто к вам этак по-свойски воры залезают?

– Клянусь! – рыдающим голосом закричал майор, зачем-то прижимая к груди телефонную трубку. – Первый раз за пятнадцать лет! Никто! Никогда! Даже подумать не мог! Чтобы! Покуситься!

– Следы хоть какие-нибудь остались? – спросил Шибанов, уже догадываясь, что ответит ему следователь.

– Нет! Все чисто! Только в хранилище пуль нашли от нагана и пятна крови. А так они даже стекло, которое вырезали, тряпочкой протерли!

«Профессионалы работали», – подумал Шибанов. Он поднялся и с легким сожалением взглянул на следователя.

– Колыма тебе светит, майор, – сказал он и вышел.

Тем же вечером Шибанов вылетел в Москву. Когда «У-2» пролетал над позициями немцев в районе Луги, по нему открыла огонь зенитная батарея. Капитан с интересом обнаружил, что совершенно не испытывает страха.

«А может, ну его к черту, – подумал он, – пусть лучше собьют... Меньше позора будет».

Но то ли ему везло, то ли судьба хранила его, как бычка, предназначенногоназаклание. «У-2» благополучно миновал немецкие огневые рубежи и спустя три часа сел на одном из подмосковных аэродромов.

Выйдя из самолета, капитан крепко задумался. В Ленинград его посыпал лично Лаврентий Павлович Берия, и докладываться он должен был именно ему. Но что-то подсказывало Шибанову, что если он примчится к наркому с информацией о пропавших из спецхранилища ленинградского НКВД предметах, то из кабинета Берии он может отправиться не на базу «Синицы», а прямиком в Лефортово. С одной стороны, он, Шибанов, вроде бы ни в чем и не виноват, а с другой – кража была совершена именно в то время, когда он валялся в беспамятстве на больничной койке. Для подозрительного наркома этого может оказаться достаточно, чтобы подвергнуть незадачливого эмиссара допросу с пристрастием.

В Лефортово капитану не хотелось. И он решил пойти в банк: прежде, чем предстать перед наркотом, доложить о ЧП в Большом доме своему непосредственному начальнику, Виктору Абакумову.

Было начало третьего ночи. Абакумов, скорее всего, еще сидел в своем кабинете на площади Дзержинского, но туда Шибанову хода не было: слишком много внимательных глаз могли заметить, что он навестил шефа раньше, чем Лаврентия Павловича. Поэтому капитан поехал к Абакумову домой, в Телеграфный переулок.

Окна большой пятикомнатной квартиры комиссара госбезопасности были темны. Шибанов прислонился к стене дома напротив и приготовился к долгому ожиданию.

Ждать, ему, впрочем, пришлось не больше часа. Черный «ЗИС» со шторками на окнах бесшумно подкатил к подъезду Абакумова в четыре часа утра. Шофер выскоичил и распахнул перед Абакумовым дверцу.

– Поезжай домой, Степа, – распорядился комиссар госбезопасности. – Завтра заедешь за мной в двенадцать ноль-ноль.

Гулко хлопнула дверь подъезда. Когда «ЗИС» завернул за угол, Шибанов сорвался с места и стремительной тенью пересек переулок.

Абакумов поднимался по лестнице медленно, усталой походкой человека, заканчивающего долгий и трудный день. Услышав, что кто-то вбежал за ним в подъезд, он тут же обернулся и сунул руку в карман плаща.

– Товарищ комиссар госбезопасности, – торопливо проговорил капитан, – это я, Шибанов.

– Что ты тут делаешь? – спросил Абакумов, не вынимая руку из кармана. Капитан понял, что одно неверное слово или движение – и он может получить пулю.

Шеф не видел его уже три недели – с того самого момента, как по личному распоряжению Берии Шибанова отправили на базу «Синица». За эти три недели с капитаном могли сделать все что угодно – перевербовать, запугать, обколоть наркотиками, или просто убедить в том, что его начальник – враг народа.

– У меня для вас очень важная информация, – сказал Шибанов, глядя на шефа снизу вверх. – Никто не должен знать, что я с вами встречался. Поэтому я позволил себе прийти к вам домой. Если об этом узнает товарищ нарком, мне крышка.

Абакумов засопел и вытащил руку из кармана.

– Поднимешься? – спросил он будничным тоном. – Или так и будем на лестнице стоять?

В огромной квартире было пусто – жена и сын Абакумова летом жили на даче. Комиссар госбезопасности жестом пригласил капитана в кухню, открыл холодильник, достал оттуда початую бутылку водки и глиняную тарелку с солеными огурцами.

– Выпьешь?

– Я же не пью, товарищ комиссар госбезопасности.

– Пьяниц не люблю, трезвенников опасаюсь, – проворчал Абакумов, наливая себе полстакана водки. – Не я сказал, а сам товарищ Горький. Ну, и что там у тебя стряслось, капитан?

Он выпил водку залпом и вкусно захрустел огурцом.

– В воскресенье по личному распоряжению наркома внутренних дел я был направлен в Ленинград, – начал Шибанов, но шеф перебил его.

– Это ты мне можешь не рассказывать. Все, что связано с операцией «Вундеркинд», я курирую лично.

«А я думал, нас товарищ Берия курирует», – подумал Шибанов. Вслух он сказал:

– В Ленинграде ЧП, товарищ комиссар госбезопасности. Из хранилища ленинградского управления НКВД похищены предметы, изъятые у Льва Гумилева летом тридцать восьмого года.

Абакумов посмотрел на него тяжелым взглядом. Глаза у него были красные от недосыпания.

– Что-то я не понял, капитан, – сказал он медленно. – Что значит – похищены?

Шибанов коротко и четко доложил ему все, что узнал в Ленинграде. С каждой минутой Абакумов мрачнел все больше.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросил он, наконец.

– Думаю, да. Противник провел на нашей территории наглую операцию. Работали наверняка профессионалы, диверсанты высокого класса.

Абакумов плеснул себе еще водки, выпил, скрипнул зубами.

– А ты отдаешь себе отчет, капитан, какие в этой игре теперь ставки? – спросил он хриплым голосом. – И сколько сил пришлось затратить немцам, чтобы вытащить эти цацки из блокадного города?

Некоторое время шеф сидел, глядя в одну точку. На его сильном лице играли желваки.

– Они знают про Гумилева, – сказал он, наконец. – Возможно, они знают о том, что мы ищем Орла. Из этого следует два вывода. Ну-ка, капитан, скажи мне, какие.

Шибанов потер сломанный нос.

– Во-первых, не исключена утечка информации, – сказал он.

– Где-то у нас завелась крыса.

Абакумов кивнул.

– Правильно. А во-вторых?

– Будем отменять операцию?

Комиссар госбезопасности внимательно посмотрел на него.

– Ты головой-то сильно ударился? – заботливо спросил он.

– Врачи говорят – сильно, – пожал плечами Шибанов.

– Оно и видно! – рявкнул Абакумов, хлопнув по столу ладонью. – Операцию надо проводить в кратчайшие сроки! Немедленно! Потому что если мы не вернем Орла в ближайшие дни, мы не доберемся до него уже никогда! Понял, капитан?

Шибанов вскочил и вытянулся по стойке «смирно».

– Так точно, товарищ комиссар госбезопасности.

– Ты должен был сразу ехать к наркому, – буркнул Абакумов.

– Почему поехал ко мне?

– В тюрьму неохота, – честно ответил Шибанов.

– Брось, никто бы тебя в Лефортово отправлять не стал. Но сделал ты правильно. Тебе, кстати, повезло – Лаврентий сейчас у Хозяина, на Ближней даче. Вернется не раньше одиннадцати. Ты к этому времени должен уже час сидеть у него в приемной, понял?

Абакумов с сожалением убрал ополовиненную бутылку обратно в холодильник.

— Я сейчас тут помозгую, как лучше все это повернуть, а утром поеду в контору. Прикрою тебя от Лаврентия. Давай, капитан, двигай. И поспи хотя бы минуток двести, а то у тебя рожа — краше в гроб кладут.

Выйдя на улицу, Шибанов глубоко вдохнул прохладный утренний воздух. Напряжение, владевшее им последние несколько часов, постепенно отпускало свою стальную хватку.

«Почему шеф сказал «если мы не вернем Орла»? – неожиданно подумал капитан. – «Он оговорился или... проговорился?»

Абакумов наблюдал в окно, как капитан идет к стрелке Телеграфного и Потаповского переулков. Дойдя до перекрестка, Шибанов покрутил головой и вдруг, развернувшись на носках, нанес несколько пушечных ударов невидимому противнику. «Молодой еще, – хмыкнул про себя комиссар госбезопасности. – Детство в заднице играет... боксер хренов...»

Он прошел в комнату и несколько раз крутанул диск рогатого черного телефона.

– Максим Александрович? – сказал он в трубку. – Это Абакумов. Прости, что разбудил. Тут у меня новости. Нет, нехорошие. Лучше ты ко мне. Жду.

Абакумов оказался прав: выслушав рапорт Шибанова о происшествии в Ленинграде, Берия потемнел лицом и пробормотал про себя какое-то грузинское ругательство, но кричать на капитана не стал, а велел ему немедленно возвращаться на базу С-212 и доложить об изменившейся ситуации командиру группы. Когда Шибанов вышел, нарком вызвал к себе своего заместителя Богдана Кобурова, человека, которому доверял почти как себе. Кобулов, огромный, толстый армянин, был начисто лишен каких бы то ни было сантиментов; Берия знал, что во время работы на Кавказе Богдан сам пытал подследственных, вырывая им ногти.

– Поедешь в Ленинград, – велел Берия. – Тамошние чекисты крепко проштрафились, надо их наказать.

– Есть, товарищ народный комиссар внутренних дел, – прогудел Кобулов. – Накажем так, что никому мало не покажется.

– Это не все, – перебил его Берия. – Возможно, там поработала немецкая разведка. И если это так, то мне нужны улики. Настоящие, а не вырванные с мясом, ясно?

...Капитан Шибанов не любил проигрывать. А еще он очень не любил, когда его, как нашкодившего щенка, тычут носом в лужу – да еще на глазах у девушки, которая ему небезразлична.

Когда Жером перед всей группой отругал его за безынициативность, Шибанов едва сдержался, чтобы не ползть в бутылку. Голова у него трещала, как пустой орех, зажатый железными щипцами. После мягкой посадки на лес полученная в Ленинграде контузия снова дала о себе знать, и капитану приходилось тратить массу усилий, чтобы просто не грохнуться в обморок. Какая уж тут инициатива! Но Жерому, похоже, было на это наплевать. А может быть, он специально выделялся, чтобы опозорить капитана перед Катериной?

Шибанов чувствовал, что пока он загорал в ленинградской командировке, на базе происходили какие-то важные события. Во всяком случае, в поведении Катерины угадывалась какая-то отстраненность, которой он не чувствовал раньше. Неужели все-таки Левка, гад, подсуетился, думал капитан, поглядывая искоса на сержанта медслужбы. А что, вполне вероятно. Всетаки пять дней форы у него были.

Когда группа вернулась на базу, капитан улучил момент и шепнул Кате:

– Выходи через полчаса после отбоя на террасу, поговорить надо.

– Если не засну, – Катя улыбнулась, но Шибанову ее улыбка не понравилась. – Устала я сегодня безумно...

Капитан тоже чувствовал звенящую усталость в мышцах, но спать ему не хотелось совершенно. Он лежал в темноте, считая секунды. Шестьдесят секунд, шестьсот, тысяча восемьсот... Ему показалось, что дверь соседней комнаты едва заметно скрипнула.

«Вышла все-таки», – подумал Шибанов и пружинисто поднялся со своей койки.

– Далеко собрался? – сонным голосом спросил Теркин.

– Прогуляюсь, – бросил капитан. Он влез ногами в сандалии и вышел из комнаты. Странно, но на террасе никого не было.

– Катя, – шепотом позвал он. Тишина. Шибанов прошелся по террасе, зачем-то заглянул за перила. Никого. Капитан подумал, потом подошел к двери Катиной комнаты и тихонько постучал.

– Кать, это я, Саша.

Дверь оказалась не заперта. Шибанов усмехнулся и осторожно надавил на нее. «Скромница, – подумал он. – Заманивает!»

– Катя! – позвал он снова. В комнате было очень тихо. Капитан замер, прислушиваясь. Его специально натаскивали на распознавание засад: он умел улавливать почти неслышимое дыхание, легкий скрип половиц, шорох штор, за которыми мог прятаться враг. Сейчас он не слышал ничего.

– Ай-яй-яй, – сказал Шибанов. – Как не стыдно, Катерина, большая девочка, а до сих пор в прятки играешь!

Он шагнул через порог и замер. Слух, обоняние, интуиция – все говорило ему о том, что в комнате никого нет. Но куда же в таком случае делась Катя?

Капитан достал из кармана зажигалку и крутанул колесико. Слабый желтый огонек осветил по-спартански обставленную комнату, стол с кипой тетрадок на нем, аккуратно застеленную кровать... «Она что, еще не ложилась?» – озадаченно подумал Шибанов.

Он вдруг почувствовал себя неудобно. Вторгся в комнату к девушке, невежливо, как хрестоматийный незваный гость... А

что, если Катя сейчас вернется и застанет его с глупейшим видом рассматривающим ее койку? Нет, нужно скорее уходить, решил капитан и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он краем глаза увидел какой-то темный силуэт, заслонявший половину окна. Щелкнул зажигалкой еще раз – в трехлитровой банке на подоконнике стоял огромный букет роскошных бархатных роз.

– Ах, вот как, – одними губами проговорил капитан. Он подошел к окну и провел пальцами по стеблям цветов. Укололся о шип и беззвучно выругался.

«Что ж, Катерина батьковна, – подумал Шибанов, – значит, пока я в Ленинграде контуженый валялся, вас тут цветочками заваливали... Понимаю».

Ему очень хотелось схватить букет и выкинуть его в окно, но он сдержался. Все-таки он находился не у себя в комнате, и сюда его никто не звал.

Шибанов погасил зажигалку и на цыпочках вышел из Катиной комнаты. Постоял немного на террасе, пытаясь успокоиться. Прохладный ветерок с реки ласкал его разгоряченный лоб.

«Прежде всего, надо выяснить, кто это сделал, – сказал себе капитан. – Скорее всего, Левка, поступок вполне в его духе... Но надо удостовериться».

Он вернулся в свою комнату, подошел к кровати Гумилева и довольно бесцеремонно пнул ее ногой. Кровать неожиданно легко сдвинулась с места – никакого Гумилева на ней не было.

– Ты чего шумишь, капитан? – недовольно спросил Теркин. – Неужели не спится?

– Где Николаич? – спросил Шибанов, перешагивая через кровать Гумилева и подходя вплотную к койке Теркина. – Где наш враг народа, я тебя спрашиваю?

Теркин приподнялся на локтях и посмотрел на капитана.

– А я что, знаю, что ли? Может, отлить пошел. Я вообще-то спал, пока ты тут бузить не начал.

– Отлить? – с нехорошой интонацией переспросил Шибанов.

– А цветы Катьке кто подарил?

– Какие цветы?

– Розы, курицу твою наизнанку! – Шибанов схватил Теркина за плечи, тряхнул. – У нее розы на окне стоят, огромный букет! Что, не видел?

Теркин перехватил его руку.

– Слыши, капитан, – сказал он спокойно, – ты бы охолонул маленько. А то тебя колотит, точно трактор перегретый. Розы Катерине на день рождение ее подарили, и подарок это, можно сказать, коллективный. А на Николаича ты бочки не кати, он такой же враг народа, как мы с тобой.

Шибанов почувствовал, что рот его наполнился теплой соленой кровью – видно, в гневе он прикусил себе язык.

– Спелись, да? – спросил он, сплевывая кровь на пол. – Спелись тут все? Ну, посмотрим, как он у меня запоет.

Круто развернулся и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Гумилева он искал почти час. За это время капитан успел передумать всякое. Сначала ему мерещилось, что Лев и Катя гуляют где-то над ночной рекой, держась за руки и шепча друг другу разные глупости. Потом, пройдясь по всем пригодным для романтических прогулок тропинкам, решил, что они отправились на противоположный берег, где им никто не смог бы помешать. Шибанов бросился искать лодку – и нашел ее привязанной к деревянным мосткам, около которых Гумилев обычно купался по утрам. Оставался последний вариант – Лев и Катя могли уединиться в каком-нибудь из учебных помещений. Капитан толкнулся в класс, где группа проходила радиодело – там было заперто. Заглянул в медицинский класс – и не обнаружил никого, кроме резинового Гоши.

– Ну, не на стрельбище же они, в конце концов! – сказал себе Шибанов.

Но на всякий случай отправился и туда. Уже подходя к стрельбищу, он понял, что на этот раз не ошибся – оттуда доносились какие-то странные звуки, тяжелое, прерывистое дыхание и приглушенные возгласы. Капитан, каменея лицом, преодолел последние двадцать метров, отделявших его от стрельбища и замер, пораженный открывшейся ему картиной.

На пустынной, залитой лунным светом площадке стрельбища, метался человек. Он бегал зигзагами, переставлял ноги поперекрестным шагом, падал, перекатывался, вскакивал, выбрасывая вперед согнутые ноги – в общем, делал все, чему учили их Жером, только без пистолетов. Иногда, впрочем, он направлял в сторону мишени указательные пальцы сцепленных между собой рук и громко говорил «пух-пух». В другое время это зрелище только посмешило бы Шибанова, но сейчас он был зол и не расположен к веселью.

– Эй, – окликнул он Гумилева, – эй, ты, царь зверей!

Гумилев оглянулся. Лицо его приобрело растерянно-глуповатое выражение.

– А, Саша, – проговорил он неуверенно. – А я вот тут... тренируюсь.

– Это я вижу, – презрительно сказал Шибанов. Он подошел к Гумилеву и остановился в нескольких шагах перед ним, раскачиваясь с пятки на носок. – Стрелок-ганфайтер...

– У меня пока не очень хорошо получается, – Лев словно оправдывался, – поэтому я иногда занимаюсь по ночам. Ты только Жерому не рассказывай, хорошо?

– Вот что, царь зверей, – сказал капитан, беря его за пуговицу гимнастерки. – Я тебя насчет Катерины предупреждал? Я тебе говорил к ней не лезть?

Выражение лица Гумилева мгновенно изменилось – будто бы прежнее было маской, которую ее владелец отбросил за ненадобностью.

– При чем здесь Катя? – холодно спросил он.

– А при том, – гаркнул Шибанов, наступая на Гумилева. – Я тебе ясно сказал: не трогай ее! А ты ей тут розы носил, пока меня не было? Пока я Попугая твоего несчастного искал!

– Нашел?

– Что? – капитан на мгновение запнулся. – Не твое дело, что я нашел, а что нет. Твое дело было – от Катыки подальше держаться. Не смог удержаться – ну, извини тогда...

Он открытой ладонью ударил Гумилева по лицу. Удар был не сильный, но обидный – вроде хлесткой пощечины. К тому же капитан попал Льву по кончику носа, и на гимнастерку Гумилева брызнула кровь.

Шибанов ожидал, что Лев бросится в драку, и был готов свалить его двумя точными ударами. Но Гумилев, напротив, отступил на шаг и выставил вперед пустые ладони.

– Я не буду с тобой драться, – сказал он хрипло. – Ты тяжелее меня на сорок килограммов, и ты лучше боксируешь.

Капитан удивленно поднял брови.

– Это надо понимать так, что ты все понял и просишь прощения?

– Casse-toi, minable, – почему-то по-французски отозвался Гумилев. – Этого ты не дождешься. Я вызываю тебя на дуэль.

Шибанову показалось, что он услышался.

– Что-что? – переспросил он. – На дуэль?

Гумилев вытер с лица кровь и кивнул.

– Да. Американская дуэль, на двух пистолетах. Как нам рассказывал Жером.

– Ты что, больной? – капитан участливо посмотрел на Гумилева. – На каких, на хрен, пистолетах? Хочешь разобраться помужски – давай драться. Не хочешь – вали отсюда, но к Катерине больше не подходи.

– Трус, – сплюнул Лев. – Я так и знал, что ты соскочишь...

– Ты мне свои блатные штучки брось, – сказал Шибанов. – Соскочишь – не соскочишь... Где ты сейчас пистолеты возьмешь

– это первый вопрос. Они все в оружейке под замком. И как я потом буду все это Жерому объяснять – это вопрос номер два.

– Почему ты решил, что объяснять будешь ты? – прищурился Гумилев. – Да в общем-то какая разница – все равно ты струсили.

Капитан взбеленился.

– Потому что объяснять будет тот, кто останется в живых. А у тебя шансов нету, салага!

– Ну, вот и давай проверим! А оружейка, замок – это все разговоры в пользу бедных. Или тебя не учили вскрывать замки?

– Думаешь, взял меня на слабо? – криво усмехнулся Шибанов. – А ты понимаешь, что с нами сделает начальство, когда узнает про твою дурацкую затею? Я сейчас даже не Жерома в виду имею...

– Я же говорил, что ты трус, – повторил Лев упрямо. – Какая разница, чего ты боишься – пули или выволочки от начальства. Хотя выволочки даже как-то унизительнее...

– Поговори у меня еще, умник, – с угрозой сказал Шибанов. – Тебе хорошо – дальше Магадана все равно не пошлют. А с меня погоны снимут и в штрафбат отправят.

При этих словах он вспомнил закадычного приятеля Лешу Бричкина, вызвавшего на дуэль своего командира. Воспоминание это его расстроило: выходило, что он, Шибанов, сейчас ведет себя как Лешин комполка, трус и мерзавец.

– Что ж, – пожал плечами Гумилев. – Дело твое. Но я оставляю за собой право рассказать Кате о том, как ты струсили принять мой вызов.

Капитан одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние и схватил соперника за грудки.

– Только посмей, вошь лагерная!

Гумилев улыбнулся ему в лицо. Кровь тоненькой струйкой стекала из его разбитого носа.

– Вот ты и заговорил на своем языке, гражданин начальник.

Шибанов отбросил его в сторону.

– Ладно! Ищешь смерти – я тебя отговаривать не стану. Пошли за пистолетами.

Солдатика, стоявшего на посту у оружейки, сняли беззвучно и чисто – пригодились уроки Жерома. Парень даже не успел понять, что происходит, а очнулся уже связанным по рукам и ногам и с кляпом во рту.

– Под трибунал пойдем, – прошипел Шибанов Гумилеву, – нападение на часового – это тебе не у Проныкиных плюшки тирить...

Лев презрительно усмехнулся – видимо, считал, что на фоне предстоящей дуэли беспокоиться о столь мелком правонарушении глупо.

– ТТ, «Маузеры» или «Наганы»? – спросил он, не оборачиваясь.

– Предоставляешь мне право выбора оружия? – хмыкнул Шибанов. – Очень благородно с твоей стороны. Что ж, если дуэль у нас американская, то стреляться будем из револьверов.

Гумилев протянул ему пару «Наганов».

– Проверь, – сухо сказал он.

Шибанов крутанул барабаны, пощелкал спусковым крючком.

– Все в порядке.

– Держи, – Лев высыпал ему в ладонь горсть патронов. – Заряжай.

– Слушай, что это ты вдруг раскомандовался?

Гумилев сноровисто загонял патроны в барабаны своих револьверов. На Шибанова он даже не посмотрел.

– Ты когда-нибудь дрался на дуэли, капитан?

– А что? Можно подумать, ты у нас профессиональный боец!

– Я дрался на трех дуэлях. И все три выиграл.

– Ого! – насмешливо протянул Шибанов. – И все они были на револьверах?

– Последняя была на топорах, – спокойно ответил Лев. – В Медвежьегорске, в лагере. Мы там валили лес, поэтому и оружие выбрали соответствующее. Расстояние – пятнадцать шагов. У каждого по два топора, заточенных так, что ими можно было бриться. Бросали по очереди, и по условиям дуэли, следовало стоять неподвижно. Ты бы смог сыграть в такую игру, капитан?

– И что ты сделал со своим противником? – недоверчиво спросил Шибанов. – Убил?

– Нет, – сказал Гумилев. – Он проиграл, потому что испугался и дернулся.

Пока они готовили револьверы, луна успела юркнуть за чернильную тучу. На расстоянии вытянутой руки человеческий силуэт размывался, превращаясь в сгусток мрака.

– Предлагаю стреляться на двадцати шагах, – сказал Лев. – Иначе только всех перебудим, а вопрос наш так и не решим.

Он сказал это так, что у Шибанова по спине пополз холодок. «А ведь он запросто может меня убить, – подумал капитан. – Повезет дураку – и привет, Александр Сергеевич! Вон Дантесу как подфартило на Черной речке!»

– Тридцать шагов, – сказал он решительно. – Это в два раза ближе, чем до мишеней, а в них мы оба с двух рук стрелять насторились.

– Не в темноте, – возразил Гумилев. – Ну, хорошо, пусть будет тридцать.

Они переговаривались так, будто между ними и не было никакой ссоры – спокойно и буднично. Словно Шибанов не был Гумилева по лицу полчаса назад, и не обзвывал его лагерной вошью.

– Что ж, – сказал капитан, когда они все приготовления были, наконец, сделаны. – «Пистолетов пары, две пули – больше ничего – вдруг разрешат судьбу его!».

– Теперь – самое сложное, – сказал Гумилев, пропустив мимо ушей классическую цитату. – Секундантов у нас нет. Можно стрелять так, как делали это ганфайтеры на Диком Западе – кто первый выхватит револьверы, но в темноте это не самый лучший вариант. Предлагаю воткнуть в землю спичку и зажечь. Когда она догорит, начнем стрелять.

– Нет, – покачал головой Шибанов. – Спичка должна быть ровно посередине, но она десять раз догорит, прежде чем ты вернешься на свою позицию. Пусть это будет не спичка, а палка, обмотанная тканью.

– Хорошо, – согласился Лев. – Но с места после того, как догорит огонь, сходить нельзя.

Капитан оторвал полоску от своей рубашки и намотал на сущую ветку. Поднес к ткани огонек своей зажигалки.

– Теперь воткни ее в землю и возвращайся на позицию, – велел Гумилев. Он стоял у своего рубежа, скрестив руки на груди. Оба «Нагана» висели в расстегнутых кобурах у него на поясе.

Шибанов хотел ответить колкостью, но сдержался. Какой смысл упражняться в остроумии, если сейчас заговорят пули? На всякий случай он подпалил тряпку с другого конца.

– Стрелять начинаем, когда огонь погаснет, – зачем-то повторил Гумилев.

Капитан быстрой рысью вернулся на свою позицию. Палка горела, но как-то неохотно. Ее мерцающий свет отбрасывал на утоптанную землю стрельбища странные тени.

«Буду стрелять ему по ногам, – решил Шибанов. – Убивать не стану. Главное, чтобы он в меня случайно не попал...»

Ему вдруг стало очень страшно – куда страшнее, чем когда по его самолету лупили немецкие зенитки.

«А ведь Левка же мой товарищ, – подумал капитан. – Мы вместе должны были секретное задание выполнять... Его вон шеф из лагеря специально вытащил... а я ему сейчас пулю в ногу

всажу, и все, операция «Вундеркинд» медным тазом накроется... ну, а если не я ему, а он мне, результат будет тот же...»

– Эй, гусар, – крикнул он Льву, – предлагаю решить дело миром. Если хотите, могу даже принести вам свои извинения!

Гумилев не ответил. Огонек догорал, и его фигура теряла четкие очертания, оплывала, превращалась в тень.

– Ну и черт с тобой, потом же сам жалеть будешь! – сплюнул Шибанов. Он чувствовал нестерпимый зуд в кончиках пальцев – так им хотелось поскорее ощутить тепло деревянных щечек рукояти револьверов. Взгляд его метался от угасающего огонька к расплывающейся тени противника. Как понять, когда огонь потухнет окончательно? А если ему примерещится, что он уже потух, а в действительности он еще будет тлеть?

– Приготовились, – мертвым голосом скомандовал Гумилев.
– Через несколько секунд он погаснет.

Огонек мигнул последний раз и на стрельбище воцарилась полная темнота. Руки Шибанова метнулись к револьверам. И в это мгновение темноту между ними рассек луч сильного армейского фонаря.

– Оружие на землю! – гаркнул чей-то голос. – Оба!

Капитан замер. Он узнал этот голос. Но ему еще никогда не приходилось слышать, чтобы в нем звенела такая ярость.

– Я сказал – оружие на землю! – повторил Жером, вставая между дуэлянтами. Гумилев нехотя выполнил приказ – оба «Нагана» уже были у него в руках. – Капитан, к вам это тоже относится!

«Вот и все, – подумал Шибанов, – теперь-то уж точно мне одна дорога – в штрафбат...»

Он аккуратно положил револьверы на землю и отошел в сторону.

– Вы оба, – сказал Жером лязгающим голосом, – хуже, чем саботажники. Вас надо судить по законам военного времени. И будьте уверены, на этот раз я вас покрывать не стану.

Он собрал револьверы и проверил, заряжены ли они.

— Что с часовым? — спросил Жером.

Шибанов засопел.

— Да что с ним сделается? Сидит себе в оружейке связанный...

— Пойдете под трибунал, — сказал командир. — Оба.

Он повернулся и зашагал к оружейке.

— Откуда он узнал? — шепотом спросил Гумилев. — Мы вроде не шумели...

Капитан поразмыслил.

— Васька заложил, больше некому. Он знал, что я тебя искать пошел, вот и решил командиру стукнуть. Чудило деревенское...

— Сам ты больно городской, — сказала темнота голосом Теркина. — Если бы я Жору не предупредил, один из вас тут бы уже мертвым валялся. А может, и оба. Петухи вы гамбургские...

— Ну, сейчас я до тебя доберусь! — рявкнул Шибанов, бросаясь на звук. Гумилев схватил его за руку.

— Не надо, капитан. Теркин все правильно сделал.

— Дураки вы оба, — сказал Василий. — Родина вас кормила, поила, обучала всяким премудростям. Как с парашютом прыгать, как бомбы мастерить, как с двух рук стрелять. Не для того же, чтоб вы друг в друга потом палить начали!

Он присел на корточки и принял скручивать «козью ножку».

— Эх, — сказал он с тоской, — какая команда была! Как мы Гитлера в заложники брали — ведь любо-дорого глядеть было! Все испортили, поганцы...

— Ладно, старшина, — Шибанов от досады закусил губу, — не трави душу, и так тошно...

— И главное — было бы из-за чего! — не обращая на него внимания, продолжал Теркин. — А то — из-за бабы...

— Василий, — не вытерпел Гумилев, — не лезь не в свое дело, пожалуйста!

— Ладно, — пожал плечами Теркин. — Не полезу. Но тогда и ты туда не лезь, Николаич.

– Не понял, – медленно проговорил Лев. – Ты что это имеешь в виду?

– Да то, – Теркин затянулся козьей ножкой. В свежем предутреннем воздухе разлилась крепкая махорочная вонь. – Я, когда понял, что вы смертоубийством заняться решили, сразу к Жорке тыркнулся. Ну, он мне открыл – правда, не сразу. Стоит на пороге, в дом, конечно, не пускает. Но я так через плечо ему гляжу и вижу, в постели у него – Катерина, простыней прикрывается...

– Врешь, старшина! – Шибанов рванулся к Теркину, но тот даже не сделал попытки отстраниться. – Не может быть, чтобы у него!...

– Не веришь? – Теркин поднял взгляд и посмотрел на капитана снизу вверх. – Ну, сходи сам да в окошко ему и загляни. Только побыстрее, пока Жора не вернулся.

Из Шибанова будто выпустили воздух. Из груди его вырвался хриплый полу-крик, полу-стон, колени подогнулись и капитан опустился на землю рядом с Теркиным.

– А ведь я тебя чуть было не убил, капитан, – негромко сказал Гумилев. – Представляешь, какая бы вышла незадача.

– Сука, – сказал Шибанов, сжимая кулаки. – Курва. Убью стерву...

– Остынь, капитан, – Теркин положил руку ему на плечо. – Она тебе чего-нибудь обещала? Может, в верности до гроба клялась? Ну, так что ж ты на нее вызверился?

– Все вокруг умные, – горько сказал капитан, сбрасывая его руку. – Один Александр Сергеевич Шибанов получается кругом дурак. Ну, и поделом ему, дураку. Штрафбат так штрафбат.

Он поднялся и, шатаясь, как вылезший из берлоги медведь, побрел куда-то в темноту.

– Я, пожалуй, тоже пойду, Николаич, – сказал через несколько минут Теркин. – Мне все-таки немножко покемарить желательно. Ты как, посидишь еще?

– Да, – глухо ответил Гумилев. – Посижу. Ты иди, Василий. И это... спасибо тебе.

– Нема за что. Зря я тебе раньше не сказал... у меня подозрения уже несколько дней как имелись. Хотя... это Сашке надо было говорить, а он все равно в Ленинграде торчал.

Теркин ушел. Гумилев некоторое время сидел на траве, тупо глядя на косо торчавшую из земли обгоревшую палочку. Потом встал и, неслышно ступая, направился к дому, где жил Жером.

Оперативные документы:

директива № 45 от 23 июля 1942¹⁸

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами

Штаб верховного главнокомандования

Штаб оперативного руководства вермахта

Оперативный отдел

551288/42 Ставка фюрера, 23.7.1942 г.

Совершенно секретно

Только для командования

Передавать только через офицера

О продолжении операции "Брауншвейг"

I. В ходе кампании продолжительностью немногим более трех недель поставленные мною перед южным крылом Восточного фронта дальние цели в основном достигнуты. Лишь незначительным силам вражеских армий под командованием Тимошенко удалось избежать окружения и переправиться на южный берег р. Дон. Следует считаться с возможностью их укрепления войсками из района Кавказа.

Сосредоточение еще одной вражеской группировки происходит в районе Сталинграда, который противник, предположительно, будет упорно оборонять.

II. Цели дальнейших операций.

А. Сухопутные войска.

1. Ближайшая задача группы армий "A" – окружить и уничтожить в районе южнее и юго-восточнее Ростова вражеские силы, ушедшие за р. Дон.

Для выполнения этой задачи с плацдармов, которые следует создать в районе Константиновская – Цымлянская, ввести в бой сильные моторизованные соединения в общем направлении на юго-запад примерно на Тихорецк; пехотным, егерским и горнострелковым дивизиям форсировать р. Дон в районе Ростова.

¹⁸ В сокращении.

Наряду с тем остается в силе задача авангардными частями перерезать железнодорожную линию Тихорецк – Сталинград.

Два танковых соединения группы армий "А" (в том числе 24-ю танковую дивизию) для продолжения операций в юго-восточном направлении подчинить группе армий "Б".

Пехотную дивизию "Великая Германия" следует оставить в качестве резерва ОКХ и не продвигать ее далее участка р. Маныч. Подготовить ее отправку на запад.

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшая задача группы армий "А" – овладеть всем восточным побережьем Черного моря, тем самым выведя из строя черноморские порты и Черноморский флот противника.

С этой целью, как только станет эффективным продвижение главных сил группы армий "А", переправить через Керченский пролив предназначенные для того части 11-й армии (румынский горнострелковый корпус), чтобы затем пробиваться на юго-восток вдоль шоссе, идущего по Черноморскому побережью.

Силами другой группировки, в которой следует сосредоточить все остальные егерские и горнострелковые дивизии, овладеть переправой через р. Кубань и гористым районом Майкоп – Армавир.

Эта боевая группа, подлежащая усилению своевременно подброшенными высокогорными частями, в ходе своего дальнейшего продвижения к западной части Кавказа и через последнюю должна использовать все доступные горные проходы и таким образом во взаимодействии с силами 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно боевой группе, которую следует сформировать в основном из моторизованных соединений, выделив фланговые прикрытия с востока, овладеть районом Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, прилагая максимум усилий для захвата перевалов. Вслед за тем наступлением вдоль побережья Каспийского моря захватить Баку.

Группа армий может рассчитывать в дальнейшем на усиление ее итальянским альпийским корпусом. Эти операции группы армий "А" получают кодовое наименование "Эдельвейс".

Степень секретности: сов. секретно.

4. Группа армий "Б" имеет своей задачей, согласно имеющемуся приказу, наряду с созданием линии обороны по р. Дон ударом на Сталинград разгромить формирующую там группировку противника, захватить сам город и блокировать сухопутный перешеек между р. Дон и р. Волга.

Вслед за тем направить моторизованные соединения вдоль р. Волга с задачей продвинуться до Астрахани и также перерезать там главное русло р. Волга.

Эти операции группы армий "Б" получают кодовое наименование "Серая цапля".

Степень секретности: сов. секретно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Победа идет по следам танков

Украина, июль 1942 года

Танки шли на восток.

Они катились по бескрайней степи серо-зеленой волной. Земля дрожала под их траками. Ревели моторы. Воздух был синим и горьким от дизельных выхлопов.

С высоты птичьего полета танки были похожи на стадо стальных зверей, вырвавшихся из загона. Степные орлы тревожно кружили в небе, пытаясь понять, что происходит там, внизу, в клубящейся сизой дымке. Орлы никогда не видели таких странных и страшных зверей.

За танками двигались грузовики, автомобили, мотоциклы – точь-в-точь мелкое зверье, которое питается объемками на пиру крупных хищников. Позади, глотая бензиновую гарь, маршировала пехота – ровные колонны серых солдат, выбивавших сапогами пыль из выжженной солнцем земли.

Группа армий «Б» под командованием генерал-полковника Максимилиана фон Вейхса начала наступление на Сталинград¹⁹.

Только безумец решился бы встать на пути у стальной лавины. Достаточно было взглянуть на нее сверху, чтобы понять – нет и не может быть такой силы, которая способна противостоять удару исполненного бронированного кулака.

Степные травы ложились и умирали под лязгающими гусеницами танков.

¹⁹ 6-я армия группы армий «Б» под командованием генерала танковых войск Фридриха Паулюса должна была выйти к Волге и при поддержке итальянских и румынских дивизий захватить Сталинград. 4-я танковая армия Германа Гота, отличившаяся под Харьковом, пройдя вдоль Волги к Астрахани, должна была соединиться с группой армий «А» на берегах Каспийского моря.

В одну только 6-ю армию Паулюса входило тринадцать дивизий общей численностью более четверти миллиона человек, и более пятисот танков. Почти полторы тысячи танков было под командованием Гота.

Но шли дни, и движение стальной армады замедлилось. А потом одна ее часть повернула на юг, а вторая, постепенно теряя темп, продолжала продвигаться к Волге.

Здесь были собраны отборные механизированные дивизии бывшей группы армий «Центр», которая решением фюрера была разделена на две части. На острие удара находилась 6-я армия Фридриха фон Паулюса. Высокий, подтянутый, аккуратный, никогда не снимавший перчаток, Фридрих фон Паулюс был не боевым полководцем, а классическим штабным стратегом. За всю свою карьеру он мог похвастаться разве что командованием моторизованным батальоном. Он был в восторге, когда Гитлер отдал ему 6-ю армию, но с самого начала допустил несколько важнейших тактических ошибок.

Паулюс свято верил в полководческий гений фюрера. Если фюрер считал, что наступление на Кавказ важнее, чем взятие Сталинграда, Паулюс ни на секунду не мог позволить себе усомниться в его словах. Гитлер велел Паулюсу взять Сталинград к концу июля, но при этом отдал основные запасы горючего группе армий «А», двигавшейся на Кавказ. Паулюс не посмел возразить, и, когда горючее закончилось, его армия остановилась посреди степи.

В ставку фюрера «Вервольф» под Винницей полетели отчаянные депеши. Паулюс просил у фюрера горючего – как можно больше горючего. В двухстах километрах к востоку стояли у Калача 1-я танковая и 62-я армии русских, защищавшие первый рубеж обороны Сталинграда, а он не мог добраться даже до них.

Гитлер согласился неохотно: горючее было нужно не только Паулюсу, а румынские скважины давали не так много нефти, чтобы ее хватало всему вермахту. Он отругал Паулюса за плохую логистику, но распорядился прислать ему дизельного топлива для тяжелых танков и авиационного бензина для легких.

Как ни странно, в организационной структуре вермахта отсутствовала специальная служба, обеспечивающая армию горючим. Этим занималась служба главного квартирмейстера, который по совместительству являлся начальником военно-промышленного штаба. Поскольку у военно-промышленного штаба было много других забот, накладки с горючим происходили в вермахте постоянно.

Воевать в Европе было легко и приятно – танки мчались по ровным шоссе, останавливаясь на гражданских бензоколонках. Но в украинских степях не было ни шоссе, ни бензоколонок. Горючее приходилось подвозить к месту дислокации танковых соединений на грузовиках, и эти растягивающиеся на много километров конвои были лакомой целью для советских истребителей.

Победа идет по следам танков, гордо провозгласил когда-то Гудериан. Но еще один гений танковой войны, Эрвин Роммель, однажды записал в своем дневнике – «Самые храбрые солдаты не могут ничего сделать без оружия, оружие — ничто без боеприпасов, но в условиях мобильной войны ни оружие, ни боеприпасы не имеют большой ценности до тех пор, пока нет транспортных средств с достаточным количеством бензина для двигателей».

В самом конце июля, когда, по первоначальному плану Гитлера, армия Паулюса должна была уже взять Сталинград, большой конвой с горючим выдвинулся из Молдавии к Волге. В составе каравана были не только грузовики, забитые бочками с топливом, но и специальные автомобили-цистерны, которые могли ехать только по бетонке и застревали на бездорожье. Маршрут конвоя проходил в пятидесяти километрах южнее Винницы.

Здесь, под Винницей, конвой сделал короткую остановку – к нему присоединились танковая рота, которую Гитлер высыпал на подмогу застрявшему в приволжских степях Паулюсу. По пути рота должна была охранять конвой от возможных

атак русских. Впереди каравана шли пять легких танков-разведчиков. Еще четыре танка двигались параллельно. В арьергарде, на расстоянии километра, следовал взвод средних танков «Панцеркампфваген-IV». Одним из танков, носившим неофициальное имя «Милая Берта», командовал унтер-офицер Ганс Майер, недавний выпускник военного училища в Кельне.

Командир экипажа «Pz-Kpfw-IV» Ганс Майер вылез на броню, стащил с вспотевшей головы шлем и с удовольствием затянулся папиросой.

Стояла тихая украинская ночь. Крупные звезды перемигивались в темно-фиолетовом небе. Легкий ветерок приносил из степи дурманящие запахи. Спрятавшись под купами плаучих ив, весело журчал невидимый ручеек.

Майеру нравилось на Украине. Здесь пекли чудесный хлеб, здесь в огородах росли крупные сладкие помидоры, а ласковые украинские женщины гнали отличный самогон и готовили превосходное розовое сало. За те два месяца, что он провел на Украине, Майер ни разу не столкнулся с теми ужасами Восточного фронта, о которых рассказывали ветераны, побывавшие прошлой зимой у стен Москвы. Унтер-офицер был оптимистом, и надеялся, что так будет продолжаться и впредь.

С грохотом открылся люк отделения управления. Оттуда выбрался вечно недовольный механик-водитель Гельмут Йост.

– Трансмиссия бараблит, – пожаловался он. – Я же поручал этому старому лодырю Шульце проверить, как машина ведет себя на повороте, а он наверняка ничего не сделал.

– Почему же сам не проверил? – лениво поинтересовался Майер.

– Можно подумать, у меня есть время на сложные расчеты! – возмутился Йост. – Тогда бы мы не выехали из Винницы до завтрашнего утра.

– Я ничего такого не заметил, – сказал Майер. – Наверняка это тебе показалось. Слушай, Гельмут, я уверен, что с трансмиссией все нормально. Давай лучше организуем привал. Скажи ребятам, чтобы доставали жратву и разводили костер. А я пока прогуляюсь к реке.

– В одиночестве? – нахмурился Йост. – Это небезопасно, командир.

Ганс усмехнулся и выкинул окурок в траву.

– Мы в самом сердце наших новых восточных владений, Гельмут. Русские армии отброшены к Волге, а местные жители готовы целовать нам руки за то, что мы освободили их от тирании Сталина. Самая большая опасность, которая нам тут грозит – это обожраться жареной свининой.

– А партизаны? – Йост постучал по броне костяшками пальцев. – Я разговаривал с парнями из зондеркоманды, они считают, что каждый третий мужчина в этих краях так или иначе связан с подпольем.

– Партизаны прячутся в лесах, мой дорогой Гельмут, – Майер соскочил с брони на землю и сделал несколько приседаний, разминая затекшие мышцы. – Где ты видел здесь лес? Может быть, это? – он указал на заросли плакучих ив. – И сколько там укроется партизан? Человек пять?

Он демонстративно расстегнул кобуру своего «Люгера» и похлопал ладонью по рукоятке.

– И все-таки, – стоял на своем Йост, – я не стал бы идти туда в одиночку. Вы – командир, и не забывайте, что вы несете ответственность за весь экипаж «Милой Берты».

За то недолгое время, что Майер провел в рядах Панцерваффе, он успел сделать вывод, что спорить со стариной Йостом почти бесполезно.

– Ладно, – махнул он рукой, – можешь составить мне компанию. Хотя видит Бог, я хотел всего лишь спокойно отлизть в кустах да посмотреть в одиночестве на звезды.

– Тогда подождите минутку, – озабоченно проговорил механик-водитель, – я предупрежу Дитмара и Людвига, чтобы они начинали готовить ужин.

– Отличное местечко, – сказал Майер, когда они с Йостом пошли к берегу ручья. Ручей прорыл себе довольно глубокое русло, и танкисты стояли на краю невысокого обрыва. – Когда закончится война, куплю здесь большой участок земли, построю дом и заживу, как барон.

– Мой знакомый из штаба говорил, что ветеранам Восточного фронта будут давать землю бесплатно, – возразил Йост. – А в придачу еще и пару десятков местных жителей, чтобы не горбатиться на этой земле самому. Вроде бы существует подробный план заселения восточных земель, и он сам его видел.

Майер молчал, зачарованный глубиной ночного украинского неба.

– А земля-то здесь жирная, – продолжал беседовать сам с собой Йост, – сама так и просится, чтобы ее как следует обработали да засеяли. Какую пшеницу можно будет здесь растить! Знаете, командир, я, наверное, открою после войны мастерскую по ремонту тракторов и комбайнов – сдается мне, что это будет самое доходное здесь занятие.

– Мастерскую? – рассеяно переспросил Майер. – А, ну да, конечно... А я, пожалуй, умоюсь.

Он скинул черную куртку, стащил через голову гимнастерку и по крутой тропинке побежал вниз, к ручью. Вода была обжигающе-холодной, но Майер с удовольствием зачерпывал ее горстями и щедро поливал разгоряченное дневным переходом тело. Он плескался, фыркал и ухал, пока, наконец, не почувствовал себя свежим и бодрым. Тогда Майер повернулся, чтобы позвать Йоста, и замер.

Йоста на краю обрыва не было.

Конечно, он мог отойти на несколько шагов назад. Но Майер слишком хорошо знал старого ворчливого механика-водителя, чтобы поверить, что он мог оставить своего командира без присмотра.

– Гельмут! – позвал он громко. – Эй, Гельмут!

Ему показалось, что кто-то ему ответил. Тогда Майер вытащил из кобуры пистолет и поспешил вверх по тропинке.

Он уже почти достиг обрыва, когда споткнулся то ли о корень, то ли о неожиданно возникший на пути туго натянутый шнур. Майер упал, как кошка, выставив вперед руки, но сверху на него навалилась чья-то тяжеленная туша, широкая ладонь крепко зажала рот, а «Люгер» вырвали из руки прежде, чем он успел нажать на спусковой крючок.

– Ruhe²⁰! – прошептал ему в ухо голос с варварским славянским акцентом. – Пошевелись или пикнешь – убью!

«Партизаны! – в панике подумал Майер. – Йост был прав! Но где же они прятались?»

В рот ему воткнули какую-то вонючую тряпку. Потом рывком поставили на ноги.

Майер увидел, как весело пляшут вдали языки разожженного Дитрихом и Людвигом костра, отбрасывая тени на стальной борт «Маленькой Берты». Самых ребят он не видел – до костра было метров двести. Двести метров отделяло его от прежней жизни – жизни, в которой была веселая война и мечты о собственном поместье. В новой жизни не было ничего, кроме вонючего кляпа и ствола пистолета, уткнувшегося ему под ребра.

«Убегу, – отчаянно подумал Майер. – Собью с ног этого верзилу и брошу в степь. Трава высокая, сразу они в меня не попадут. А когда начнут стрелять, ребята тут же поднимут тревогу...»

Он уже почти решился было, уже собрал все силы для отчаянного рывка, когда увидел Йоста. Механик-водитель лежал чуть

²⁰ Тихо! (нем.)

поодаль в какой-то черной луже и смотрел в звездное украинское небо широко раскрытыми глазами. У него было аккуратно перерезано горло.

– Ну, что будем делать? – спросил капитан Шибанов.

Пленный фриц, голый по пояс, сидел на земле, широко раскинув длинные ноги. Его била мелкая дрожь.

Шибанов притащил его в их убежище под плаучей ивой. Убежище было идеальным – из него степь просматривалась во всех направлениях, но густая листва ивы надежно прятала его от постороннего взгляда.

Гумилев смотрел на пленника во все глаза. Это был первый живой фашист, которого он видел в жизни. Ничего ужасного в его облике не было, наоборот, выглядел он довольно жалко. Молодой парнишка, лет двадцати двух – двадцати трех. Худые плечи, тонкая шея.

– Где его вещи? – Жером рассматривал трофейный «Люгер».
– Он что, купался?

– Так точно, – сказал Шибанов. – Его там ефрейтор стерег, ну я его и это...

Он провел ребром ладони по шее.

– Старшина, принесите вещи, – скомандовал Жером. Теркин мгновенно исчез во тьме. – Значит, так. Времени у нас мало. Его могут начать разыскивать в любую минуту. Поэтому задача перед вами, капитан, стоит непростая. Вы должны внушить нашему гостю, что его долг перед фюрером – уничтожить предателей в экипаже его танка. И сделать это ему надо быстро и тихо.

– Как же я ему внушу, товарищ майор, я же по-немецки хреново шпрехаю, вы же сами говорили...

– Ничего, – сказал Жером. – Для того, чтобы объяснить, что ему следует делать, вашего словарного запаса вполне хватит. Только для начала узнайте, как зовут его бойцов.

Гумилев, затаив дыхание, наблюдал за Шибановым. Он уже давно знал, что капитана включили в группу из-за выдающихся способностей к суггестии, но ни разу не имел возможности воочию убедиться в его таланте. Жером занимался с Шибановым отдельно, предупредив курсантов, что капитану строго-настрого запрещено использовать свой дар в отношениях с товарищами по группе.

Шибанов уселся на землю напротив немца. Уставился на него тяжелым немигающим взглядом.

– На меня смотри, – сказал он по-немецки. – Смотри на меня, говорю!

Немец поднял голову и испуганно захлопал глазами.

– Сейчас тебе вынут кляп, – медленно проговорил капитан. – И ты будешь отвечать на мои вопросы и слушать все, что я тебе говорю.

Немец торопливо кивнул. Шибанов сделал знак Гумилеву, и тот, подойдя сзади, освободил пленника от кляпа.

– Как тебя зовут? – спросил капитан. Акцент у него действительно был сильный, но немец явно все понимал.

– Ганс, – ответил он прыгающим голосом, – Ганс Майер...

– Твое воинское звание?

– Унтер-офицер. Я командир танка...

– Как зовут членов твоего экипажа?

– Гельмут Йост, водитель-механик, обергефрайтер. Дитмар Гезе, стрелок-радист, гефрайтер. Людвиг Фегеляйн, наводчик, панцеробершутце. Аксель Бауэр, заряжающий, панцершутце.

– Кто из них был с тобой у ручья?

– Обергефрайтер Йост. Аксель Бауэр вчера сломал ногу и поэтому я пока остался без заряжающего. Завтра должны прислать замену.

– Значит, у танка осталось двое? Дитмар Гезе и этот... Фегеляйн?

– Так точно.

«Он принимает его за старшего по званию, – догадался Лев. – Интересно, гипноз уже начал действовать?»

Все бойцы группы «Синица» были одеты в серую военную форму Ваффен СС. У Шибанова в петлице были три звезды и четыре полосы гауптштурмфюрера, и унтер-офицер Майер смотрел на него, как на бога.

– Слушай внимательно, то, что я тебе скажу, – сказал капитан с чудовищным акцентом. – Дитмар Гезе и Людвиг Фегеляйн – предатели. Они твари. Отщепенцы. Они продали фатерланд. Они хотят убить великого фюрера.

Ганс Майер отшатнулся, словно получив пощечину.

– Да, это так. Ты должен остановить их, унтер-офицер. Сейчас ты оденешься и вернешься к своему танку. Ты не должен показывать, что знаешь об их предательстве. Ты дождешься, пока они заснут и убьешь их обоих. Ты сделаешь это тихо. Вот этим.

Шибанов протянул Майеру десантный нож. Тот, слегка поколебавшись, осторожно взял его и принял с интересом рассматривать.

– Потом ты вернешься и доложишь о выполнении приказа. Ты никому не будешь о нем рассказывать. Ты сделаешь все сам, и доложишь об этом лично мне.

– Так точно, господин гауптштурмфюрер, – ответил Майер. Он явно приободрился. – Я уничтожу предателей и спасу фюрера. Он вдруг заколебался.

– Аoberгейфрайтер Йост? Он тоже предатель?

Шибанов подумал.

– Нет, унтер-офицер. Obergейфрайтер Йост честный солдат. Поэтому ты отпустил его в деревню, к его знакомой вдовушке.

– Здесь нет деревни, – покачал головой Майер.

– Значит, он отпросился у тебя выпить шнапсу с друзьями из другого взвода. И он сидит сейчас с ними у костра и играет в карты.

«Неужели он и вправду его загипнотизировал? – спросил себя Гумилев. – Может быть, этот мальчишка просто прикидывается? А сам вернется к своему танку и закричит на всю степь: русские! Русские идут!».

Из темноты появился Теркин, бросил на землю перед Майером его гимнастерку и куртку.

– Одевайся, – велел Шибанов. – Иди обратно, быстро.

– Слушаюсь, господин гаупштурмфюрер, – танкист принял торопливо натягивать на себя одежду. Нож он сноровисто спрятал за голенище сапога.

– Проводи его, – велел Жером капитану. Тот серым призраком скользнул между свисающими до земли ивовыми ветвями.

– Неужели получится? – прошептала Катя. Она была в форме СС-хельферин²¹, с серебряной звездочкой офицера войск связи. Гумилев не мог не признать, что вражеская форма ей очень идет.

После несостоявшегося поединка с капитаном Гумилев дал себе слово больше не заглядываться на сержанта медслужбы. Смешно – ведь вначале он даже не поверил Теркину, решив, что тот специально возводит на Катю напраслину, чтобы помирить их с Шибановым. Не поверил – но все-таки прокрался к дому Жерома, и, спрятавшись в кустах, прождал несколько часов. И только когда перед самым рассветом дверь домика тихонько открылась, и оттуда вышла Катя – Гумилев окончательно убедился, что Теркин говорил правду. Катя стояла на крыльце, и в сером предутреннем свете ее лицо казалось еще более тонким и одухотворенным, чем обычно. Может быть, потому, что она выглядела очень счастливой...

В тот момент Гумилев четко понял две вещи. Во-первых, Катя была влюблена в Жерома, и изменить это было уже невозможно. Во-вторых, командир по какой-то причине ничего не сказал ей о дуэли.

²¹ Вспомогательная женская служба СС.

На следующий день Жером уехал в Москву, сказав, что занятий сегодня не будет. Незадачливые дуэлянты слонялись по территории базы, рисуя в воображении картины будущего трибунала. Друг с другом они не разговаривали, хотя Гумилев с удивлением обнаружил, что больше не чувствует к Шибанову той обжигающей ненависти, которая заставила его вызвать капитана на дуэль.

Жером вернулся поздно вечером. В глазах его плясали злые азартные огоньки.

– Вы оба пойдете под трибунал, – сказал он Гумилеву и Шибанову. – Как я вам и обещал.

Оба дуэлянта молчали, глядя в пол.

– Но есть и хорошая новость – это случится еще не скоро.

Командир выдержал драматическую паузу.

– Не раньше, чем группа «Синица» выполнит свое боевое задание.

Гумилев быстро взглянул на капитана. «Если у меня такое же выражение лица, – подумал он, – то со стороны мы должны выглядеть, как два идиота».

– Приказ о начале операции «Вундеркинд» подписан, – сказал Жером. – Завтра мы вылетаем на юг.

«Как вовремя!», – подумал Лев, но вслух ничего не сказал.

– Можете считать, что вам повезло, – голос Жерома был сух, как папиросная бумага. – Никто, кроме коменданта базы, не знает об инциденте в оружейке. Коменданту я сказал, что мы проводили незапланированные учения. Кстати, на вашем месте я бы извинился перед рядовым Борко. Да, и вот еще. Было бы крайне нежелательно, чтобы о вашей идиотской выходке узнала сержант Серебрякова. Все, я вас больше не задерживаю.

– Да уж, подфартило так подфартило, – задумчиво проговорил капитан, когда они, ошеломленные услышанным, возвращались домой. – Вот уж и вправду – судьба Евгения хранила...

Лев искоса посмотрел на него.

– Ну что ты дуешься, чудак-человек? Подумаешь, по роже ему дали... мне вон Теркин наш при первой встрече так наварил, голова потом три дня гудела...

– Ты извиняешься, что ли?

Шибанов сплюнул.

– Ну, если ты так ставишь вопрос... да, извиняюсь. Сам подумай – нам завтра за линию фронта лететь, а мы с тобой грыземся, как две шавки из-за косточки. Ну, что, мир?

Гумилев остановился.

– И за лагерную вошь извиняешься?

Капитан скрипнул зубами.

– До чего же ты занудный бываешь, Николаич! Хорошо, и за это тоже. Все?

– Все, – сказал Лев, подумав.

Шибанов скорчил страшное лицо и протянул ему руку.

Унтер-офицер Ганс Майер вернулся через два часа.

– Господин гауптштурмфюрер, – доложил он, вытягиваясь перед капитаном. – Ваш приказ выполнен. Оба предателя мертвые.

Шибанов, прибежавший в убежище пятью минутами раньше, одобрительно кивнул.

– Хорошая работа, унтер. Теперь можешь спать. Ты пронесешься в шесть утра, бодрый и полный сил. Ты будешь готов выслушать мой новый приказ. Без моего приказа ты не сделаешь и шагу, унтер.

– Так точно, господин гауптштурмфюрер, – Майер вытянулся во фронт. – Разрешите выполнять?

Он расстелил на земле свою куртку и свернулся на ней калачиком. Гумилев обратил внимание, что мышиного цвета гимнастерка немца заляпана темными пятнами.

– А он молодец, – усмехнулся Шибанов, когда Майер захрапел. – Сделал все четко, мне даже помогать ему не пришлось. Заколол обоих, как поросят. Один там был, радист, ну очень уж любопытный – интересовало его, куда это ефрейтор их делся. Так наш фриц его первого на нож и поставил.

– А где тела? – спросил Жером.

– Он их в траву оттащил, видимо, чтобы в глаза не бросались. Вдруг кто из другого экипажа подойдет... Хотя они там все уже спать легли.

– Хорошо. Я, сержант и старшина будем ночевать в танке. Вы двое – сторожите пленника. Что делать утром, вы знаете.

Жером пружинисто поднялся на ноги и скрылся за занавесом густых ветвей. Теркин и Катя последовали за ним.

– Удачи вам, ребята! – сказала Катя, обернувшись. Ветви ивы лежали у нее на плечах, и Гумилеву казалось, что на голове у нее корона, сплетенная из зеленых листвьев.

– Ну, что? – спросил Шибанов, когда они остались одни. – Кемарим по очереди?

– Давай ты первый, – сказал Лев. – Я все равно вряд ли смогу заснуть.

«Удивительно, – подумал он. – Два часа назад он убил одного немца, потом смотрел, как убивают еще двоих – и совершенно спокойно ложится спать. А меня колотун бьет, хотя я ничего этого и не видел...»

Он просидел около спящего немца до шести утра. Ровно в шесть Майер открыл глаза и принялся искать взглядом Шибанова.

– Эй, гаупштурмфюрер, – Лев толкнул капитана в бок. – Вставай, тебя ждут великие дела...

– Вот так вот прямо сразу, – пробормотал Шибанов по-русски, – ни свет ни заря... а уже работать заставляют...

Унтер-офицер смотрел на них осоловевшими глазами.

– Переходи на немецкий, – посоветовал Гумилев капитану, – а то у него сейчас шарики за ролики окончательно заскочат.

Шибанов повернулся к Майеру, и Гумилев увидел, как меняется его лицо – из заспанного и опухшего оно превратилось в сильное и сосредоточенное.

– Слушай меня, унтер-офицер, – сказал капитан по-немецки.
– Сейчас ты сделаешь вот что...

В восемь утра танковый взвод, шедший в арьергарде конвоя, двинулся на юго-восток. На месте осталась одна только «Маленькая Берта».

– Эй, Ганс, – рявкнул из приемопередатчика голос командира взвода, – ты что там застрял?

Командир «Маленькой Берты» щелкнул клавишой «Fu.5».

– Господин лейтенант, – срывающимся голосом доложил он, – у меня проблема с трансмиссией.

– Серьезная? – каркнула радио.

– Нет, господин лейтенант. Не слишком.

– Я вышлю тебе ремонтника.

– Не стоит, господин лейтенант. Мой водитель-механик берется устранить поломку в течение часа.

– Ладно, – голос в динамике «Fu.5» прорывался сквозь шумы и помехи. – Догонишь нас днем, мы все равно притормозим у Немирова.

– Есть, господин лейтенант! – бодро ответил Майер и выключил связь.

– Теперь у нас есть часов шесть форы, – сказал Жером по-русски.

– Этого вполне достаточно, чтобы добраться до Винницы.

На Майера было больно смотреть – он никак не мог понять, почему человек с погонами штурмбаннфюрера СС говорит на языке врага.

– Не волнуйся, унтер, – успокоил его Шибанов. – Мы выполним секретное задание.

– Что будем делать с фрицем? – спросил Теркин. – В танке для шестого человека места нет. Там и пять-то с трудом помещаются.

– Можно здесь оставить, – пожал плечами капитан. – Мавр сделал свое дело, мавр может пойти погулять.

Немец беспомощно переводил взгляд с одного чужака на другого. Видимо, он чувствовал, что в этот момент решается его судьба, но невидимая узда, накинутая на его разум Шибановым, не позволяла ему взбунтоваться.

– Нет, – сказал Жером. – Он нам еще пригодится. К тому же это исключительно гипнабельный экземпляр. Придется что-нибудь придумать.

– Тогда я поеду на броне, – хмыкнул Шибанов. – Все равно, как говаривал один мой приятель, с моими габаритами я не влезу даже в КВ-2...

– Хорошо. Но прежде велите нашему приятелю занять свое место в башне и не делать никаких глупостей. Да, можете внуширить ему, что в дороге он должен слушаться меня.

– Не бережете вы меня, – пожаловался капитан. – Расходуете мой ценный дар на всякие пустяки. А у меня, между прочим, после этого голова полдня раскалывается...

Степной орел, паривший над древней степью, хорошо видел, как стадо железных зверей ушло на восток, оставив на берегу извилистого ручья одного-единственного зверя. Орел решил, что одинокий зверь заболел или издох, но не успел он сделать и пары медленно снижающихся кругов, как чудовище вдруг взревело и принялось расшвыривать землю своими страшными круглыми лапами. Окутанное сизым дымом, чудовище развернулось и побежало обратно, на запад, прочь от своих соплеменников. Некоторое время орел следил за тем, как оно исчезает вдали, а затем опустился на вытоптанную им поляну. Там, в кустах, чудовище оставило много вкусной еды. Орел уже давно заметил, что железные звери охотно убивают людей, но никогда не едят их.

А в десяти километрах к западу от того места, где пировал орел, капитан Шибанов ухватился за ствол пулемета и поднялся на броне во весь свой немалый рост. Степной воздух пьянил его, казачья кровь упругими толчками билась в висках.

– Мы идем! – заорал капитан во всю глотку, – Да, скифы мы! Да, азиаты мы! С раскосыми и жадными очами! Мы любим плоть! И вкус ее, и цвет! И душный, смертный плоти запах! Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет! В тяжелых, нежных наших лапах!

Танк весело несся по благоухающей разнотравьем степи. Его подбросило на небольшом пригорке, и Шибанов едва не слетел с брони на землю, но удержался и развеселился еще больше.

– Что ты там кричишь? – заорал из башенки встревоженный Гумилев.

– Принимай гостей! – гаркнул в ответ Шибанов. – Принимай гостей, Адольф Алоизович!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Фото Игоря Мухина

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Закончил исторический факультет МГУ, College of Europe в Брюгге. Работал в ОБСЕ и ряде других международных организаций. Принимал участие в деятельности миротворческих миссий в Боснии и Албании. Автор романов «Завещание ночи», «Война за «Асгард», «Путь Шута».

9 ВОПРОСОВ О «БЛОКАДЕ 2»

1. В романе «Блокада 2: Тень Зигфрида» читатель не найдет многих героев первой книги серии – Сталина, Гитлера, Марии фон Белов, Гурджиева... Что заставило вас так обойтись с этими персонажами?

То, что перечисленные выше герои не появляются на страницах «Тени Зигфрида», вовсе не означает, что они исчезли из пространства романа навсегда. Просто если первая книга «Блокады» была своего рода расстановкой фигур, то ее продолжение - нечто вроде шахматного дебюта. В дебюте же участвуют далеко не все фигуры. Не раскрывая секретов, могу сказать, что одна из основных сюжетных линий третьей книги как раз будет связана с приключениями Марии фон Белов на Кавказе, куда, как вы, возможно, помните, направил ее фюрер.

Что касается Гурджиева, то он тоже еще не сыграл свою роль до конца. Георгий Иванович слишком сложная и масштабная фигура, чтобы мелькнуть однажды на периферии повествования, и кануть в небытие. Рано или поздно читатели узнают,

что произошло на ферме «Платан» после того, как туда прибыл штандартенфюрер СС Гельмут Кнохен, и как Жерому удалось не только уцелеть после этой встречи, но и вернуться в СССР.

Будет рассказана в свой черед история превращения Адольфа Гитлера из заурядного неврастеника в харизматического лидера, сумевшего повести за собой целую нацию. Читатель узнает не только о том, откуда фюрер получил Орла, но и о прежних хозяевах этого артефакта. Ну, и, разумеется, Иосиф Виссарионович Сталин тоже вернется на страницы книги. В конце концов, за кулисами операции «Синица» стоит именно он — а Берия и Абакумов не более чем талантливые исполнители его воли.

2. После выхода «Блокады 1» многие читатели задавались вопросом, кем был тотангличанин, труп которого обнаружил Лев Гумилев на вершине Черной Башни в Туркестане. В «Блокаде 2» вы вроде бы отвечаете на этот вопрос, но так, что загадок становится еще больше. Будет ли продолжена в следующей книге тема тайного общества «Золотая Заря», агентом которого был майор Диксон?

Непременно будет. Возможно, история английского майора станет даже сюжетом отдельной главы следующей книги (во всяком случае, эта история уже написана). Скажу по секрету: кое-что о майоре Диксоне внимательный читатель сможет узнать из одной из следующих книг проекта «Этногенез», не входящих в серию «Блокада». Что же касается общества «Золотая Заря» (Golden Dawn), то это реально существовавшая организация, основанная английскими оккультистами Уэсткоттом, Мазерсом и Вудмоном в 1888 г. в Лондоне. Ее история весьма интересна и сама по себе могла бы стать темой для остросюжетного мистического романа. Там есть и зашифрованные манускрипты розенкрейцеров, и тайные контакты между английскими и немецкими мистиками, и интриги, связанные с борьбой за власть внутри общества, и тайные Вожди Ордена, которых никто никогда не видел — в общем, полный джентльменский набор для добротного викторианского детектива. Помимо всего прочего, в общество «Золотая Заря» входил самый известный черный маг и оккультист XX века Алистер Кроули, «Зверь 666».

3. Насколько реально описание подготовки команды «Синица» на подмосковной военной базе? Если это был секретный объект, то почему Льву Гумилеву так легко удалось выбраться за его пределы, когда он уходил в самоволку?

Говорят, что в старые времена кандидата на работу в английской Intelligent Service как бы случайно оставляли на пять минут одного в кабинете, где он проходил собеседование. Когда же хозяин кабинета возвращался, то прежде всего спрашивал кандидата: что лежит в верхнем ящике моего письменного стола? И если испытуемый растерянно пожимал плечами, работа в разведке ему не светила.

Так и здесь: дыра в ограде, о которой командование базы, разумеется, было прекрасно осведомлено, служила тестом для проверки будущих разведчиков. Не случайно Жером совсем не удивился, когда Гумилев признался ему, что ходил в само-

волку. Правда, даже Жером не мог предусмотреть, что Лев столкнется в Москве с хорошими знакомыми своего отчима Анциферовыми (они еще тоже появятся на страницах романа). Этой случайности еще предстоит сыграть свою роль в дальнейших событиях.

Что же касается самой системы подготовки, то она описана далеко не полностью. За кадром остались индивидуальные занятия, которые Жером проводил с каждым из бойцов команды «Синица», обладающим паранормальными способностями. Единственный человек, с которым он этих занятий не вел — Лев Гумилев, у которого таких способностей не было (или, что, возможно, правильнее, о них никто не догадывался).

4. То есть у Льва Гумилева все-таки есть какая-то сверхспособность?

Безусловно, есть. Каждый, кто прочтет хотя бы одну его книгу, сможет в этом убедиться. Потрясающая историческая интуиция, острый аналитический ум, воображение, позволяющее восстанавливать из мельчайших деталей полноценную картину событий, очевидцы которых давно умерли, не оставив свидетельств. Реальный Лев Гумилев был гением, а гении чрезвычайно многогранины. Конечно, можно возразить, что его способности вряд ли могут помочь решить задачу, поставленную перед командой «Синица», но я бы с этим поспорил. Будущее покажет.

5. А почему командиром команды «Синица» был назначен именно Жером? Он же не профессиональный диверсант, а разведчик-нелегал, долгое время работавший в Западной Европе под прикрытием?

Ну, во-первых, у него есть необходимая диверсионная подготовка — вспомним, что он рассказывал своим бойцам о службе в Иностранном Легионе (и рассказывал, замечу, далеко не все, ограничиваясь в основном анекдотами). Во-вторых, и это самое главное, его выбрал для этой цели сам Сталин, который, в свою очередь, принял такое решение по рекомендации своего старого знакомого Гурджиева. А вот почему Гурджиев рекомендовал послать за Орлом именно Жерома, я рассказывать не буду — не пришло время открывать все карты.

6. Тогда поговорим о диверсантах из группы «Кугель». В романе, кстати, их упорно именуют «коммандос», а ведь это англосаксонский термин. Почему?

Ну, строго говоря, слово «коммандос» имеет южноафриканское происхождение и пришло к нам из языка буров (потомков голландских колонистов Трансваала). Во времена англо-бурской войны «коммандос» организовывали партизанские отряды из местных жителей и вели тайную борьбу с оккупантами. А в 1940 г. один офицер английской «special service», родом из Южной Африки, предложил этот термин для обозначения мобильных групп специального назначения (до этого как только их не называли — и «охотники», и «леопарды», и даже «штурмовые группы кавалеристов»). Термин прижился.

Есть сведения, что термин «командос» неофициально использовался ветеранами критской кампании (май 1941 г.), в ходе которой немецкие десантники выбили с острова союзные силы англичан, австралийцев, новозеландцев и греков. Вполне возможно, что Рольф и Бруно были в числе высадившихся на Крите парашютистов (Хаген, как мы знаем, поступил на службу в спецподразделение прямиком из тюрьмы). Во всяком случае, известно, что для Отто Скорцени участие в критской кампании было лучшей рекомендацией.

7. Вы действительно считаете, что немецкие диверсанты могли проникнуть в подвал ленинградского НКВД и выкрасть оттуда секретные документы?

Мне неизвестно, были ли подобные случаи в действительности (надо полагать, если и были, то информация о них засекречена). Но то, что такого рода попытки могли предприниматься, представляется мне весьма вероятным. Вряд ли сотрудники НКВД предполагали, что их ведомству что-то угрожает: слишком велик был в обществе страх перед могущественными «органами». Поэтому, теоретически, проникнуть в управление НКВД изнутри было наверняка проще, чем выйти из него. Но, повторю, это всего лишь предположение.

8. А опыты по воскрешению давно умерших римских легионеров, которыми занимаются сотрудники «Аненербе» в первой главе романа – это пример ничем не сдерживаемой авторской фантазии?

Не совсем. Опыты по изучению силы «Од» действительно ставились в лабораториях «Аненербе» (другое дело, что Карл Мария Вилигут ко времени описываемых событий находился в почетной ссылке под приемотром сиделок из СС). Что же касается воскрешенного легионера, могу сказать одно – его история получит продолжение. В следующей книге «Блокады» читатель (вместе с оберштурмбанфюрером Гегелем) узнает о некоторых шокирующих деталях экспериментов доктора Хирта.

9. Следующая книга, «Блокада 3», завершит серию?

Скорее всего, нет. История, которую я хочу рассказать, не укладывается в объем трех книг – уж не знаю, к сожалению или к счастью. Если продолжать аналогию с шахматной партией, сейчас сыгран дебют, но впереди еще и миттельшиль, и эндшиль...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Аненербе	
Замок Вевельсбург, к югу от Падеборна,	
Вестфалия	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Птица-синица	
Подмосковье, июль 1942 года	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
«Кугель»	
Новая Ладога – Осиновец, июль 1942 года	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Санаторий	
Подмосковье, июль 1942 года	50
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Ленинград	
Ленинград, июль 1942 года	67
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
След «Золотой Зари»	
Подмосковье, июль 1942 года	78
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Курильщик	
Ленинград, июль 1942 года	91
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Слабое звено	
Подмосковье, июль 1942 года	108
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Елена	
Ленинград, июль 1942 года	122

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Самоволка Москва, июль 1942 года	137
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Большой дом Ленинград, июль 1942 года	161
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Возвращение Зигфрида Ленинград, июль 1942 года	175
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Сюрприз Подмосковье, июль 1942 года	193
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Дуэль Подмосковье, июль 1942 года	218
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Победа идет по следам танков Украина, июль 1942 года	241

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва, Солянка, дом 1
Зеленый город
Саламандра
Бессмертие
www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

Отчество

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Андреевна

Гумилева

2020 год н.э.

14 лет

Москва, Солянка, дом 1

Тайга. Река Ада

Саламандра

Бессмертие

www.ethnogenез.ru

Э Т Н О Г Е Н Е З

Революция

Имя
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Николай
Романов
1891 год н.э.
22 года
Царское Село
Япония. Оцу. Фрегат «Память Азова»
Кот
Образы будущего
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Милиардер

Имя

Андрей

Отчество

Львович

Фамилия

Гумилев

Время действия

2008 год н.э.

Возраст

35 лет

Адрес

Москва, Жуковка

Локация

Арктика. Атомный ледокол «Россия»

Предмет

Отсутствует

Дар

Интуиция

Сайт

www.etnogenet.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Сомнамбула

Имя

Матвей

Отчество

Степанович

Фамилия

Гумилев

Время действия

2468 год н.э.

Возраст

22 года

Адрес

Луна, Новая Москва

Локация

Орбита Марса. Градус Забвения

Предмет

Отсутствует

Дар

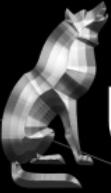
Отвага

Сайт

www.etnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Чингисхан

Титул

Чингисхан

Имя

Темуджин

Фамилия

Бордигин

Время действия

1179 год н.э.

Возраст

18 лет

Адрес

Урочище Гурельгү

Локация

Верховье реки Керулен

Предмет

Волк

Дар

Страх

Сайт

www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-07-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

БЛОКАДА 2

Книга вторая

Тень Зигфрида

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Ольга Трофимова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.03.10 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32